

А. Н. Аксаковъ.

89 23796

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СУЖДЕНІЯ ОБЪ

АВТОМАТИЧЕСКОМЪ ПИСЬМЪ

(ИЗЪ ЛИЧНАГО ДѢЛА)

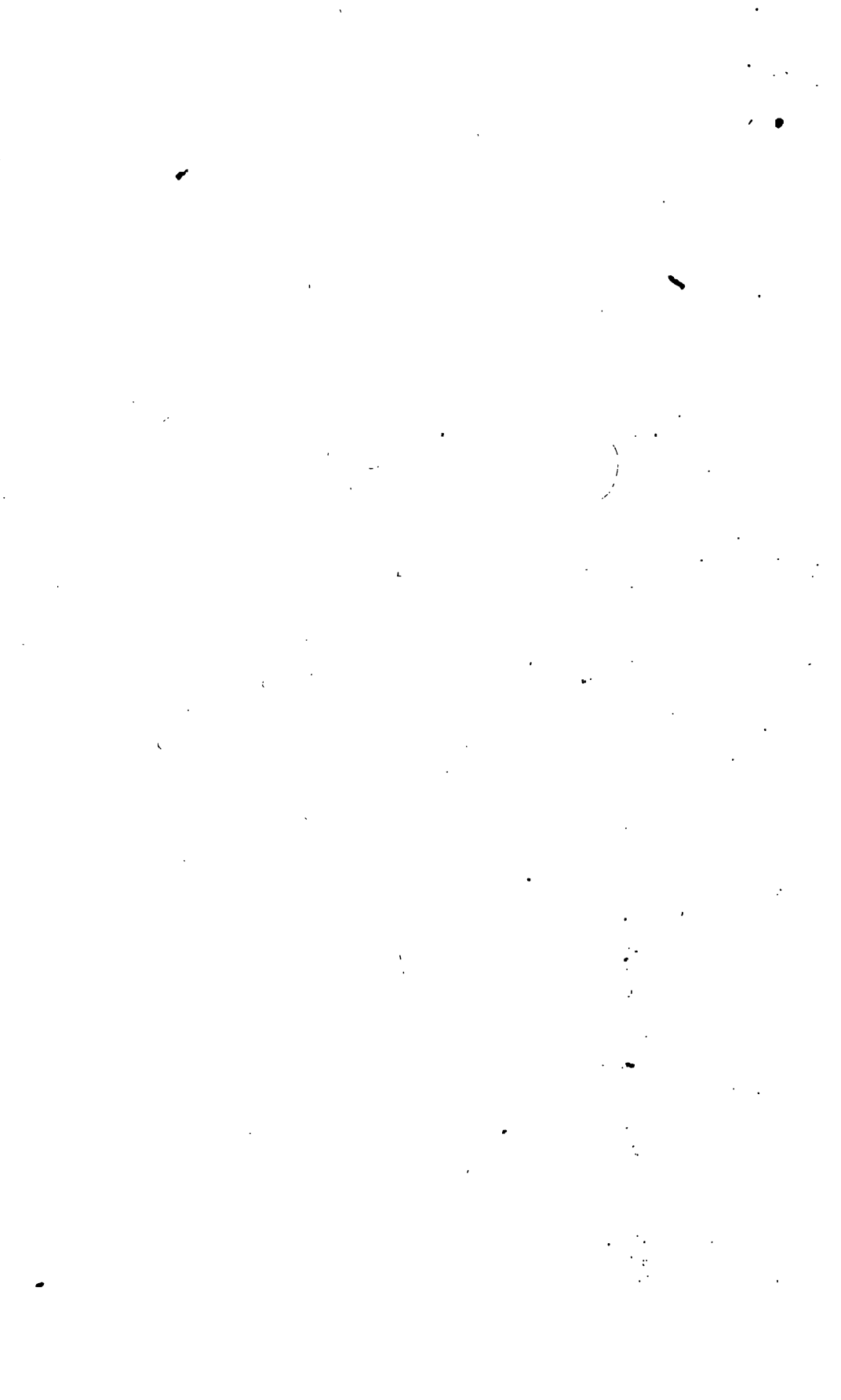
И

ДЛЯ СУЖДЕНІЯ О МАТЕРІАЛИЗАЦІИ

Съ двумя фототипіями.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1899.

А. Н. Аксаковъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СУЖДЕНІЯ ОБЪ

АВТОМАТИЧЕСКОМЪ ПИСЬМЪ

(ИЗЪ ЛИЧНАГО ОПЫТА)

И

ДЛЯ СУЖДЕНІЯ О МАТЕРІАЛИЗАЦІИ.

Съ двумя фототипіями.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1899.

А. Н. Аксаковъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СУЖДЕНІЯ ОБЪ

АВТОМАТИЧЕСКОМЪ ПИСЬМЪ

(ИЗЪ ЛИЧНАГО ОПЫТА)

И

ДЛЯ СУЖДЕНІЯ О МАТЕРІАЛИЗАЦІИ.

Съ двумя фототипіями.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1899.

Спб. Типографія В. Демакова,
Новый пер., д. № 7.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Матеріали для сужденія объ автоматическомъ письмѣ	1—113
Вмѣсто предисловія. <i>А. Аксакова</i>	1—5
Отчеты о сеансахъ: I—XXIV, 1882—1885 гг.	6—113
Матеріали для сужденія о матеріализаціи	114—235
А. Рѣдкій случай дематеріализаціи части тѣла медиума ¹⁾.	
I. Теоретическія соображенія.	114—131
II. Описаніе сеанса въ Гельсингфорсѣ 11-го декабря 1893 г. съ медиумомъ г-жей д'Эсперансъ, на которомъ удостовѣрено явленіе частичной дематеріализаціи тѣла медиума	132—133
Показаніе г-жи Ельтъ	134
Показаніе г. Топпеліусъ	145
Показаніе профессора Сейлингъ	146
Показаніе г-жи Сейлингъ	150
Показаніе г-жи Тавашерн	151
Показаніе генерала Топпеліусъ	155
Показаніе д-ра Гердберга	157
Показаніе генерала Седергольма	159
Показаніе самого медиума	161—167

¹⁾ Подробный французскій переводъ этой статьи изданъ особой книжкой подъ заглавіемъ: *Un cas de dématérialisation partielle du corps d'un médium. Par A. Aksakow. Paris, 1896.*

	СТРАН.
Письмо А. Н. Аксакова г-жѣ д'Эсперансъ съ вопросами по поводу ея показанія	168—169
Отвѣты г-жи д'Эсперансъ на вопросы А. Н. Аксакова	170—173
III. Разслѣдованіе, произведенное лично А. Н. Аксаковымъ въ Гельсингфорсъ	174—201
IV. Личныя ощущенія медиума во время мате- риализаціоннаго сеанса по его собственнымъ показаніямъ	202—223
V. Дальнѣйшія теоретическія соображенія и выводы	223—235
Б. Рѣдкій случай признанной материализо- ванной фигуры.	
I. Отчетъ г-жи Антоніи фонъ Билле-Даль о сеансѣ съ м-сь д'Эсперансъ 25 ноября 1895 года въ Готенбургѣ.	236—240
II. Письмо А. Н. Аксакова къ г-жѣ Билле-Даль	240—245
III. Отвѣтъ А. Н. Аксакову г-жѣ Билле-Даль	245—250
IV. Отчетъ о томъ же сеансѣ камергера Крөгъ	250—255
V. Отчетъ о томъ же сеансѣ баронессы Анны Пейровъ	255—260
VI. Отчетъ г. Отто Е. Эриксона о томъ же сеансѣ	260—263
VII. Отчетъ самого медиума	263—265
VIII. Запѣтки А. Н. Аксакова	265—272
В. Письмо А. Н. Аксакова къ г-жѣ д'Эсперансъ по поводу ея книги: „Миръ призрач- ный“, напечатанное при этой книгѣ вмѣсто „предисловія“	273—280

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СУЖДЕНІЯ ОБЪ АВТОМАТИЧЕСКОМЪ ПИСЬМЪ.

«Мнѣ жаль тебя, вотъ и достояніе».

(Изъ сообщеній «экс-человѣка»).

Въ сочиненіи моемъ «Анимизмъ и Спиритизмъ» я не разъ упоминалъ о сообщеніяхъ получавшихся мною въ совершенно интимномъ кружкѣ, состоявшемъ всего изъ трехъ лицъ: двухъ близкихъ родственниковъ (пожилой дамы и молодого человѣка) и меня самого. Цѣлью были не физическія явленія, которыхъ я видѣлъ достаточно, а умственныя, для сужденія о нихъ по существу. Вопросъ о поддѣлкѣ, для меня лично, тутъ не существовалъ; поэтому и способъ экспериментированія былъ самый примитивный, удающійся въ значительномъ большинствѣ случаевъ. Помянутые родственники мои никогда до этого въ качествѣ медиумовъ не упражнялись и нисколько не знали — есть ли у нихъ какія-либо медиумическія способности; это была первая попытка; я посадилъ ихъ за столикъ, не зная, выйдетъ ли что изъ этого; въ результатѣ они оказались медиумичными; сперва получались наклоны стола, говорилась азбука и требуемая буква указывалась ударомъ ножки стола объ полъ. Но такъ какъ этотъ способъ крайне мѣшкотенъ, то мы скорѣ

перешли къ другому: на картонѣ была наклеена крупная, печатная азбука, на нее клалась маленькая дощечка, съ одного конца заостренная для указанія буквы; двое участвующихъ клали на нее по одной рукѣ; она приходила въ движеніе и указывала требуемыя буквы. Самъ я нисколько не медіумиченъ; поэтому мое участіе состояло только въ томъ, что, сидя за другимъ столомъ, я записывалъ буквы, которыя мнѣ диктовали, и ставилъ вопросы. Это происходило, разумѣется, при свѣтѣ.

Сеансы эти въ общемъ результатъ дали очень интересный матеріалъ. Очевидно, вся цѣль сидѣній состояла въ томъ, чтобы выяснитъ, насколько получаемыя такъ называемыя сообщенія могутъ быть отнесены къ нашей собственной безсознательной дѣятельности, или требуютъ допущенія участія посторонней разумной силы. Получалось не мало вздору, иногда и ничего не получалось, но были и весьма замѣчательныя вещи. Нѣкоторыя изъ такихъ сообщеній я напечаталъ въ своемъ нѣмецкомъ журналѣ «Psychische Studien» подъ заглавіемъ: «Филологическія загадки, заданныя медіумическимъ путемъ» (См. гг. 1883—84).

Отъ времени до времени намъ приходилось получать сообщенія, которыя рѣзко отличались отъ другихъ, какъ по умственному содержанію, такъ и по складу рѣчи и по способу правописанія: неизвѣстный авторъ ихъ вскорѣ сталъ опускать твердый знакъ, двойныя согласныя, замѣнять ъ простымъ е, и вообще упрощать свое писаніе сколь возможно. Допытываясь, съ кѣмъ мы тутъ имѣли дѣло, мы постоянно получали отвѣты какъ отъ разумной самостоятельной личности, но назвать себя она никогда не хотѣла, и только пронически относилась ко всѣмъ моимъ попыткамъ выяснитъ ея индивидуальность.

Вотъ этотъ рядъ сообщеній я и намѣреваюсь предать

теперь гласности. Нѣкоторые отрывки, представлявшіе спеціальнѣйшій интересъ и имѣвшіе прямое отношеніе къ полемикѣ моеѣ съ Гартманомъ, были уже помѣщены въ моеѣ отвѣтѣ ему; напр., нашъ опытъ съ чтеніемъ при закрытыхъ глазахъ; сообщенія на неизвѣстныхъ медиумахъ языкахъ и т. д. Но помимо этихъ выдержекъ, и всѣ остальные сообщенія, исшедшія отъ имени той же личности, представляютъ нѣчто весьма оригинальное и поучительное. Поэтому я и рѣшаюсь представить всю эту серію цѣликомъ, дословно, подобравъ ее въ хронологическомъ порядкѣ.

Эти сеансы происходили шестнадцать лѣтъ тому назадъ. Невольно подумаешь, какъ далеко впередъ за это время подвинулось дѣло психизма. Такъ называемыя «психическія явленія» — гипнотизмъ, телепатія, ясно-видѣніе, медиумизмъ — добрались, наконецъ, до пороговъ храма науки, а первый изъ нихъ уже и твердо возсѣлъ въ этомъ храмѣ; остальные тянутся вереницей; изъ рукъ послѣдняго кандидата благосклонно приняты факты такъ называемыхъ «спиритическихъ сообщеній» и окрещены именемъ «автоматическаго писанія». Жакъ, Ришэ, Майерсъ исписали цѣлыя книги и трактаты на эту тему. Возникшее въ 1882 г. Лондонское общество психическихъ изслѣдованій провозгласило и установило фактъ телепатіи, т. е. передачи мысли и чувства на разстояніи; для толкованія помянутыхъ сообщеній оно долгое время пробавлялось теоріями «вторичнаго я», «подпорожнаго сознанія» (*secondary self, subliminal consciousness*), и т. д.; а для болѣе сложныхъ случаевъ присоединяло и телепатію; какъ вдругъ, за послѣднее время, въ лицѣ своего секретаря Р. Ходжсона, бывшаго ярого противника всѣхъ спиритическихъ явленій, какъ физическихъ, такъ и умственныхъ, услышало вынужден-

все, выстраивая фактами, признание необходимости допущения и спиритической гипотезы.

Въ прошломъ году, въ Италіи, въ засѣданіи неаполитанской королевской академіи наукъ была читана, членомъ ея Туріалло, пространная записка подъ заглавіемъ «Итальянскій спиритизмъ и наука», въ которой онъ указывалъ на необходимость дальѣйшихъ опытовъ въ этомъ направленіи (см. XXIX томъ «Актовъ» этой академіи). Особинъ отплаткомъ: «Lo spiritismo italiano e la scienza», Napoli, 1897.

А вотъ совсѣмъ недавно, въ октябрѣ прошлаго года, во Франціи, академія наукъ въ Монпелье была озадачена докладомъ своего профессора Грассе о необыкновенно удачномъ опытѣ ясновидѣнія — прочтенія на большомъ разстояніи нѣсколькихъ строкъ, написанныхъ и запечатанных имъ въ конвертѣ; опытъ этотъ произвелъ сенсацію даже здѣсь и встрѣченуль нашего почтеннаго профессора Тарханова, ратовавшаго прежде противъ всего подобнаго. Тѣмъ болѣе ему чести за объективное отношеніе къ совершившемуся факту.

Все это знаменательно, и собирающійся въ ннѣшнемъ году, въ Лондонѣ, международный конгрессъ въ память пятидесятилѣтія спиритизма, можетъ по истинѣ поздравить себя съ значительнымъ поворотомъ умовъ въ сторону распознаванія той чудесной области, которая нѣдрется въ самомъ человѣкѣ!

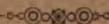
Возвращусь, однако, къ своимъ матеріаламъ. Италія вотъ серія автоматическихъ сообщеній, какъ читатель увидитъ, несомнѣнно однохарактерныхъ. Они выбраны мною изъ цѣлой сотни разныхъ сообщеній, полученныхъ нами все въ томъ же кружкѣ въ 1882 и 1883 годахъ, и относятся преимущественно до перваго; въ 1883 г. они стали рѣже и скоро вовсе прекратились. Они пе-

реданы мною здѣсь всё, безъ выпусковъ, съ точнымъ сохраненіемъ орфографіи. Разумѣется, для полнаго сужденія о ихъ характерности, и насколько они выдѣлялись изъ другихъ, слѣдовало-бы привести и остальной матеріалъ; но этого добра слишкомъ довольно въ спиритизмѣ, чтобы еще печатать его. Совершенно будетъ достаточно, если я буду приводить образцы того вздора, которымъ иногда начинались и сеансы этой серіи. Въдь это матеріалъ, а не избранныя мѣста.

Для объясненія вздора, столь часто получающагося на сеансахъ, удобно, разумѣется, держаться той теоріи, что онъ можетъ исходить только изъ нашей безсознательной психической дѣятельности; но допустивъ это, мы должны допустить, что мы можемъ точно также безсознательно произносить и что-либо хорошее, очень хорошее, даже превосходящее норму нашего обычнаго умственнаго уравненія. Такъ и утверждаютъ приверженцы теоріи автоматизма. Но есть-ли предѣлъ, за которымъ наше безсознательное, облакаясь въ разныя формы сознанія, перестаетъ быть *нашимъ*? Для обсужденія вопроса о подобномъ предѣлѣ предлагаемый матеріалъ сочтется, быть можетъ, не бесполезнымъ. Какъ-бы то ни было, слово, приведенное мною выше, въ качествѣ эпиграфа, хотя-бы и рожденное, какъ могутъ утверждать, подъ порогомъ нашего сознанія, останется золотымъ, и, какъ таковое, пропадать не должно. Блаженъ, кто будетъ его держать.

А. Аксаковъ.

С.-Петербургъ, 2-го января 1898 г.

56-ое сидѣніе, 3-го февраля 1882 г.

(Первое этой серии).

Послѣ долгаго ожиданія указка задвигалась по азбукѣ и началась диктовка. Стало складываться нѣчто, занявшее много времени, а потомъ оказавшееся чѣмъ-то въ родѣ стиховъ. Вотъ начало:

«Чего желаніемъ достигъ не удастся, того умомъ найти не сможешь; ни бурныхъ дней, ни жгучаго томленія, сама душа не въ силахъ превозмочь», и т. д.

Вотъ конецъ:

«Плетеніе стиховъ моя вѣдь спеціальность; я васъ потѣшить прихожу, и если вамъ моя оригинальность не по душѣ, то я уйду. Александръ Сергѣевичъ, только не Пушкинъ, а Ивановъ».

Ничего лучшаго не желая, какъ остановить подобныя изліянія, мы прервали сеансъ и пошли пить чай; думали — отдѣлались отъ стихоплета и присѣли въ обычномъ порядкѣ: медиумы къ азбукѣ, а особо для записыванія; сложилось:

«Какъ-бы не такъ, держи карманъ».

Картонную азбуку отложили, свѣчку потушили, и, погодя, всѣ присѣли къ столу; пятью рѣзкими ударами его ножки (условный знакъ) потребовалась азбука. Я перебралъ всѣ языки — отказъ. Опять пять ударовъ,

опять перечислил всё азбуки — отказъ. Наконецъ, порусски, ударами сложилось: «картонную». Зажегъ свѣчку и подложилъ ее; складывается:

— Ну ужъ азбука, тоже наклеилъ.

— Милая рѣчь, замѣчаю, видно, что прямо изъ балагана (была масляница).

— То есть прямо, это вздоръ, а былъ и на балаганахъ. Вотъ вы не были и не знаете, что тамъ былъ пожаръ.

— Сегодня?

— Да.

— Навѣрное вранье, отвѣтилъ я.

Нашъ собесѣдникъ не остался въ долгу; дощечка забѣгала; посыпались шутки, остроты, всякій вздоръ; я этого не записывалъ.

— Ну, хоть назовитесь, сказалъ я.

— Спиридонъ, да не онъ.

— Опять шутки. Спрашиваю, чтобы знать, наконецъ, что вы такое: домовый, лѣшій, духъ что-ли, или кикимора, какъ утверждаетъ Блаватская?

— Вотъ вамъ все названіе нужны, а у насъ и безъ названій понимаютъ.

— А позвольте узнать, что такое это «у насъ»?

— Въ мірѣ не вашихъ законовъ. Намъ все равно— духъ или кикимора; суть важна. Что духъ, что кикимора, вы все равно не знаете.

— А что же такое эта «суть»?

— Духовное достоиніе. На этой лѣстницѣ и вы стоите, и Сократъ, только ступени разныя; а вотъ я все же въ барышахъ и больше вашего вижу.

— Определите, что такое «духовное достоиніе»?

— Мнѣ жаль тебя — вотъ и достоиніе.

— Вотъ это — отвѣтъ; надъ нимъ можно и задуматься¹⁾. Для чего сначала такой вздоръ городили?

— Все въ вашемъ муравейникѣ условно; въ чемъ вздоръ спрошу?

— Чѣмъ вы были прежде и чѣмъ теперь?

— Теперь я то же, что и прежде — земною тварью.

— Чѣмъ были на землѣ?

— Конечно человѣкомъ.

— Въ чемъ состояла и состоитъ ваша жизнь?

— Въ дѣлахъ грѣха и добродѣтели.

— Почему не можете толкомъ отвѣтить о себѣ?

— Мы имя говоримъ когда это нужно. Я вамъ скажу, чѣмъ былъ: сотрудникомъ страны; что дѣлаю теперь, на что не взыщите.

— Вотъ и нужно ваше имя, чтобъ доказать....

— Вамъ не нужно и нечего доказывать, и некому.

— Вы въ духовномъ мірѣ что-ли?

— Да.

- Нѣтъ.
- Такъ въ чемъ же можетъ состоять ваше несчастіе теперь?
- Оступи.
- Не понимаемъ. Не ошибка-ли, повторите.
- Оступиться, знаете что значить. Я лучше слова не могу придумать.
- Такъ и тамъ можете оступаться?
- Легче, чѣмъ вы: возможности, случаевъ, путей больше.
- Становится поздно; пора кончать. Когда-нибудь заверните опять.
- Прощайте, я и самъ пожелаю.

57-е сидѣніе, 10-го февраля (П-е).

Послѣ обычныхъ пріемовъ была потребована русская азбука; я положилъ на столикъ картонную, и началось:

— Ну, что, справлялись о пожарѣ?

Изъ этихъ словъ мы поняли, что имѣемъ дѣло съ нашимъ послѣднимъ собесѣдникомъ.

— Да, справлялись, и оказалось, какъ я и говорилъ, враньемъ. А еще въ амбицію вошли! Ну, къ чему все это вранье? Ужели нельзя безъ этого?

Тутъ указка прямо перешла съ русской азбуки на французскую, наклеенную на томъ же картонѣ съ другого конца, и сложилось:

— Ешекхавасша.

— Въ этомъ смысла нѣтъ.

— Ужели смысла нѣтъ?

- Такихъ словъ нѣтъ на французскомъ языкѣ.
- Кто вамъ сказалъ, что это по французски?
- Такъ скажите, на какомъ?
- Вы не знаете — тѣмъ лучше, а вамъ слѣдовало бы знать; по русски значитъ *долина слезъ*—это ваше царство.
- Что nibудь опять сочиняете!
- Вотъ вы, вѣдь, можете провѣрить меня,—кто знаетъ по еврейски.
- Такъ это по еврейски?
- Да.
- Сложите еще разъ русскими буквами.
- Емекхабака.
- Сидѣвшіе за столикомъ записаннаго мною не могли видѣть, такъ какъ я сидѣлъ за особымъ столомъ, и только услышали, когда я прочелъ, какіе то странные, непонятныя звуки, напоминавшіе слово *кабакъ*; тѣмъ не менѣе, то же самое было повторено русскими буквами совершенно правильно.
- Сложите первое слово.
- Емек.
- Откуда это?
- Это извѣстное очень изреченіе одного португальскаго врача еврея.
- Можете сказать имя?
- Кажется, Сардовій.
- Не слыхаль.
- Очень жаль.
- Объ этомъ надо будетъ справиться. Теперь поговоримъ о другомъ. Имѣете ли ясное воспоминаніе о земной жизни своей?
- Не совсѣмъ, тевъ подробностяхъ.
- Что значить — тевъ?
- То есть; долина вашихъ слезъ мнѣ памятна во

всемъ, въ чемъ выросла моя душа, а многое умерло съ тѣломъ.

— Говорятъ, сознание нашего я, выработанное нашимъ организмомъ, съ нимъ и умираетъ.

— Это вздоръ. Я, конечно, сознаю себя другимъ, но знаю какимъ себя сознавала.

— Сохранилось ли у васъ ясное воспоминаніе о земныхъ испытаніяхъ?

— О горячахъ, испытаніяхъ,—да; но что здѣсь горе и воспоминаніе о прошломъ—это вамъ еще придется узнать.

— Вы подразумеваете раскаяніе въ прошломъ?

— Не совпадаетъ съ вашимъ.

— Свѣжо ли воспоминаніе о прошломъ?

— Не горе — несчастіе, счастье — не всегда радость.

— Это не отвѣтъ.

— У васъ это то же. Я не думалъ отвѣчать, просто продолжалъ.

— Есть у васъ какое вѣрученіе?

— Какъ у васъ, только вѣра здѣсь сама собою разумѣется, поколику она относится до загробной жизни; а живдителя и здѣсь не видать, те (то есть) не больше чѣмъ у васъ.

— Насъ учать и многому другому?

— Я здѣсь во многомъ исповѣдую слова: гдѣ два или три во имя мое, тамъ и Я посреди васъ. Ваше общество стоитъ на этихъ словахъ.

— Это не отвѣтъ.

— Спрашивайте точнѣе, не могу же я читать лекціи на общую тему.

— Говорятъ, все это писаніе — наша бессознательная дѣятельность. Чѣмъ докажете противное?

— Не трудно это доказать, если вамъ можно доказать, что вы это все сами дѣлаете.

— То есть, пусть прежде докажутъ, что это мы сами дѣлаемъ?

— Конечно, такъ; даже вы сами знать должны, что прежде всего требуется доказательство положительнаго, т. е., что вы это сами дѣлаете, а потомъ лишь можно обратиться къ доказательству отрицательнаго... фу, какъ тошно! (При складываніи этой фразы, указка начала такъ скоро водить по азбукѣ, что я не успѣвалъ записывать, все останавливалъ и просилъ повторить; этимъ объясняется вызванное раздраженіемъ и съ такою быстрой сложенное восклицаніе), т. е., что не вы производите.

— Надо сдѣлать перерывъ, намъ пора чай пить.

— Отправляйтесь.

— А послѣ чаю опять потолкуемъ?

— Буду очень радъ!

Сеансъ былъ на нѣсколько минутъ прерванъ для чая; я воспользовался этимъ временемъ, чтобы разыскать въ еврейскомъ словарѣ сообщенныя еврейскія слова. Лѣтъ тридцать тому назадъ я нѣсколько занимался еврейскимъ языкомъ, такъ что могу навести справку въ словарь, и я нашелъ при коряѣ «бака» («плакаль») и выраженіе «эмек-хабака» («долина плача»). Я узналъ изъ словаря что это выраженіе встрѣчается въ Ветхомъ Заветѣ всего одинъ разъ и именно въ 83 псалмѣ, ст. 7. Оно было мнѣ совершенно незнакомо, тѣмъ болѣе, что мои занятія еврейскимъ языкомъ ограничивались первой главой книги Бытія и первыми десятью псалмами. Такимъ образомъ, цитата оказалась вѣрнымъ, только латинское правописаніе его должно быть не «habascha», «habbasa».

Что касается имени Сардовія, то я въ своихъ біографическихъ словаряхъ его не нашелъ. Оба эти результата моихъ справокъ, одинъ утвердительный, другой

отрицательный, были, разумѣется, сообщены моему маленькому обществу, покуда оно занималось чаепитіемъ; покончивъ съ нимъ, мы опять принялись за сеансъ. Медіумы усѣлись за столикъ еще до моего прихода и въ ту же минуту, едва они положили руки на планшетку, имъ было сказано по-русски:

— Посмотрите-ка въ словарь *B. Cardoso* (при этомъ словъ указка перешла на латинскую азбуку).

Въ эту минуту я вошелъ и мнѣ передали сообщенное.

Я присѣлъ и сказалъ:

— Я сейчасъ справлялся—еврейскій цитатъ вѣренъ.

— Знаю, что вѣрно и что справлялись; я вспомнилъ, что онъ не Сардовій, а Кардовій, *Cardosio*, — зій, все сбываюсь.

— Что значить *b*?

— Имя, *B. Cardoso*. Очень извѣстный въ свое время ученый врачъ.

— При чемъ же тутъ это изреченіе?

— Знаменитое motto.

— А зачѣмъ наврали намъ о пожарѣ?

— Я хотѣлъ видѣть, что вы сдѣлаете.

— Это—плохое объясненіе. Какъ понять этотъ вздоръ, который такъ часто намъ гордится съ того свѣта?

— Это вы не поймете. Намъ самимъ не всегда ясно, что происходитъ на вашихъ что-ли сеансахъ.

— Какъ услышали вы про этотъ способъ общенія?

— А вы какъ слышали, какъ въ театрѣ поютъ, если были на новой выставкѣ ¹⁾. Увѣрю, что очень схоже. Лучше сравните не сумѣю.

— Значить, и вы «слышали?»

¹⁾ Гдѣ слушалась опера посредствомъ телефона.

— Чувствовать.

— Скажите въ какомъ образѣ вы обитаете?

— Понимание души есть форма жизни Ахиллеса сына Пета.

— И я не спрашиваю про душу, а про форму.

— Да что по вашему форма? Тотъ по шнелю и спрашивать желая — живеть ли находится что-либо въ формѣ, тѣмъ форма понятие необходимое тамъ, тѣмъ рѣчь идетъ о какомъ-либо бытїи.

— И я не спрашиваю, находится ли вы въ формѣ, а въ какой?

— Стало быть, вы спрашиваете о души есть форма, потому что я сказалъ, что форма одно понятие, а вы объяснились.

Тутъ возникъ оживленный разговоръ между мною и А. М. Бутлеровымъ, случайно присутствовавшимъ на часѣхъ. Мы обвинили нашего собесѣдника въ томъ, что онъ уклоняется отъ прямого отвѣта.

— Выкайте, я утверждаю, что форма есть понятие — это разъ. Потому, форма нужна для того, чтобъ понятие вступило тамъ, тѣмъ рѣчь идетъ о томъ бы то ни было существующемъ, а законенъ, какому бытїю соответствують свои понятия, въ томъ тѣхъ и представленіи о формѣ, или, какъ сказать бы философъ, о явленіи.

— Тотъ міръ похожъ ли на нашъ.

— Я рѣдь думаю и знаю, т. е. лучше, вижу что говорю въ пользу умными; вѣдуюсь мой отвѣтъ по тѣхъ того, что сейчасъ изволили говорить: скажите-ка пожалуйста, что вы понимаете подъ выраженіемъ «похожий», что все и нечего?

— Если бы мы теперь со своими ограниченными средствами могли заглянуть въ заштъ міръ, то нашли ли бы мы его похожимъ на нашъ?

— Опять похожий. Да, да, воображайте все что хотите, подь этимъ словомъ.

— Уже поздно, надо кончать. Приходите къ намъ пожалуйста опять.

— Да я нарочно къ вамъ прихожу, все думаю помняете. *Festina lente* ¹⁾.

— Видно потому-то и не понимаемъ другъ друга, что отношенія-то несозвѣрны.

— Все это пустяки, голубчики! Совсе не трудно понимать — хоть то, что можно. До свиданья.

— Да нельзя ли васъ какъ вызвать, отыскать?

— Это — шалишь!

По окончаніи сеанса я успѣшилъ опять справиться въ словаряхъ и на этотъ разъ справки оказались успѣшны. Въ «*Nouvelle biographie universelle*», изданной Дидо въ 46 томахъ, я нашелъ слѣдующее:

«*Cardoso (Fernando)*, португальскій врачъ, родившійся въ началѣ XVII столѣтія, умершій во второй его половинѣ. Собственно Силорико отчизна этого страннаго человѣка, который пріобрѣлъ себѣ большую славу какъ врачъ, начиная съ 1630 г. Онъ переселился въ Испанію, въ Мадридъ, и пользовался тамъ званіемъ *Phisico Mayor* (старшаго врача). По-истинѣ было замѣчательно въ жизни этого человѣка, что, будучи воспитанъ въ христіанской религиі, онъ отъ нея отрекся, чтобы перейти въ дово іудейства, котораго сталъ горячимъ ревнителемъ... и проч.

И такъ на этотъ разъ нашъ собесѣдникъ «припомнилъ» хорошо. Фамилія и характерныя черты вѣрны, только имя не *B*; но это не особенно важно.

Весь этотъ случай подробно переданъ въ моемъ «Ани-

¹⁾ *Festina lente*. Латинское изреченіе: торопись потиховкѣ.

извѣстѣ, вмѣстѣ съ указаниемъ того источника, изъ котораго нашъ собесѣдникъ, не знавшій, по его же извѣщенію (хоть увидѣвъ уже), еврейскаго языка, подчеркнулъ это изреченіе; я случайно узналъ объ этомъ источникѣ уже гораздо позднѣе (см. замѣтъ 60-го свиданія).

Прошло два сеанса, 58-й и 59-й, на которыхъ нашъ таинственный собесѣдникъ не появился. Мы обыкновенно сѣдѣли за столѣмъ и ждали, что будетъ, безъ всякаго, такъ называемаго, вызыванія кого бы то ни было. На 58-мъ сеансѣ мы были, естественно, подъ впечатлѣніемъ предшествовавшаго; тольковали о нашемъ послѣднемъ посетителѣ, объ его остроуміи, его діалектикѣ, объ еврейскомъ изреченіи и т. д. Во время нашего разговора, пятью наклонами стола было потребована нѣмецкая азбука: «О чемъ вы тутъ толкуете» было пераимъ словомъ, и, тотчасъ за тѣмъ, назвался нашъ прежній собесѣдникъ-филологъ, отъ котораго мы получали тѣ интересныя сообщенія на латинскомъ и греческомъ языкахъ, которыя я впоследствии и напечаталъ. Бесѣда шла на нѣмецкомъ языкѣ, совершенно толково, съ пересмычкой греческихъ и латинскихъ фразъ; мы пояснили нашему собесѣднику, о чемъ мы разговаривали, и воспользовались этимъ случаемъ, чтобы спросить, не знаетъ ли онъ этого еврейскаго изреченія? Онъ совѣтовалъ привести справку въ «*Bücher, Symbolik der Völker*», о которой, разумѣется, мы понятія не имѣли. Впоследствии я нашелъ въ полномъ каталогѣ всей нѣмецкой библиографіи: «*Bücher, Populärsymbolik*» 1850 г. Не совсѣмъ то, но замѣчательно близко.

59-ое сидѣніе почти тотчасъ же открылось латинскою рѣчью: «Dulce et decorum est pro patria mori pro veritatem dicere malo». (Отрадно и лестно умереть за отечество, скажу лучше — за истину). Первая половина фразы — очень извѣстный стихъ Горация, а вторая — уже собственная добавка говорившаго; бросается въ глаза разница въ падежахъ послѣ того же предлога; думаль ошибка въ томъ или другомъ, но оказалось, что правильно то и другое. Далѣе, по-латыни же, собесѣдникъ сказалъ, что по-русски говорить не можетъ, а по-французски или по-нѣмецки. На вопросъ объ имени, сперва отказался дать его, но потомъ сдался и назвалъ: «Fichte junior». Я встрѣчался съ нимъ въ Германіи. На просьбу удостовѣрить личность свою, онъ стѣтилъ ссылкой на страницу своей «Антропологіи», гдѣ говорится о Фехнеровомъ земномъ духѣ (Fechner's Erdgeist). Немедленно наведенная справка въ его «Антропологіи» не подтвердила, однако же, этой ссылки. О Фехнеровскомъ «земномъ духѣ» или «земной душѣ», какъ Фихте выразился въ другомъ мѣстѣ этого сообщенія, мы ничего не знали. Бесѣда продолжалась на нѣмецкомъ языкѣ, толково и интересно.

— Дайте намъ опредѣленіе той формы бытія, въ которой вы находитесь. Вы сейчасъ упомянули о существахъ эфирныхъ, и себя разумѣете въ томъ числѣ?

— Да, я существо эфирное, въ точномъ смыслѣ того, что подъ существомъ слѣдуетъ разумѣть, только въ оболочкѣ эфирной, замѣсто матеріально атомистической.

— Въ какомъ образѣ вы обрѣтаетесь, человѣческомъ?

— Совершенно, только другой матеріаль, слѣдовательно, подъ особенными условіями возникновенія, эволюціи и закономерности.

— Есть у васъ время и пространство?

вась. Послѣ вашего вопроса о пожарѣ, в моего отвѣта, что все это вранье, вы тотчасъ перешли къ еврейскому изреченію. Меня удивляетъ этотъ переходъ. Вы такъ стоите за логику, а между тѣмъ, какая же логическая связь между тѣмъ и другимъ?

— Есть самая непосредственная.

— Поясните.

— Я нарочно спросилъ о пожарѣ, думалъ къ чему вамъ это, но видѣлъ ¹⁾, что вы на этомъ выводите что-то; вот я и подумал, какъ плачевна жизнь ваша, какими средствами ничтожной убѣдительности вы владѣете, вмѣстѣ хотѣлъ поразить тѣмъ же.

— То есть, кабы оказалось сказанное о пожарѣ вѣрнымъ, то и повѣрили бы что «духъ». Такъ ли?

— Конечно. Тут у насъ видно что у васъ скрыто; *il ripi bel fior ne coglie*.

— Къ чему тутъ это итальянское?

— Переживаетъ тончайшее.

— Это пополненіе итальянской фразы, что берется лучшей цвѣтъ?

— Блиско... Вы должны довольствоваться тѣлесной темницей вашей, мы лучшей цвѣтъ.

— Поговоримъ теперь о другомъ.

— Грегори.

— Это по каковски?

— Гречески.

— Что значить?

— Ну посмотрите же сами, это вамъ совѣтъ всѣмъ, всѣмъ, ибо не вѣдаете ни дня, ни часа, а надо готовиться.

— Тутъ «всѣмъ» два раза, это не ошибка?

¹⁾ Букву *z* «Спиридонъ» начинаетъ выкидывать. Сохраняю его орфографію.

- Ну, что за вопросъ зачѣмъ два раза!
- Эта фраза относится къ «грегорен»?
- Да.
- Это значеніе слова «грегорен»?
- Да. Custodite.
- Хорошо, справился послѣ; теперь перейдемъ къ другому: признается ли у васъ нравственный законъ?
- Да.
- Въ чемъ онъ состоитъ?
- Только что хотѣлъ васъ остановить этимъ вопросомъ.
- Такъ потрудитесь опредѣлить сами.
- Есть нравственнаго состоянія степень, законъ такой же какъ у васъ, онъ мировой, онъ — божество. Буду передъ знаками останавливаться ¹⁾.
- Но это не опредѣленіе, въ чемъ же онъ состоитъ?
- Будь совершенъ, совершенствуя совершенствуйся.
- Что то не понимаю.
- Стыдно, понимаете прекрасно.
- «Совершенствуй», т. е. другихъ, что ли?
- Ну хоть собак, кого и что можете.
- А вы не сердитесь, желаю лучше понять.
- У васъ времени много, я стараюсь, думать можете потом.
- Нравственный законъ въ опредѣленіи добра и зла. Что вы тамъ разумѣете подъ этимъ?
- Нравственный законъ вовсе не состоитъ въ опредѣленіи добра и зла, а въ опредѣленіи того, что значитъ быть нравственнымъ.
- Но это то же самое: будь нравственъ, дѣлай добро; а что добро?

¹⁾ Эта вставка Спирядона была вызвана нашими недоумѣніями при перечитываніи записаннаго.

— Нравственныя требованія всегда соотвѣтствуютъ развитію; вотъ принципъ нравственнаго общежитія на землѣ, какъ и всюду, гдѣ есть движеніе, сирѣчь жизнь, существованіе; а потому всегда останѣтся отвѣтъ, что надо дѣлать добро, а зло его противоположеніе; а что добро — это вопросъ о дѣйствіяхъ; какими они должны быть, я вамъ сказалъ; вы будете тѣмъ нравственнѣе, чѣмъ правильно развитѣе.

— При такой постановкѣ абсолютнаго добра нѣтъ.

— Это вздоръ, какое тутъ можетъ быть абсолютное пониманіе. Подумайте сами.

— Значить и отвѣтственности нѣтъ, ибо я поступаю по мѣрѣ развитія своего!

— Отвѣтственность всегда личная и всегда априори... ¹⁾ (немного погодя)... дальше ѣхать.

— Что значить?

— Просто вы всѣ господа — путешественники, да и мы тоже, конечно; чѣмъ больше отвѣчать, тѣмъ дальше ѣхать. Другой отвѣтственности и быть не можетъ; вѣдь высѣчь можно только безъ отвѣтственности.

Покуда мы переговаривались о значеніи этой послѣдней фразы, дощечка задвигалась:

— Прощайте господа, нельзя же право, я устаю.

Потолковавъ, спрашиваемъ, такъ ли повяли? но указка осталась недвижима.

Примѣчаніе. Мои оба медіума ни слова не знаютъ по-итальянски; тѣмъ не менѣе они сложили фразу, которая оказалась совершенно вѣрною; я нѣкогда учился итальянскому, но фразы этой не зналъ; къ тому же надо помнить, что я за столикомъ не сидѣлъ, а особо, за большимъ столомъ, гдѣ и записывалъ диктуемыя мнѣ буквы.

¹⁾ Т. е. Après coup. Послѣ совершившагося.

Что касается греческого слова, то и по-гречески оно все не знаю, а мой милый человек, в свое время, учился ему, но этого слова не знает, и знаю эта была грамматическая форма также не знаю; но потом он справился в грамматикѣ и показалъ мнѣ, что это императивное склоненіе, второе лицо единственнаго числа отъ глагола: «грегорейн» — бодрствовать. По мнѣнью справился в греческихъ словаряхъ въ Новомъ Заветѣ это слово часто повторяется, также въ повелительномъ, но только во мнѣхъ числѣ; по-славянски передано словомъ: «бдите»; въ латинскомъ переводѣ «vigilate». Здѣсь же нашу собственную переводъ латинскому словомъ «custodite» (сторожите), что также подходит.

Вослѣдствіи я нашелъ, что и эти два изреченія потеряны, очевидно, изъ того же источника, изъ котораго было взято и еврейское. Указаніе этого источника, мнѣ въ то время совершенно неизвѣстнаго, и подробное обсужденіе этихъ загадочныхъ цитатъ можно найти въ моемъ «Анимизмѣ», стр. 488—501.

Перепечатываю здѣсь это мѣсто:

Объясненіе, предложенное г. Гартманомъ для еврейскаго цитата, состоитъ въ слѣдующемъ: «Можетъ случиться, что у кого-либо изъ присутствующихъ, вълѣдствіе возбужденія интереса въ извѣстномъ направленіи, пробудятся въ скрытомъ сомнамбулическомъ сознаніи воспоминанія о прежде слышанныхъ или видѣнныхъ рѣченіяхъ на чужихъ языкахъ; представленія эти могутъ быть угаданы медлѣнною посредствомъ чтенія мыслей и произвольно написаны или указаны посредствомъ стучковъ, причемъ бодрственное сознаніе упомянутого присутствующаго вовсе не узнаетъ въ полученномъ результатѣ своихъ собственныхъ воспоминаній» (стр. 88).

Когда предшествующее было напечатано мною въ

«Ps. St.» въ 1885 году и затѣмъ въ концѣ 1888 года перепечатано въ настоящемъ моемъ сочиненіи (на нѣмецкомъ языкѣ), я могъ смѣло утверждать, что предложенное г. Гартманомъ для подобнаго факта объясненіе нисколько не подходитъ въ данному случаю, такъ какъ никто изъ насъ не слышалъ и не видѣлъ прежде подобнаго еврейскаго изреченія. Но какъ разъ, въ декабрѣ 1888 года, когда эта перепечатка была уже окончена, мой лейпцигскій секретарь и корректоръ, г. Виттхъ, надумался сообщить мнѣ, что загадка Кардозо разгадана, такъ какъ онъ еще въ мартѣ 1885 года случайно прочелъ въ нѣмецкомъ журналѣ «Der Salon» (6-я тетрадь 1885 года) статью подъ заглавіемъ: «Поэзія поговорокъ и девизовъ», въ которой между прочимъ упоминалось и мотто «Эмек Хабаба», какъ принадлежавшее ученому португальскому еврейскому врачу Кардозіо, причемъ была сдѣлана ссылка на книгу *Wichmann's*: «Die Poesie der Sinnsprüche und Devisen» (Düsseldorf, J. Voss. 1882). Я тотчасъ выписалъ себѣ эту книгу, и дѣйствительно, въ самомъ концѣ ея, на стр. 312—313, я прочелъ слѣдующія строки:

«Возвратимся на землю и закончимъ единственнымъ на еврейскомъ языкѣ мотто ученаго португальскаго еврейскаго врача В. Cardoso:

«Emek habbácha».

«О, долина слезъ!»

Теперь ясно, что продиктованное намъ мотто было заимствовано изъ этой книги; всѣ подробности тутъ на лицо, особенно доказательно ошибочное имя В. Cardoso, которое было сообщено и намъ вмѣсто правильнаго F. Cardoso, какъ значится въ словарѣ. Поэтому весьма естественно и просто заключить, что это мотто было

къмъ-нибудь изъ насъ прочитано въ этой книгѣ и затѣмъ на сеансѣ воспроизведено какимъ-бы то ни было дѣйствіемъ сомнамбулическаго сознанія.

Довольно трудно доказать, что кто-нибудь чего-нибудь не читалъ, даже когда никто не можетъ найти источника цитируемой фразы; еще труднѣе сдѣлать это теперь, когда источникъ цитата отысканъ. Тѣмъ не менѣе и утверждать противное не такъ легко, какъ оно кажется съ перваго взгляда. Нашъ сеансъ происходитъ, какъ было сказано, 10 (22) февраля 1882 года; книга издана, какъ на ней значится, въ 1882 году; предположимъ однако, что она вышла еще въ концѣ 1881 года, и появилась въ Петербургѣ вмѣстѣ съ другими новинками къ Рождеству. Слѣдовательно, если книга эта попала къ кому-нибудь изъ насъ на глаза, то это могло быть только втеченіе двухъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ сеансу. А наружный видъ книги бросается въ глаза: красивый тисненый переплетъ съ золотымъ обрѣзомъ, каждая страница въ рамкѣ и весь текстъ испещренъ короткими цитатами, отдѣльно, другимъ шрифтомъ напечатанными. Заглянувъ однажды въ книгу, трудно совсѣмъ о ней забыть въ теченіе двухъ мѣсяцевъ — забыть до такой степени, что никто изъ насъ не вспомнилъ даже, что видѣлъ какую-то книгу, содержавшую различныя motto, и не думалъ поискать тамъ столь заинтриговавшее насъ изреченіе! Я самъ, будучи нѣсколько библіоманомъ, даже и не подозрѣвалъ тогда существованія подобныхъ сборниковъ девизовъ. Получивъ книгу, мой первый дѣломъ было показать ее моимъ двумъ медіумамъ; они заявили, что никогда ея не видали; проф. Бутлеровъ, присутствовавшій на этомъ сеансѣ, не преминулъ бы, разумѣется, упомянуть объ этомъ источникѣ, еслибъ за послѣдніе два мѣсяца видѣлъ что-нибудь подобное. Но,

какъ сейчасъ узнаемъ изъ послѣдующаго, присутствіе г. Бутлерова и не имѣло значенія для даннаго случая. Только нѣсколько лѣтъ спустя, прочитавъ гдѣ-то объявленіе о книгѣ: «Büchmann, Geflügelte Worte. Der Citatenschatz des Deutschen Volkes. 1882», я тотчасъ ее выписалъ, чтобы поискать въ ней латинскія, греческія, итальянскія цитаты, полученныя на нашихъ сеансахъ. Но я въ ней ничего не нашелъ. Случилось такъ, что о книгѣ Вихава я какъ разъ до этого времени не слыхалъ.

Но книга на лицо. Слѣдовательно, надо предположить, что кто-нибудь изъ насъ ее видѣлъ, машинально открылъ на страницѣ 312—13 и затѣмъ немедленно и совершенно позабылъ о ней; но машинальный взглядъ не поясняетъ дѣла: слова *эмек хабакка* не изъ тѣхъ, которыя невольно запоминаешь; они ничего не говорятъ сознанію, надо ихъ прочитать и перечитать, чтобы запомнить, а затѣмъ прочитать и значеніе ихъ, и еще *на другой страницѣ* объ ихъ историческомъ происхожденіи съ весьма опредѣленными подробностями. Тутъ мимолетнаго взгляда недостаточно, — требуется сознательное чтеніе; и такъ, новое затрудненіе для гипотезы бессознательнаго воспроизведенія.

Но вотъ что еще курьезнѣе. Получивъ книгу, я весьма естественно пожелалъ посмотрѣть, нѣтъ ли въ ней еще какихъ «изреченій» изъ числа сообщенныхъ на нашихъ сеансахъ. Такъ какъ въ книгѣ указателя нѣтъ, я перелисталъ ее страницу за страницей; мой трудъ не пропалъ даромъ; къ крайнему удивленію, на страницѣ 62 я нашелъ еще два мотто, которыя, — я тотчасъ это вспомнилъ, — были намъ продиктованы нашимъ таинственнымъ собесѣдникомъ. Прежде всего приведу здѣсь эти мѣста, какъ они находятся въ книгѣ:

... ..

...

...

...

... ..

...

...

... ..

... ..

... ..

скій цитатъ на первомъ не можетъ быть приписанъ его присутствію) имѣлъ въ рукахъ книгу Вихмана, прочелъ бы машинально эти три мотто, а потомъ, спустя нѣсколько недѣль, а можетъ быть и дней, воспроизвелъ бы ихъ на сеансахъ, вполне забывъ, что видѣлъ эту книгу. Это не то, что одно слово, одна строчка на языкѣ извѣстномъ, которыя внезапно и безсознательно отпечатались бы въ нашемъ мозгу. Три мотто на трехъ различныхъ страницахъ, на трехъ различныхъ языкахъ неизвѣстныхъ обоимъ медиумамъ, съ соответствующими переводами ихъ смысла, не удерживаются машинально и моментально въ такой степени, чтобъ не оставить въ нормальномъ сознаніи ни малѣйшаго слѣда, даже и на такой короткій срокъ, какъ нѣсколько недѣль. Подобное объясненіе сводится къ тому, что безсознательная память могла продѣлать такую штуку въ то время, какъ сознательная не сохранила даже смутнаго воспоминанія о существованіи книги, съ содержаніемъ которой безсознательная память такъ хорошо познакомилась. Я говорю «познакомилась», ибо нельзя разумно допустить, что книга была раскрыта только на трехъ страницахъ и что взоръ упалъ лишь на эти три мотто. Такая вещь совершенно невозможна.

Но это еще не единственное затрудненіе. Что тутъ нѣчто болѣе, чѣмъ безсознательное впечатлѣніе, это явствуетъ изъ слѣдующихъ соображеній. Первое данное имя было *Сардовій*, послѣ чего сеансъ былъ прерванъ для чаю и справокъ; какъ только сеансъ возобновился, сложилось имя *В. Cardoso*, точь въ точь какъ у Вихмана, а нѣсколько минутъ спустя *Кардовій*, потомъ *Кардозій*, и наконецъ опять настоящее — *В. Cardoso*. Спрашивается, какимъ камертономъ руководствовалась безсознательная память, чтобы выбирать между вариан-

тами имени? И далѣе: слово *грегорем* не переведено «*бодрстную*», какъ у Вихмана, что неправильно по грамматикѣ, но словомъ «*custodite*», что имѣетъ другое значеніе и грамматическую форму болѣе правильную. Когда я настаивалъ на происхожденіи слова *грегорем*, нашъ невѣдомый собесѣдникъ не сказалъ, что это девизъ папы Григорія XIII, но отвѣтилъ парафразисомъ: «я прочелъ это на гербѣ», что одно и то же по смыслу. Слѣдовательно, нельзя видѣть во всемъ этомъ безсознательнаго воспроизведенія безсознательныхъ впечатлѣній.

Другое соображеніе. Зачѣмъ вмѣсто уклончиваго отвѣта: «я прочелъ на гербѣ», не сказать по крайней мѣрѣ: «я прочелъ въ книгѣ девизовъ?» Зачѣмъ, на мой вопросъ о происхожденіи итальянскаго цитата, указать на Тассо, а не на настоящій источникъ? И зачѣмъ, когда я добивался узнать происхожденіе еврейскаго изреченія, отвѣтить, что это дѣло памяти, а не назвать прямо нѣмецкую книгу? Есть полное основаніе для предположенія, что личность — или безсознательная память медиума, или иной любой факторъ — диктовавшій намъ эти motto, очень хорошо зналъ источникъ, изъ котораго онъ почерпалъ ихъ, но что ради мистификаціи, или чтобъ «насъ удивить», не хотѣлъ отереть этого.

И такъ, тайна состоитъ въ томъ: какимъ способомъ мозгъ медиумовъ находилъ въ общеніи съ содержаніемъ книги? Чтобъ это произошло путемъ естественнымъ — непосредственнымъ чтеніемъ — я этого допустить не могу. Я имѣю полное основаніе предположить путь окултъный. Мнѣ кажется, что этотъ случай всего болѣе подходитъ къ случаямъ чтенія въ закрытыхъ книгахъ, упомянутыхъ мною выше. Припадокъ сомнамбулизма могъ бы объяснить этотъ фактъ, еслибъ книга находилась въ домѣ и еслибъ припадокъ сомнамбулизма былъ

на лицо; но не было ни того, ни другого. Чтеніе это или передача мыслей? Можетъ быть. Но у кого и черезъ кого — вотъ въ чемъ вопросъ, и онъ останется, я опасаюсь, безъ отвѣта. Съ моей точки зрѣнія загадка не разгадана и случай остается столь же поучительнымъ, сколь и таинственнымъ. Абсолютныя доказательства всегда трудны. Теперь, когда книга на лицо, легко настаивать на предпочтительствѣ разгадокъ самыхъ простыхъ; но мы — участники сеанса — остаемся при полномъ и глубокомъ убѣжденіи, что источникъ познания находился внѣ нашего тогдашняго умственного содержанія.

Могу упомянуть здѣсь еще о такомъ случаѣ, бывшемъ на тѣхъ же нашихъ сеансахъ. Невидимымъ собесѣдникомъ нашимъ на этотъ разъ былъ знатокъ латинскаго и греческаго языковъ. Послѣ разныхъ сообщеній на латинскомъ языкѣ я попросилъ его сказать намъ что-нибудь по-гречески; онъ потребовалъ греческую азбуку, и медіумъ мой, учившійся по-гречески въ гимназій, сталъ ее говорить; такимъ путемъ сложилась слѣдующая фраза:

σωματα ανθρωπων δικαιο εισι.

Я въ греческомъ не свѣдушъ вовсе, свояченица моя и подавно, молодой человекъ мой при помощи своихъ званій не могъ объяснить этого изреченія. Понять первыя два слова «сомата антропон» было нетрудно, это значитъ: «тѣла людей». Третье и четвертое слово: «дикайа ейси» — означали въ общеупотребительномъ смыслѣ: «справедливы суть». Но какой же смыслъ въ томъ, что «тѣла людей суть справедливы». Вотъ въ этой-то тонкости вся загадка. Медіумъ мой справлялся въ томъ словарѣ, по которому учился въ гимназій, и другого значенія для слова тамъ не нашель, а другихъ грече-

этих словъ и въ началѣ въ началѣ не писалъ. Я
 обращаясь къ многимъ историкамъ греческаго языка и
 там не могли понять смысла этой фразы, которую слышалъ
 въ общерусскихъ греческихъ словаряхъ не раньше 1920. Эти
 оказались специальными изданными, принадлежавшими
 преподавателю Илюкосу. Слова же были мной
 выписаны отъ Загайки и напечатаны въ «Р. С.» 1984
 годъ, стр. 5, а раньше въ изданномъ изданіи этого
 слова, стр. 294, куда и отсылаю интересующихся.

61-е свидѣніе, 10-го марта, 1882 г. (IV-а).

Вспомъ потребовава русская азбука и слышались:

— събудипресидеаризинкухонны.

— Есть тутъ смыслъ?

— Есть.

Тутъ я вздумалъ слѣзать опять и попросилъ повто-
 рить продиктованное; державшіе дощечку, считали, не
 могли бы сами этого слѣзать; ины продиктовали слѣ-
 дующее:

— събудиараизинкухонны.

— Это не точное повтореніе.

— Во вторыхъ есть пропускъ слѣдующихъ буквъ:
 огяннеоае.

Буквы оказались тѣ же, но въ другомъ порядкѣ, и ихъ
 меньше. Это замѣчательно, ибо очевидно, что диктующій
 руководствовался смысломъ своей фразы, а разбитый
 порядокъ буквъ и самъ запомнить не могъ. И на во-
 просъ онъ подтвердилъ, что есть пропускъ такихъ-то
 буквъ, ибо зналъ пропущенное слово.

- Кто съ нами говоритъ?
- Странный сотрудникъ.
- Это вы задали намъ шараду послѣдній разъ?
- Я.
- Поясните теперь.
- Самъ забылъ.
- Такъ я вамъ прочту (читаю).
- Спасибо.
- Скажите-же смыслъ.
- О боже, трудно, о сонъ Гудала.
- Какъ буквы разбиты въ сегодняшней шарадѣ, по словамъ?

— Кромѣ первыхъ двухъ буквъ «со», которыя относятся ко второму слову.

— «Пріѣду?»

— Да.

Разбираю слѣдующее и покуда стараюсь отгадать, складывается:

— осдгеян, это второе слово.

— «Сегодня?»

— да.

— «на праздникъ?»

— да.

Покуда разбиралъ конецъ, продиктовано:

— Одно слово: духовный.

— Кому праздникъ, намъ?

— двумъ.

— А прошлую шараду?

— Оставьте.

— А что значить «двумъ?»

— да, вамъ.

— Если это вы, то повторите греческое слово.

— Знаю.

— То есть, что съли за столь?

— Да.

— А въ первый разъ, когда связи не было?

— Развѣ вы с громом знакомы, а все-таки слышно на извѣстномъ разстояніи. Процессъ-то очень прост, вас тут всегда сбивает ваша собственная слабость, впрочем всюду может быть и хорошо и дурно.

— То есть, «слабость» воспріятія нашего?

— Близко. Вот вы не видите, конечно, почему яблоко всегда падает к землѣ, и называете это законом тяготѣнія, а нам вот видно почему, и мы зовем это законом равновѣсія.

— Видите вы насъ?

— Да.

— И буквы?

— Да.

— Нашими глазами или вашими?

— Вмѣстѣ.

— А если медиумы закроютъ глаза?

— Это все равно, немного труднѣе.

— Есть у васъ свой органъ зрѣнія?

Медиумы тотчасъ закрываютъ глаза; тѣмъ не менѣе указка продолжаетъ двигаться и складывается:

— Есть.

— Органъ тѣлесный?

Медиумы опять закрываютъ глаза, складывается:

— Конечно.

Очень интересный опытъ; при закрытыхъ глазахъ медиумовъ, руки ихъ на дощечкѣ продолжали указывать буквы. Первое слово: «есть» сложилось совершенно правильно. Слѣдить приходилось мнѣ. Второе слово «*конечно*» я сразу не схватилъ; всталъ, чтобы стать передъ азбукой; указывалось что-то, не понялъ; просилъ

повторить; видно было, что движенія указки по азбукѣ были тѣ же, но сложить слова я все-таки не могъ; попросилъ медіумовъ открыть глаза, и повторить еще. Повторились *тѣ же движенія* и сложилось «конечно». Оказалось, что указка (дощечка) до *к* не доходила, останавливаясь на *и*; что, впрочемъ, и помимо этого опыта часто случалось въ этомъ сеансѣ, даже при открытыхъ глазахъ — отъ быстроты-ли, или иной причины, поэтому и буквы иногда передавались мнѣ ошибочно.

— Есть у васъ опредѣленное мѣстонахождение?

— Для вѣкоторыхъ изъ насъ.

— А другіе мogaются между небомъ и землей?

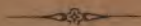
— Именно.

— А въ шарадѣ послѣдняго сеанса буквы разбиты по словамъ?

— Все разбито.

— А надо-бы разобрать.

— Не стоитъ трудиться, пустяки.

62-е сидѣніе, 17-го марта, 1882 г. (V-e).

Наканунѣ я схоронилъ отца. Очереднаго сидѣнія отмѣнить не хотѣлъ; думалъ, напротивъ, не получится-ли чего соответствующаго настроенію. Представлялся хорошей случай для провѣрки гипотезы отраженія мыслей. Но ничего подобнаго не произошло. Минуть черезъ пять— движеніе стола, требованіе азбуки, русской; сложилось «шаш»— шашки что-ли?— Да.— Т. е., требовалась картонная шашечная доска, на задкѣ которой была наклеена азбука. Подожилъ, но указка почему-то не двигалась.

— Что-же вы, уснули, — замѣтилъ я.

— Все нѣтъ, вы сами спите (это было и вѣрно въ томъ смыслѣ, что я былъ крайне утомленъ).

— Она то не спитъ (т. е. медумы).

— Тоже — одинъ.

Это относилось къ моему молодому человѣку, который всю ночь проработалъ.

— Кто съ нами бесѣдуетъ — не Спиридонъ-ли?

— Онъ же; погода утомительна. (Было ненастье).

— Вы, однако, во всякую приходили.

— Не для меня. Во всемъ сѣверовосточномъ полушаріи. Намъ это напротивъ на руку.

— То-есть, ненастная погода?

— По вашему атмосферическое давленіе.

— А что именно вамъ «на руку?»

— Собственно не ненастье, это послѣдствіе низкаго давленія; а вотъ я говорю про утомительную погоду, это отчасти пожалуй будетъ по вашему ненастью, но только не безусловно.

— Оставимъ метеорологію. Вотъ вы не были у насъ недѣлю, потрудитесь сказать намъ, что вы дѣлали это время, но пожалуйста не отшучивайтесь.

— Шутка сказать — не отшучиваться; все равно, еслибъ васъ попросили объяснить жителю Новой Гвиннеи занятія современнаго дѣловаго человѣка, въ Петербургѣ что-ли! Разъ, онъ ничего не пойметъ, два — никакой пользы для него, вѣдь онъ новый гвинеецъ...

— Позвольте, вашъ примѣръ не совсѣмъ годенъ; между нами и гвинейцемъ существенной разницы нѣтъ: тотъ же человѣкъ и тотъ же міръ.

— Ну жъ это извините, намъ границы то этой сущности виднѣе, чѣмъ вамъ.

Толкуемъ между собой о значеніи слова «существенность».

— Да, коли вы за другого хорошо помолитесь, само собой еще лучше.

— Это для себя, а другому можетъ-ли помочь?

— Может быть коли есть заступники, да что сдѣлать могутъ.

— То есть заступники въ томъ мірѣ?

— Доподлинно.

— Но въ томъ-то и вопросъ: могутъ-ли?

— Ровно вы ничего не понимаете; бѣшся, бѣшся, иидо тошно! *Раз*, вы положим молитесь за вашего сосѣда; у него, положим, или хоть у вас, есть друг на небеси; стало быть, *два*, есть заступник; он вас хочет услышать, т. е. напримѣр, вашему сосѣду телку родить, чтоб потом дѣтей кормить; ну, конечно, *три*, этого не может. Бога ради, понимайте, свами бѣда, устаешь до смерти, пожалуй еще раз помрешь, говорят бывает.

63-е сидѣніе, 24-го марта, 1882 г. (VI-e).

Очень скоро начались медленные приподнятія столика; я сказалъ условные знаки, перебралъ все азбуки, ничего не выходило. Наконецъ, на вопросъ: «по-русски понимаете?» — получился утвердительный отвѣтъ; тогда я подложилъ картонную азбуку и началось:

— Помню мое слово.

— Можете назваться?

— Могу.

— Потрудитесь.

— Не хочу.

— О какомъ «словѣ» вы говорите?

воздушный хорошим, т. е. приятным; *три* — над этим слоемъ цѣлая бездна других, вѣроятно слышали; оставим бездну, скажемъ лишь что разница атмосферическихъ наслоеній дает то что я назвалъ борьбою и что, какъ ясно изъ предшествующаго, затрудняетъ проникновеніе; стало быть, *четыре* — отъ поверхности шара на высотѣ двухсотъ сажень хорошо; там, понимаете гдѣ, там, т. е. надъ этимъ двухсотъ саженнымъ поясомъ играетъ ваша наступающая весна; выше, быть можетъ еще лучше чѣмъ у васъ, да объ этомъ я вамъ не докладывал; ну Богъ помочь!

— Не оттого-ли были въ началѣ эти неопредѣленныя движенія стола?

— Вашъ столъ что-то возился уже когда я отъявился; я только слышалъ вашъ вопросъ: «понимаете по-русски», и тотчасъ далъ три знака.

— Былъ кто-нибудь до васъ?

— Никого не видалъ.

— Отчего же столъ возился?

— Думаю отъ прикосновенія рукъ, а впрочемъ не знаю.

— Что значать ваши слова: дождѣтъ дни злѣе его?

— На всякій день своя забота, у меня на сей день побывать у васъ.

— У насъ свѣтъ и тепло служатъ источниками жизни, и солнце видимымъ источникомъ этого свѣта и тепла; а у васъ?

— Жизнь ваша имѣетъ не одинъ, а два источника, потому что въ васъ, въ сущности, двѣ жизни: одна — бытіе, другая — существованіе; у насъ одинъ источникъ жизни остается прежній, источникъ бытія, — другой отпадаетъ; но его замѣняютъ новыя условія, такъ сказать формальнаго существованія; вотъ къ этимъ условіямъ принадлежитъ у насъ своего рода воздухъ и то же своего рода свѣтъ.

— Значить, намъ этого и не понять?

— Это наслаждение очень индивидуально, я напимѣр и при жизни был плох по этой части; думаю все же, что чаще обратное, т. е. пониманіе красоты с другим конечно отгѣнком, чѣм у вас; есть бесспорно виѣшняя красота, которая является носительницею духовной, такая вѣчно обворожительна. До увиданія.

64-е сидѣніе, 31-го марта (VII-e).

Движенія въ столѣ. Кладется картонная азбука.

— Тотъ-ли это, кто былъ у насъ послѣдній разъ?

— Я не могу знать, который раз вы считаете послѣдним?

— Это не важно, слово за вами.

— Я прихожу не говорить, а отвѣчать; еще раз, не знаю, что для вас послѣдній разъ?

— Недѣлю тому назадъ, во вторникъ вечеромъ.

— Давно бы так!

— Такъ это вы?

— Точно так, начинайте.

Предлагаю опытъ: сообщеніе по-латыни, когда медіумъ, молодой человѣкъ, учившійся латинскому, закроетъ глаза, не снимая рукъ съ дощечки.

— Ничего не выдет, пусть онъ глаза закроет, но руку долженъ держать на досчечкѣ.

— Я это самое и предлагалъ.

— Не понялъ, ваша правда; думалъ руку на руку.

— Ну, такъ идетъ?

— Пожалуй, я сам не знаю, что выйдет.

Медіумъ закрываетъ глаза, но руки съ дощечки не снимаетъ; другой медіумъ мнѣ диктуетъ:

— Вотъ вы намъ и докажете себя.

— На что вам? не могу же я исполнять безсмысленно; я не вижу никакого повода доказывать себя, ни даже пользы.

— Польза громадная, ибо въ этомъ вся суть спиритическаго вопроса.

— Помимо того, что я сказалъ сейчасъ, желалъ бы знать путь такого доказательства; не думаете ли, что я бы показалъ вамъ свою субъективность объективно, благодарю, адотр¹⁾.

— Вы на все такъ ловко отвѣчаете... вотъ я и задалъ вамъ самый хитрый вопросъ и для насъ самый существенный.

— Я вамъ эту хитрость такъ хитро разрѣшилъ, что вы даже ничего не поняли. Говорю: *раз*, доказать, в противность той недѣльной теоріи, мое отдѣльное отъ васъ существованіе я могъ бы только путемъ видимаго выдѣленія изъ окружающаго васъ воздуха; другихъ средствъ нѣтъ; а если можете придумать, благоволите сообщить, голубчикъ, интересно; *два*, этотъ путь я не желаю избирать по многимъ причинамъ; *три*, вообще цѣль моихъ посѣщеній не мало не похожа на желаніе что либо доказать, или в чемъ либо убѣдить; я ей вѣренъ.

— Да и матеріализація не доказательство, вотъ что пишетъ мой секретарь Wittig (читаю мѣсто изъ «Psychische Studien»).

— А, батенька, я бы уже этимъ способомъ, пожалуй, доказалъ бы, кабы хотѣлъ, и могъ бы напримѣръ къ этому вашему, какъ его, сѣздить, и уши надрать; то то и есть что ухищреніямъ ума человѣческаго нѣтъ и не будетъ конца; всякое доказательство условно, потому что вы

¹⁾ à d'autres — пусть другіе.

ищите всегда отвѣта на вопрос *что*, а можете найти въ вашемъ мірѣ только отвѣтъ на вопрос *как*.

— А вы, значить, матеріализацію признаете?

— Не очень, но не могу отвергать возможности, пч¹⁾ этого вообще нельзя.

— Чего «этого»?

— Доказывать невозможность чего либо в мірѣ.

— Какъ же вы знаете о матеріализаціи? Слышали что-ли?

— Ясно, почти также как и вы.

— А могли бы лучше нашего знать, поглядѣли бы!

— Потому то я и сказал: «не очень», не видывал.

— Поэтому «путь» для доказательства не въ матеріализаціи, а въ сообщеніи такихъ свѣдѣній о своей личности, которыя намъ неизвѣстны, но которыя могутъ быть провѣрены, и такое доказательство будетъ убѣдительно.

— Для вас, а не дальше, затѣмъ уже нужно довѣріе, потомъ пожалуй вѣра, а тутъ всѣмъ доказательствамъ конецъ.

— Каждый для себя. Поэтому каждый спиритуалистъ и желаетъ застаться такимъ опытомъ для себя. Затѣмъ тотъ, кто меня знаетъ, повѣритъ и опыту моему.

— А вамъ этого нужно? Тутъ вамъ вѣрять мало, вамъ я говорю.

— Вотъ вы намъ сказали еврейскія слова и пр. Это драгоцѣнный фактъ, но это еще не доказательство вашей личности.

— Ну и прекрасно, коли угодил, чего же вамъ еще? Не все ли равно, право, сказать вамъ слово на неизвѣстномъ языкѣ, или незнакомое имя, фамилію назвать, случай разказать, и т. д.?

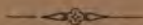
¹⁾ Потому что.

— Нѣтъ, не все равно, одно доказательство къ другому...

— Сколько же вам их на брата полагается?

— Есть и такая теорія, что есть духовный міръ и духовныя существа, но неземнаго происхожденія.

— Батюшка мой, ну право же вы страшный вздор говорите! Ужели, если теперь эта азбука сложит, что я Иван Иванов сын Иванов жил в міру и помер тогда то, и тогда то, ужели, говорю, вы познали бы, что с вами дух отшедшаго Иванова сообщается! Хорибиле дикту ¹⁾.

65-е сидѣніе, 7-го апрѣля (VIII-е).

Слабнѣ движенія стола, требованія азбуки; медленными движеніями дощечки складывался разный вздор; просили оставить. Свѣчу потушили, азбуку убрали. Вскорѣ три большихъ наклона, потомъ пять ударовъ ножкой — требованіе азбуки. Зажигаю свѣчу, кладу азбуку.

— Виноват, опоздал.

— Кто съ нами говорить, Спиридонъ, что-ли?

— Он, он, он, спиридон.

Прошу пояснить неудачу опыта съ закрытыми глазами, и подражая ему, говорю: *разъ*, этотъ опытъ намъ удался при закрытыхъ глазахъ *обоихъ медиумовъ*, тѣмъ паче онъ долженъ былъ удасться при открытыхъ глазахъ одного изъ нихъ; *два*, что значать ваши слова: «тѣхъ глазъ не надо».

— *Раз*, если удалось, так это ничего не доказывает; *два*, вообще, конечно, мнѣ глаз не нужно, *тире*, сам

¹⁾ horribile dictu — страшно выговорить.

...ВЕДЬ — одно, с вами подѣлиться — другое, ...
 ...строговодоситься, *скобки*, на десять—девять
 ... — из всѣх ваших глаз его глаза нужѣе,
 ... кстабене.
 ... вслух послѣднiя слова и говорю: Но
 ... той же азбуки мы сообщаемся съ вами и
 ... стрить, что сообщаемся съ жителемъ иного
 ... духомъ отшедшаго. Вѣдь вы же говорили
 ... азбуку: «успокойгесь, жилъ, жилъ». Поэтому
 ... «ужаснаго» или гдунаго въ томъ, что при по-
 ... той же азбуки желали-бы убѣдиться еще болѣе
 ... истинности этого факта, прораи какихъ-либо дока-
 ... зательства о личности.

— Еще-бы, я и не думалъ обвертаться, что вѣра эта
 есть благое дѣло, во имъ смъ о доказательствахъ изво-
 дили распространяться, такъ я скажу, что мое признание
 «жил, жил, вѣдь тоже не доказательства».

— Что значить «см»?

— Ваг.

— Пенимаю «комочка мѣт» Дѣл о не признаюкъ
 это за доказательства, а доказательства дѣла

— Хершю Дѣлаю къ вамъ «см» отъ вѣдъ на вѣдѣ,
 даже «жжжж» ... ..
 наоравъ ... ..
 что ... ..

... ..
 ... ..
 ... ..

... ..
 ... ..
 ... ..

... ..
 ... ..
 ... ..

смотрите в пространство безконечное; ваш аршин не годен; вы существуете во времени без срока; ваши часы только торопят жить; все это уберите; в вас есть и связь с вселенною, она вѣдь в вас самих, ея глагол бездоказателен, но свят, внимайте.

— Что значить «безъ срока?»

— Срок должен имѣть по меньшей мѣрѣ конец, время только понятіе, сбподходит под всякое измѣреніе, сб и подоизмѣреніе.

— Что значить «сб».

— Стало быть.

— Что значить: «подоизмѣреніе?»

— О, т. е. ноль ¹⁾.

— Кто васъ, право, пойметъ!

— Вы, надѣялся.

— Что скажете о предсуществованіи души?

— Это рѣшить не могу, душа этого знать не может; ничто не помнит начала своего.

— А о перевоплощеніи?

— Это вздор; я не могу стать тѣм, чѣмъ быть пересталъ.

— А множество существованій на другихъ мірахъ?

— Это нѣсколько разнится; жить в другой формѣ, — желалъ бы сказать в вѣчно другой формѣ, — есть удѣл души, сб и жизнь, т. е. и существованіе на другой планетѣ возможно; я знаю что да.

— Говорите по опыту?

— Да.

— То есть, бывали на такихъ планетахъ?

— Малость самъ себя прогуливал.

— И видѣли тамъ людей, перешедшихъ изъ нашего міра, или иного?

¹⁾ Читай: «стало быть и подъ 0 измѣреніе».

- Да; только, Бога ради, не люди, а экс-человѣки!
- Это и понятно изъ моего вопроса.
- Чтобы не было недоразумѣнiя.
- Но эти планеты, надо понимать, не вещественнаго, а иного, духовнаго строенiя?
- Конечно, но вѣдь я, парекзампл ¹⁾, эксчеловѣк, а все же теперь на вещественной планетѣ, что за привилегiя...

Остановка; недоумѣваемъ; продолжается...

- была-бы для земли.
- А что скажете о теорiи Цѣльнера о многомѣрности пространства, и т. д.?
- Сам этотъ франтъ вѣд этого не понимает; вся математика построена на предпосылкѣ; если она вѣрна, то и всё вычисленiя будутъ тоже; такъ то и тутъ: предпослать нтое измѣренiе и смѣло городи нтую чепуху.

- Что значить «нтое?»
- ентое ²⁾.
- Онъ и самъ говоритъ, что намъ этого понять нельзя, но что логически и аналогически можно допустить.
- Можно, если допустить условность всего того, что вы, такъ сказать, знаете; тутъ и время ваше и пространство, и всякiе вообще законы, разныхъ отраслей знанiя..

Немного погода, на какое-то замѣчанiе, продолжаетъ:

- Да, не понять, конечно, а вывести возможность, етвицеверза ³⁾.
- Подождите, не уходите... да тутъ-ли вы еще?
- Смѣю-ли безъ отпуска?

¹⁾ Par exemple. Напримѣръ.

²⁾ Какъ въ алгебрѣ — «N-тое».

³⁾ et vice versa. И наоборотъ.

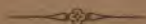

— А видѣли, передъ вашимъ приходомъ, какую ахи-
нею несли?

— Ахинею — не видывалъ такихъ, а только слышать
часто приходилось.

— Поздно, пора, видно, кончать; такъ вы насъ того,
Иванъ Ивановичъ, не забывайте!

— «Того», ладно!

66-е сидѣніе, 14-го апрѣля (IX-ое).

Вскорѣ 5 ударовъ; положилъ азбуку.

— Кто съ нами говорить? Новое лицо?

— Очень старое.

— Спиридонъ, что-ли?

— Точно такъ.

— Что вы наемни хотѣли сказать: «что за приви-
легія» и пр.?

— Что был и на другихъ планетахъ, стало бидрмогутъ.

— «Стало быть и другіе могутъ?» Такъ что-ли?

— Браво.

— Вы себя называли экс-человѣкомъ, а какъ тамъ
другъ друга называете?

— По академическому словарю числимся духами, т. е.
заштатными людьми.

— Это знаемъ. Спрашивалъ не о томъ.

— Не могу передать; *раз*, государственная тайна и
будетъ мнѣ за нарушеніе ея нахлобучка; *два*, даже
фактически не могу, просто пороку не хватко; *три*,
чего вамъ это знать, ужъ совсѣмъ бабѣ любопытство.

— Совсе не любопытство...

— Ну, а право къ чему вамъ это?

— Значить нечего и разузнавать!

— Ого, разница порядочная — что́ и что́ разузнавать.

— Ну, такъ скажите, въ чемъ задача вашей жизни тамъ? Пожалуй и это назовете любопытствомъ?

— Нет, это пожалуй не любопытство, а любознательность; цѣль моя, а м. б. и наша, быть и становиться носителем и выразителем того что есть добро, занятіе довлѣет цѣль, или, наоборот, как угодно.

— Вѣроятно, надо читать «цѣли»?

— Так и было показано (т. е. указкой на азбукѣ).

— А цѣль и задача нашей жизни, по вашему теперешнему пониманію?

— В том же, сущность остается та же; вспомните, подумайте, сравните; образованіе *тире* сущность: гимназист седьмого класса, ученикъ сельской школы, инстинтутка, и т. д.; насущность та же.

— Что такое «насущность»?

— «На» вон; шире уже требованія; средства различны; можно у вас на пять баллов потрудиться, а у нас сейчас за поведеніе сбавят, если не перегонишь самого себя.

Перечитываемъ и разбираемъ; послѣ «сравните». —

— Не так читаете, слѣдует примѣр для упражненія.

— Не понимаемъ, что такое «уже»?

Указка переходит на латинскую азбуку:

— «enger»; «сущность та же», стоп; шире, уже требованія, т. е. то шире, то уже; развитіе ума в примѣрѣ, развитіе духа в вопросѣ вашем.

— Говорите «сбавять баллъ», развѣ у васъ тамъ наставники, учителя?

— Аристократы, как и у вас.

— Наши знанія и наука служатъ-ли тамъ къ чему?

— Это во-первых обоюдоострая вещь; на дѣлѣ часто портит людей; а во-вторых это тоже что пар в хозяйствѣ.

Толкуемъ про себя: сбереженіе труда, и т. д.

— Не совсѣмъ такъ, хоть и близко; паръ в хозяйствѣ физическомъ даетъ возможность в короткое время накопить громадныя богатства; наука способствуетъ, или можетъ способствовать быстрому развитію духа, ибо нравственность высшая должна быть сознательна, а не инстинктивная, а для этого надо мозгами ворочать; вотъ, чтобы всѣ могли ими ворочать, вы и должны науку двигать, не только для себя, но и на вѣчныя времена, пока не замерзнете ¹⁾; она много можетъ сдѣлать, ин корпоръ сано менс сана ²⁾.

— Ну да, *mens sana* нужна для правильнаго развитія духа.

— А ин *mente sana anima sana* ³⁾.

— Это такъ, но все-таки знанія-то наши пропадаютъ ни къ чему?

— А у васъ и на землѣ тоже, самыя знанія всегда пропадаютъ, остаются лишь результаты, т. е. ихъ приложеніе и примѣненіе.

— Я хочу сказать, что эти знанія лично для чловѣка, для души его, бесплодны?

— Скажемъ такъ, есть знаніе, есть мышленіе, двѣ вещи разныя.

— Ну да, возьмемъ, на примѣръ, зоолога, филолога, онъ жизнь убьетъ на мертвые языки, а душѣ что?

— Онъ то убьетъ, да другихъ накормитъ.

— Чѣмъ накормитъ филологъ, съ чѣмъ онъ туда явится?

— С тѣмъ что у него бромъ филологія, и с тѣмъ что онъ сдѣлалъ ея.

¹⁾ Т. е. пока планета наша не замерзнетъ.

²⁾ *in corpore sano mens sana*. Въ здоровомъ тѣлѣ умъ здравый.

³⁾ *in mente sana anima sana*. Въ умѣ здоровомъ душа здравая.

— Что для духа его отъ того, что онъ древній папирусъ разобралъ?

— Нѣтъ, для его духа имено, кромѣ пользы.

— Но что полезнѣе: отвлеченныя науки, или положительныя?

— Могій вмѣстити, да вмѣстит.

— Къ чему относится?

— Къ отвлеченнымъ; дѣло вмѣщенія, плусъ призванія.

— Мірѣ вашъ проникаетъ нашъ міръ, или особо отъ него? Говорятъ о различныхъ сферахъ?

— Сферы имѣютъ лишь переносное значеніе, санс-фигуре ¹⁾.

— Это въ смыслѣ духовныхъ состояній?

— Да.

— Но, вѣдь, я спрашиваю о матеріальномъ состояніи, такъ сказать. Если вы и вашъ міръ реальны, то онъ долженъ же имѣть какое-нибудь мѣсто въ пространствѣ?

— Да, т. е. просто на просто тот же міръ — мѣста довольно.

— Но мнѣ помнится, вы говорили, или мы такъ поняли, что вашъ міръ имѣетъ опредѣленное мѣсто, особое отъ нашего?

— В том же мірѣ, да; а что я теперь сказал?

— Почему же въ такомъ случаѣ вы придаете сферамъ лишь переносное значеніе?

— О сферахъ в том смыслѣ и в смыслѣ того ученія какъ я васъ понял.

— А имено?

— Сферы в смыслѣ магометова рая, или сходномъ.

— Есть-ли связь между этими мірами, взаимное участіе.

¹⁾ sans figuré. Иносказательный смыслъ.

— Вы, нѣтъ, нота бене — сознательно; мы — да.

— Т. е. мы только пассивно воспринимаемъ вліяніе?

— Иногда и не пассивно, а все-таки бессознательно.

— Такое участіе обязательно, въ родѣ нравственнаго долга?

— Добровольно, конечно; многіе вовсе нѣтъ, перестаютъ.

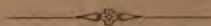
— Можете видѣть наши чувства, мысли?

— Тумано, имено, буквально, какъ испареніе.

— А видѣть и знать что мы дѣлаемъ?

— Можно.

Указка замерла и сеансъ кончился.

67-е сидѣніе, 21-го апрѣля 1882 г. (X-e).

Снова началось съ чепухи. Тотчасъ бросили и азбуку отложили. Вскорѣ она была вновь потребована и стали складываться какія-то шарады посредствомъ буквъ и счета ихъ, занявшія цѣлую страницу.

— Навѣрное Спиридонъ чудить, замѣтилъ я. — Только время теряете, а у меня заготовлены вопросы!

— Спрашивайте, чего тут!

— Значить, можно допустить (и по вашимъ словамъ), что эти сферы въ родѣ поясовъ около планетъ?

— Пустьяковина эти самые пояса, духовный міръ въ тѣлесномъ безъ всякихъ поясовъ; говорилъ же я, что нашъ братъ можетъ поселиться и на землѣ; такихъ много, не все бездельники; живутъ и на другихъ планетахъ; есть и невидимыя для васъ, называйте пожалуй хоть духовными, спорить, прекословить не буду.

— Значить, могут поселиться тутъ или тамъ, но все же опредѣленное мѣстонахождение?

— Само собой.

— И эти міры имѣютъ свое опредѣленное устройство и свои опредѣленные законы?

— Такъ неопредѣленно это самое опредѣленное устройство и опредѣленные законы, что безусловно согласен.

— Ну, такъ сами скажите опредѣленіе.

— Иш, можно бы, да вамъ согласиться то будетъ трудненько, вы дальше такихъ определеностей то не ушли.

— Можете-ли вліять на мысли и дѣла: дать совѣтъ, руководить?

— Это ваше, т. е. ¹⁾, интуитивное воздѣйствіе; скажу, *раз*, прямое воздѣйствіе дѣло вообще мудреное и сложное; *два*, оно только возможно при полном почти сродстве душ, *три*, большая редкость; *три*, да и тутъ, что опять это самое прямое воздѣйствіе? Уж эти мнѣ дурацкія слова.

Остановка.

— Кончили?

— Нѣтъ. Вѣдь вы не пѣшки, господа, воздѣйствовать то на васъ можно, только косвенно; разве будете в безсмысленномъ состояніи, ну, тогда лафа, дѣлай, пожалуй, с чурбаномъ что знаешь; но опять такія дѣйствія ему самому не в прокъ; *пять*, позвольте, *четыре*, зарпортовался; и такъ буду лучше прямо отвѣчать на вопросъ — можно ли руководить? Можно, только осторожно, т. е. редко и лишь отчасти; я могу чувствовать родную душу, могу желать ей добра, могу что въ моихъ силахъ ей передать, облегчить, но, и сто разъ но, что порукою, что это дойдетъ до сознанія, *conditio sine qua non* ¹⁾, ва-

¹⁾ Такъ называемое.

²⁾ *conditio sine qua non*.

ших вѣняемыхъ поступковъ; да, наконецъ, ну и дойдетъ, а там своя работа, пожалуй, забракуетъ; ужъ очень родственнѣй попадется, такъ ладно, а такому совѣтовать мало приходится, только грѣшнымъ дѣломъ любуешься да поддакиваешь; прошу покорно понимать, дѣло не больно хитрое, только вникнуть, оно и просветится.

— Что значить «грѣшнымъ дѣломъ?»

— Да очено ¹⁾ просто, мы то все здесь твари, и знаемъ что не боги.

Перечитываю этотъ отвѣтъ и спрашиваю: «Нѣтъ-ли ошибокъ?» — Поправляетъ:

— «Все» пишете — всё; «твари» — лучше вон.

— Принимаете-ли участіе въ судьбахъ планеты, народовъ?

— В предѣлахъ сказаннаго никому не возбраняется сколько можетъ носъ совать.

— Какой веселый нашъ Спиридонъ!

— Еще бы с вами не весело, почти до слез!

— Помните-ли ясно все земное — людей, занятія, мѣста?

— Результаты и итоги с поразительною ясностью, подробности с каждымъ днемъ туманѣе, впрочемъ такъ и у васъ в малыхъ размѣрахъ.

— Но я спрашиваю именно о людяхъ и вещахъ?

— Странное дѣло, все в мірѣ получаетъ итогъ, будь онъ нравственный, либо умственный, даже физическій, о которомъ тутъ, конечно, рѣчь быть не можетъ, напр. лучшее зреніе, слухъ, вкусъ, быстрѣе ноги, или на оборотъ, тоже итогъ.

— Почему же и «рѣчи быть не можетъ?»

— Потому что эта рѣчь связана с вашей физиче-

¹⁾ Очевно.

звучить: коталь-бы увереть. Позднѣ и случайно узнавъ, что это начальныя слова очень известнаго итальянскаго романа. Тутъ я обратился къ Свиридову:

— Скажите, пожалуйста, для чего вы тратите время на такіе пустяки; въ первый разъ заговорили о балаганѣ, потомъ опять начали съ какого-то задора, немедля долго держали насъ на какихъ-то шарадахъ изъ буквъ *фозожо*. Ужасн это можетъ представлять для васъ, или для насъ, интересъ какой?

— Оно могло-бы васъ интересовать, а меня, дѣйствительно, мало.

— Поясните.

— Кабалистическій взглядъ в наше прошлое, если хотите — вздор.

— Поясните.

— Цифры — то годы вашихъ жизней, а буквы по необходимости; к тому же выбралъ для всѣхъ трехъ о шестнадцать, какъ одинаково существенный факторъ в развитіи всѣхъ васъ.

— Первая строка, должно быть, невѣрно записана?

— Читайте какъ слѣдуетъ (тогда перечитали ее какъ выше написано, и получился отвѣтъ) — вѣрно.

— Да годы-то наши вовсе не подходятъ подъ вашу цифирь!

— Да вѣдь каждому изъ васъ было столько, про это и рѣчь!

— (Смѣхъ). Но почему же 16?

— Не хотите понять глубокомысліе мое: смотрю на васъ и вижу для васъ выдающуюся пору вашей жизни — шестнадцать лѣтъ, потомъ ф, для нея — онж, для него — онз...

— Охъ, ерундите что-то!

— Не ломайте голову, напрасно.

— Можете-ли пояснить, какъ или чѣмъ складывались

буквы, когда выходила чепуха или вздоръ, вотъ два раза передъ вами?

— Могъ бы только знать, пояснять нечего.

— Былъ кто и исчезъ?

— Возможно.

— Или то была наша безсознательная работа?

— Пожалуй тоже.

— Такъ и теперь, быть можетъ, все это сами производимъ, а не Спиридонъ? Что скажете?

— То самое, что я имѣлъ честь докладывать вамъ при вашихъ разсужденіяхъ о доказательности. (Погода продолжаетъ) Косвенное соображеніе: слишкомъ большую роль случайнымъ совпаденіямъ приходится удѣлять.

— То есть, если видѣть въ этомъ одну нашу работу?

— Да.

— Вы сказали напередъ: «за неимѣніемъ глазъ», а передъ этими говорили, что имѣете органъ зрѣнія?

— Такъ вѣдь другой, батенька, это само собой разумѣется.

— По поводу вашего зрѣнія рождаются недоумѣнія и вопросы. Вы говорили, что «сами видите», не нуждаетесь въ чужихъ глазахъ (см. сидѣніе 61-ое); но опытъ съ азбукой, даже при открытыхъ глазахъ *одного* изъ медіумовъ, не удался (сидѣніе 64-ое) и т. д. Вотъ это ваше независимое зрѣніе крайне желательно провѣрить. Позвольте предложить такой опытъ; я возьму изъ кошелька нѣсколько монетъ, *не считая ихъ*, и положу напр., позади стула одного изъ медіумовъ; такимъ образомъ, *никто* не будетъ знать ихъ числа; можете вы указать это число?

— Завяжите имъ глаза, попробую.

— Что именно, буквы или монеты?

— Показывать буквы.

Завязалъ глаза медіумовъ, сталъ слѣдить за движеніями дощечки по азбукѣ и записывать; сложилось:

— Говори что нибѣд бѣгторвычаѣ, довольно с вас, можно и лучше, что вам и говорил жаране.

— Сначала и подъ конецъ у васъ шло совсѣмъ хорошо, такъ не можете-ли поправить? третье слово, очевидно, *нибудѣ*, а потомъ? (Дощечка тронулась).

— бѣду.

— Очевидно, *буду*; далѣе...

— отвелась.

Когда я прочелъ вслухъ, было указано на ч.

— Значить, «*отвѣчатъ*»?

— Да.

Сличая, можно ясно прослѣдить, что и прежде складывались тѣ же самыя слова, *буду отвѣчатъ*, но не удачно. Снимаю повязку съ глазъ медіумовъ.

— Это уже весьма удовлетворительно, но надо поставить опытъ такъ, чтобъ никто изъ насъ не видѣлъ предмета опыта. Поэтому возвращаюсь къ монетамъ за стуломъ. Можете видѣть ихъ?

— Труднѣе.

Кладу монеты, не глядя и не считая, за стулъ одного изъ медіумовъ, складывается:

— Семь.

— Невѣрно. Попробуемъ опять.

— Девять.

— Опять не такъ. Еще разъ.

— Пять.

— Плохо! Почему такая неудача? Буквы на столѣ видите, а монеты на стулѣ не видите!

— Пространство между ними болѣе всего в распоряженіи моем; завяжите глаза и положите ваши деньги на этот стол.

Завязываю медиумамъ глаза широкой повязкой, захватывающей и носъ; повязка эта была, повятно, не противъ обмана со стороны медиумовъ, а противъ случайнаго, невольнаго открытія глазъ, такъ какъ медиумы, заинтересованные въ опытѣ, сами закрывали ихъ. Закрывши свои глаза, вынимаю изъ кошелька на удачу нѣсколько монетъ и владу ихъ ощупью, не считая, на дальній край картона, на которомъ была наклеена азбука. Закрываю себѣ глаза рукою такъ, чтобы видѣть только азбуку, и начинаю слѣдить; складывается: *шды*, и опять *шдр*... Попытки сложить слово правильно, очевидно, не удавались. Тогда, не глядя на монеты, я прикрылъ ихъ брошюрой, и мы всѣ открыли глаза.

— Укажите теперь.

— Шесть.

Я отнял брошюру: «шесть», вскрикнули мы въ одинъ голосъ. Но потомъ оказалось, что было семь, такъ какъ два гривенника лежали другъ на дружкѣ; я клалъ монеты сразу, чтобы при этомъ невольно не сосчитать ихъ, такъ что ошибка необходимо вытекала изъ самаго расположенія монетъ. Теперь оказалось, что и при завязанныхъ глазахъ все указывалось *шд*, даже *шдр*, т. е., *шес* — очевидная попытка сложить *шесть*.

Повторили опытъ. Завязалъ медиумамъ глаза. Точно также, не глядя, я взялъ и положилъ на столъ нѣсколько монетъ, и, закрывшись отъ нихъ, сталъ слѣдить за указаніями азбуки. Сложилось совершенно правильно:

— Разложите лучше. (Провожу по монетамъ ребромъ ладони, чтобы другъ на дружкѣ не лежали; складывается:)

— Опять шесть.

Смотримъ — вѣрно!.. «Повторимъ еще». Диктуется при открытыхъ глазахъ:

— На, листъ бѣлой бумаги положите.

Опять завязываю медіумамъ глаза, кладу бумагу и монеты на нее такимъ же образомъ, и спрашиваю:

— Хорошо разложили?

— Хорошо, семь.

Смотримъ съ возрастающимъ любопытствомъ.

— Браво, вѣрно!

— Положите часы (говорить нашъ собесѣдникъ).

Беру съ моего стола стоячіе часы съ будильникомъ и ставлю ихъ, спиной ко всѣмъ намъ, на столѣтъ, за которыми сидѣли медіумы.

— Хотѣли карманные, положите ихъ горизонтально.

Догадываюсь въ это, что ихъ надо положить стрѣлками вверхъ; поэтому опять завязываю медіумамъ глаза и кладу часы горизонтально, не глядя, разумѣется; проходятъ четверть минуты; дощечка тронулась, записываю:

— Безъ пяти шесть.

Смотримъ — вѣрно и невѣрно. Стрѣлка будильника показывала *шесть*, а минутная и часовая, на томъ же циферблатѣ, были на *одиннадцати*, и выходило какъ будто *безъ пяти шесть*.

— Попробуемъ теперь карманные, какъ вы хотѣли.

— Положите на бумагу.

Повторяется та же процедура, я кладу часы свои, не глядя. Четверть минуты проходитъ и складывается:

— Четыре минуты двѣнадцатаго.

Смотримъ: пять минутъ двѣнадцатаго.

— Значитъ, когда вы смотрѣли, было четыре минуты, одна минута ушла на складываніе?

— Да. Положите деньги, мелочь, сосчитаю; будетъ фивал, я утомлен.

Завязываю медіумамъ глаза, кладу нѣсколько серебряной мелочи, не глядя. Складывается:

— Рубль серебра.

Смотримъ—вѣрно! Было четыре пятиалтынныхъ, одинъ двугривенный и два гривенника.

— Какъ было сложено, переспросилъ я у медіумовъ, серебромъ или серебра?— И тотчасъ указка сложила:

— Конечно не серебромъ, было бы невѣрно ¹⁾.

Было еще только 11 часовъ.

— Нельзя-ли васъ помучить еще съ четверть часа? говорю я.

— Валяйте.

— Вы говорили напередъ, что ваши живутъ и у насъ на землѣ? Какъ же это — бокъ о бокъ, что-ли? Вѣдаютъ и видятъ они насъ, или нѣтъ? Или совмѣстное зрѣніе, проникновеніе нашего вещества?

— Пустые дома, уединенныя мѣста, смотря по своему, иногда даже жилие.

— А иногда à la belle étoile?

— Да.

— Оттуда, значить, и рассказы о стукахъ, шалостяхъ, привидѣніяхъ и пр. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ?

— Еще бы, насколько это не простое вранье.

— Вы говорили о памяти земного, что понемногу сглаживается, пропадаетъ...

— Именно.

— Но какъ же встрѣтиться? Все утѣшеніе во встрѣчѣ съ отшедшими; а послѣ долгой разлуки, пожалуй, уже и не узнаешь?

— У, это бм ²⁾, вопросъ я вамъ скажу! Кто с кѣмъ, тут дело все в истинномъ значеніи отношеній разлучившихся. Есть напр. браки по истинѣ вечныя, есть связи дружбы,

¹⁾ Этотъ опытъ напечатанъ въ моей книгѣ «Анимизмъ и Спиритизмъ».

²⁾ Батенька мой.

уваженія, неразрывныя; есть, наконец, такія, которымъ лучше-бы никогда не связываться.

— Но я говорю о хорошихъ, дружескихъ...

— В хорошемъ то и дѣло — увидите всѣхъ тѣхъ с которыми духовно связаны; если время разлуки очень велико, то сильныя чувства единенія могутъ выдержать напоръ и действие времени.

— Но какъ же узнать? Сохраняется-ли прежній, наружный обликъ?

— Не, не, не, по внутреннему.

— Но образъ же есть?

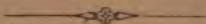
— Представьте себѣ образъ иной и у васъ и у того, кого встречаете, а все-таки узнаете сейчасъ.

— Но каждый индивидуумъ имѣетъ свой отличный отъ другого внѣшній образъ, по которому также узнаете другъ друга, т. е., не по одному внутреннему?

— Да; до свиданья.

— Прошу пожаловать еще слѣдующую среду, такъ какъ я отъѣздъ свой отложилъ до четверга.

— Знаю.

69-е сидѣніе, 1-го мая 1882 г. (XII-е).

Вскорѣ послѣ того какъ мы сѣли, указка задвигалась и сложилось слѣдующее:

— Радъ. Вы знайте навсегда, что все то хорошо, что дѣлается хорошо, вашъ Спиридонъ.

— Чему рады?

— Мѣшаетъ мнѣ, онъ не желаетъ.

— Кто онъ?

— Не виноват, т. е. он просто не дает возможности говорить, что хочу; относится к нему.

Для объясненія этого надо сказать, что это засѣданіе было не очередное; произошло домашнее событіе, подъ впечатлѣніемъ котораго и сѣли въ этотъ день, имѣвшій самъ по себѣ, домашнее значеніе; надѣялись побесѣдовать съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ. Отличный былъ случай для подтвержденія теоріи «господствующихъ идей»; но вмѣсто ожидавшагося отозвался Спиридовъ. «Онъ», т. е. медумъ мужескаго рода, мысленно противился ему, и указка двигалась съ трудомъ; этимъ и объясняется выраженіе «онъ мѣшаетъ». Тутъ мы пояснили Спиридову въ чемъ дѣло, и онъ отвѣтилъ:

— Я могу уйти.

— Нельзя-ли вызвать, привлечь?

— Можно, конечно, не привлечь, а привлекать; да я то что, ведь тоже влеком и прихожу; сознательное цитированіе ¹⁾ в подобномъ случаѣ будетъ само собой часто удаваться, в другихъ трудненько, очень, очень. Ну что же, уходить? Я б. м. другому помѣшаю.

— Если увидите, что пришелъ другой, желающій, то тогда и уступите мѣсто.

— Частыя сношенія изолируют, они очень сильны, почти непроницаемы, особенно когда я сам на лицо.

— Какъ странно!

— У васъ все тоже, господа; вы б. м. меньше замѣчаете, но часто изолируете и бываете изолируемы; сила духовныхъ связей в жизни земной уже громадна, какова же у насъ? Это по истинѣ делаетъ впечатлѣніе какихъ то чаръ, и остается потому неразгаданнымъ, вернее непонят-

¹⁾ Совершенно необычное для насъ употребленіе этого слова въ такомъ смыслѣ, и это уже не въ первый разъ.

ным, — у вас, конечно; для нас все это ясно... Вокруг вас всех, но в разной степени, есть то, что я и здѣсь все продолжаю звать Господней благодатью—невъразимо, хотел бы сказать: любимцы неба; понимайте как знаете, но твердо веруйте, что это все духовныя связи.

— Духовныя существа что-ли вокруг насъ?

— Это трудно понять, надо видѣть как я сколько тончайшаго света вокруг вас, как вы укутаны, точно дитеныши в гнездѣ.

— Ну, такъ попробуемъ, просимъ уступить мѣсто, мы очень-бы желали кого изъ своихъ.

— Желаю. Я уж сегодня не уйду домой, но вас оставляю.

— А позвольте спросить, вашъ домъ на землѣ или на какой планетѣ?

— Далеко.

Тутъ я азбуку убралъ и присѣлъ къ столику, за которыми сидѣли оба медиума. Вскорѣ пять бойкихъ ударовъ ножкой стола. «Русскую»?—«Да».—«Картонную»? Молчаніе. Новый пришелецъ могъ и не понимать, что это значило, а потому замолчалъ. Сталъ говорить русскую азбуку и сложилось: «Тетя».—«В. И.»—спросилъ я. Сильное подтвержденіе. Тогда я подложилъ картонную азбуку, поясняя въ чемъ дѣло. Тутъ началось весьма странное сообщеніе, которое хоть и не относится къ серіи спиридоновскихъ, но, какъ представляющее своего рода матеріалъ, я здѣсь и привожу, опуская нѣкоторыя частности. Тотчасъ послѣ слова «тетя» продолжалось:

— Что за странность, не вашъ труд ¹⁾, удивительно, почти должна была прійти, точно по требованію высшей духовной власти, и тотчасъ вспомнила, что С. рожденіе.

¹⁾ Замѣчательно, что на первыхъ строкахъ и опускается, какъ-бы остатокъ вліянія Спиридона, потомъ стало прописываться.

— Что значить «вашъ трудъ».

— Не можетъ быть чтобы это от васъ было; выше меня власть.

— Знаете-ли что у насъ произошло?

— Странно, очень странно, не знаю; непонятное вліяніе, выше меня.

— Отъ кого же можетъ оно исходить, какъ не отъ С.?

— Нѣтъ, нѣтъ, сама не понимаю; дайте опомниться.

— Слѣдите-ли за нашими судьбами?

— Сейчасъ, яснѣе, лучше мнѣ; что это такое, начинаю соображать; С. уже давно знала, что это состоится...

— Что именно?

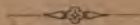
Тутъ, при закрытыхъ глазахъ мужскаго медіума, сложилось правильно нѣсколько словъ, съ вѣрнымъ отвѣтомъ, касавшимся семейныхъ дѣлъ, который я здѣсь пропуская; затѣмъ продолжалось:

— Сила громадна, точно туманъ на меня дѣйствуетъ, плохо соображаю; другой разъ лучше прійду, страшно трудно.

— Такъ приходите въ среду, принесите вѣсточку.

— Постараюсь, что то странно; ну, я уйду, Господь васъ храни.

По нашимъ ожиданіямъ, легко могли получиться обычные выраженія по случаю домашняго событія: изъявленія сочувствія, радости, добрыя пожеланія, благословенія отъ ближайшихъ. Но вышло противно ожиданіямъ и не шаблонно.

А-А СЛУШАЙТЕ. 3-го мая 1922 г. VIII-а.

Задача моего искусства — искусство. Последнее время
 изучаю искусство. Искусство не искусство — искусство В. И.
 не искусство — искусство искусства искусства искусства. Это
 искусство — искусство и искусство искусства искусства
 искусства искусства. Но искусство не искусство — искусство
 искусство. Это искусство искусства. Это искусство искусства
 искусства искусства. Искусство искусства искусства и ис-
 кусство. Это искусство искусства искусства искусства искусства
 искусства искусства — искусство искусства искусства.

— Это искусство?

— Да, я знаю эту науку искусства искусства и искусство ис-
 кусство. — Это искусство искусства, искусство и искусство.

— Ты знаешь, искусство искусства искусства искусства искусства?

— Да.

Я люблю эту страшную науку искусства В. И. и искусство:

— Не было-ли тут искусство искусства?

— Я с вами же, искусство искусства искусства искусства искусство
 искусство искусство и искусство искусство, в искусство искусства
 искусство.

— Ты знаешь искусство?

— Работал искусство искусство искусство искусство искусство.

— Ты знаешь искусство?

— Да, искусство и.

— Но это искусство искусство искусство. Как же вы искусство ра-
 ботать, искусство искусство искусство искусство искусство?

— Работал на искусство искусства искусство: искусство искусство
 искусство искусство искусство искусство искусство.

После разных переспросов, выразивших эту фразу:

— Вы говорили, что я желал искусство искусство... — да

*) Уточн. в тот раз. сказать «желал».

вас неопред... для меня опред... А вот придѣлайте сюда знаки препинанія. Трудно понять наши порядки, а послѣ меня скоро толку не будет.

— То есть, послѣ вашего посѣщенія?

— Я говорил про это.

— То есть, ваша сфера, ваше вліяніе остается и препятствуетъ другимъ?

— На долго, мое вліяніе сильно, особенно потому что духовно, добровольно, и даже, могу сказать, взаимно.

— По поводу нашихъ опытовъ съ монетами, я имѣю сдѣлать вамъ два вопроса: 1) вы говорили, что видите сами, имѣете свой органъ зрѣнія, и т. д.; между тѣмъ, изъ опытовъ нашихъ слѣдуетъ заключить, что вы въ зависимости отъ какихъ-то нашихъ условій, и 2) въ чемъ состоятъ эти условія?

— Отвѣтъ на первый: я говорил что вижу сам; я говорил: одно дело—видѣть самому, другое—вамъ передать; я говорил: его глаза нужнее; сума (сумма): отдѣльныя наши воспріятія, в том числѣ и зрѣніе, самостоятельны и независимы от вас, но потому-то и качественно и количественно рознятся от вашего; чтобы поделиться нужна асимилія; и помимо того, для всякаго общенія — общеніе нужно. На второй — в чем оно состоит? Сфера моей дѣятельности в общеніи с вами конечно ограничена; вспомните теперь куда вы клали и что она заслоняла его.

Толкуемъ про себя и поясняемъ, что посредница сидѣла передъ посредникомъ, а деньги были положены на скамейку, стоявшую позади посредницы, и слѣдовательно, ея тѣло заслоняло ихъ.

— Не дурно; сфера же круглая, так ск(азать), и должна быть без перерыва, т. е. от него исходить и замыкаться.

Читаю вслух записанное; недумываешь.

— Не ясно? ведь и не шутка; ну представьте себя, я хочу вступить с вами во внешнее общение; самое удобное воспользоваться им (т. е. посредником); вокруг него есть, т. е. (такъ сказать), его атмосфера, наиболее духовная часть каждого; мнѣ предстоит, с. б. (стало быть), действовать вот уже под условіем протажения его атмосферы; потом круг этот должен быть замкнут, т. е. непрерывен, как я сказал; перед ним сидит она, вот вам периферія.

— Итакъ, чтобы видѣть, вообще, вы связаны медуническими условіями?

— Никакими! Да что же вы про это знаете? т. е. пока я вас по своему и для себя вижу, мнѣ ничего не нужно; это ясно, даже очень; раз я хочу для вас вполнѣ, по вашему, не только увидѣть, но и с вами поделиться — другое дело ¹⁾.

— Еще одинъ вопросъ: для чего вы потребовали тогда бѣлую бумагу?

— А это личное условіе; бывает иногда и у вас такое чувство, что так уважу лучше, а у вас чаще ²⁾.

— Вы намеренн употребили выраженіе: «любимцы неба», вотъ я перечту...

¹⁾ Отвѣтъ этотъ имѣетъ свое философское значеніе. Если нашъ собесѣдникъ, действительно, принадлежитъ къ міру существей, къ міру *жуменов*, въ которомъ онъ видитъ наши вещи не такъ, какъ онѣ намъ представляются, а каковыми онѣ въ себѣ, то онъ и видитъ ихъ «по своему»; но разъ онъ долженъ видѣть «по нашему», онъ долженъ вступить въ міръ явленій, въ міръ *феноменов*, и приспособиться къ условіямъ нашей организаціи; ибо какова организація, таково и міросоверпаніе.

²⁾ Отрывокъ съ этики объясненіемъ былъ также напечатанъ въ «Анимизмъ», стр. 479.

— Помню, не надо; хотѣлъ сказать просто, что у вас очень мягкія и сильныя атмосферы, да немного разнѣжничался; ну а смысл в этомъ есть, говорите же вы «в сорочкѣ родился» — лучше этого конечно.

— Вообще, объ этихъ связяхъ что-то напутано!

— Не путано, а просто для вас непонятно.

— А вотъ странно, кажется слухъ у васъ тоньше зрѣнія, вы тотчасъ слышите все, что я говорю, — видно, слышать вамъ легче, чѣмъ видѣть?

— Опять не странно; вы говорите ведь по определенному направленію, не так ли.

— Приходится намъ разстаться, уѣзжаю на дѣто...

— Каникулы, ну и прекрасно; поотдохнемъ друг от друга; хорошее дѣто будетъ всѣмъ вамъ; думаю, конечно, увидимся; и все же не даромъ бывалъ с вами, чему очень, очень радъ; Господь с вами, голубчики; вспомните на досугѣ, знаю; всегда приду когда пожелаете; поклон тому, кто здѣсь бывалъ, его тоже люблю, хотя и меньше, чѣмъ васъ; ну с Богомъ!

Послѣ чаю опять присѣли ненадолго «въ ожиданіи», не откликнется-ли кто изъ своихъ; въ тотъ разъ просили В. И. принести вѣсточку; вмѣсто того, чрезъ пять минутъ, пятью ударами потребована нѣмецкая азбука и объявился старый нашъ знакомый, нѣмецъ, бывший профессоръ латинскаго языка, сообщенія котораго на латинскомъ и греческомъ я приводилъ въ «Psych. Studien». (См. года 1883, 1884 и 1885); здѣсь упоминаю о немъ, потому что появленіе его въ связи съ предшествующимъ; по его словамъ, онъ явился по порученію В. И., которая не рѣшалась опять попытаться, чему онъ очень удивляется, ибо, съ своей стороны, находить у насъ, напротивъ, какое-то благораствореніе воздуха, которое мы объяснили ему остаткомъ сферы Спиридоны. Замѣча-

... ..

... ..

2-4 ... ..

... ..

... ..

Началось съ пустословія и путаницы, вслѣдствіе чего нѣсколько разъ отнимали руки отъ стола; потомъ рѣзкимъ движеніемъ стола всторону потребована азбука, русская. Подложилъ картонную. «Видите»? — «Вяжу» — былъ отвѣтъ; буквы указывались бойко, отчетливо, но выходила бессмыслица; продолжалъ записывать. Въ концѣ второй строки сложилось правильно:

— Укажется, довольно.

Недоумѣваемъ. Складывается:

— Ну.

— Понукаетъ насъ, замѣтилъ я, а все же не понимаемъ. Опять складывается и выходитъ:

— Данеуану (да не у, а ну).

Тутъ догадались, что надо читать: «Ну, кажется довольно».

— Съ кѣмъ говоримъ?

— Пустое любопытство.

— Значитъ, Спиридонъ, замѣчаю я.

— Значит, да не вовсе, прошу переходить клордру дюжуру ¹⁾.

По этому выраженію можно было догадаться, что дѣйствительно говорилъ Спиридонъ, но увертки его все еще ставили въ недоумѣніе.

— Все шутки, замѣтилъ я.

чатавнымъ послѣ 20-го января прошлаго года, я самъ держать не могъ. Но голова моя осталась совершенно ясна, кое-что пришлось продиктовать, такъ что, въ общемъ, печатаніе этихъ «матеріаловъ» я считаю достаточно удавшимся. Я не пересчитывалъ этой послѣдней части ихъ, съ того времени какъ они получились, но теперь, возстановляя ихъ въ своей памяти, я нашелъ ихъ одинаково интересными. Окончаніе этой работы появилось въ «Ребусъ» уже въ началѣ 1899 г.

¹⁾ Т. е. «l'ordre du jour».

- Какія тут штуки, просто некогда башкой думать.
- Этак не знаешь, что я говорю съ вами.
- Вали ²⁾.
- Когда съ дѣть говорить, то тутъ сила жидкой есть.
- Свои мысли, благодарю.
- Вы прежде бесѣдовали съ нами?
- Еще бы, доводилось, и сжигались.
- Такъ почему вы отвѣтили: «Значитъ, да не вѣсь».
- Подъ именемъ вѣстит не вѣсь.
- Но это все какъ-то глухо.

— Все в дураках, вода у вас, прѣвек. Во первыхъ прошу прибавить в азбуку слова прѣизванія и цифры ³⁾, а то вы все будете в дураках; во вторыхъ пора перестать учиться, а то икъ право не досуг.

- Кажется, право, можно признать за Смералона.
- Можно признать, не ошибись.

Передъ о спорѣ, бывшемъ у меня этимъ дѣломъ съ сосѣдомъ, Н. А. А., утверждающимъ, что все это — дѣло неизвѣстныхъ еще, но нашихъ всннческихъ способностей.

- Говорено.
- Далѣе сосѣдъ говорилъ: что же въ результатѣ? Что сказали вамъ эти дуи? Что такое тотъ мѣръ?
- Там где близко дальше не буде.
- Непонятно.
- Там гдѣ хочу знать то, что не далеко, там дальше не буде. Ужели онъ или вы воображаете что на всякіе ваш вопросъ отвѣтъ нужен, либо даже возможен?
- Странно, что вы такъ отвѣчаете, вѣдь въ этомъ вся суть дѣла, вся цѣль нашихъ занятій.
- Перечитайте все что мною сложено; мы просто

²⁾ Ранѣе его же выраженіе было: «вадите».

³⁾ Еще прошлой зимой требовалъ этого.

разных взглядов, да и не мудрено: вы смотрите на доказательность так дико, для меня конечно, что я в самой сути расхожусь, а цель ваша мне не руководство.

— Право, не знаешь о чемъ и говорить!

— Почему же не болтать, но гдѣ-ж тут доказательность, или хоть толко убѣдительность.

— Да я уже и не прошу доказательности, а просто поученія. Ужели вопросъ объ опредѣленіи вашей новой формы бытія — вопросъ праздный и недоступный для насъ?

— Он не праздный сам собой, да толко слишком сложный и для того, у кого свое в головѣ — бездоказательный. Мы не можем же говорит авторитетом, это раз; а во вторых, все то что доступно даной голове, толко и может в ней умѣстится.

Когда я перечитывалъ записанное сплошь, то прочиталъ: «мы не можемъ же говорить, а вторить», быстро сложилось: «это вздоръ»; догадались, что надо читать: «авторитетомъ»; и далѣе, когда прочелъ: «что доступно дано и головѣ», опять сложилось: «вздоръ», и самъ С. продиктовалъ: «данной»; потомъ продолжалъ:

— Положимъ X думает о том что он будет дѣлать на том свете и при том NB вѣрит что онъ туда неминуемо должен попасть, ну хот бы провѣдом; теперь у него въ башкѣ N мозга, вот в етихъ N пределах он все уразумеет, а дальше не взыщите.

— Такъ, вѣдь, башка башкѣ рознь! Мозги человѣческіе не мало работали надъ этимъ предметомъ, додумались до идеальности пространства, до вещи въ себѣ и т. д.; поэтому и просимъ расширить наши предѣлы.

— Фу ты, Господи, слѣдовательно того, до чего сами не додумалис, говорит вам и велзя без авторитета, кажис просто.

— Фу ты, пропасть! Да, вѣдь, человѣкомъ себя именуете, есть между нами понятія общія — по русски говорите — сказали «дойой не пойдю», и т. д.; что-нибудь да разумѣете подъ этими выраженіями?!

— Да тут же существуютъ грани передаваемого, в них то я вращаюсь... я скоро не приду, сердит.

Какъ только эти слова сложились, движенія дощечки остановились.

Очень странное, характерное, неожиданное сообщеніе. «Спиридонъ» остался вѣреть себѣ, но былъ необыкновенно рѣзокъ, нетерпѣливъ, и, наконецъ, разсердился. Записываніе выходило не совсѣмъ правильно, ибо онъ указывалъ такъ быстро, что я не успѣвалъ записывать диктованныя буквы. Онъ теперь бросалъ различать *ъ* и *є*, *э* и *ѣ* вовсе не указывалъ, двойныхъ согласныхъ также, часто не заканчивалъ, словомъ — сокращалъ, какъ только могъ. Пріемъ человѣческой, но не *маши*. Оттого неясность. Если-бъ тутъ работала *машина* воля, то она работала бы намъ въ угоду, не затрудняла бы насъ своими выходками.

72-е сидѣніе, 13-го октября 1882 г. (XV-е).

Настроеніе было весьма опредѣленное, ибо это былъ канунъ дня очень для насъ памятнаго — недавней кончины лица, близкаго для всѣхъ насъ. Тѣмъ не менѣе, это настроеніе нисколько не отозвалось и весьма скоро условными 5-ю ударами стало получаться сообщеніе на нѣмецкомъ языкѣ, отъ лица, которое назвалось Hillwig'омъ, лица извѣстнаго двумъ изъ сидящихъ. Говорилось довольно толково, когда вдругъ указка перешла на русскую азбуку и сложилось нижеслѣдующее:

— Все врад, а вы то уши развѣсили, спасибо я за вами поглядываю; прочитал что нибудь на ваших головах и все тут, даже и имя припел, тоже немудрое дѣло.

Въ этихъ словахъ мы узнали Спиридона, и дальнѣйшее собесѣдованіе продолжалось уже съ нимъ.

Я спросилъ:

— Кто же вралъ?

— Кто — мазурик. Спасибо за...

Тутъ онъ сталъ водить по знакамъ препинанія, которые, по его желанію, были мною прибавлены къ буквамъ. Послѣ чего онъ добавилъ:

— Можно прибавить восклицател знак. Часто приходится дивится вам.

— Теперь поясните-ка намъ, это преинтересная вещь.

— Еще-бы! Имя-то дано, видно; хоть мазурик, а нашу грамоту знает.

— Кто мазурикъ, тотъ, кто показывалъ буквы?

— Да.

— Да почему же мазурикъ?

— А потому — тире надо тоже прибавит.

Послѣднія слова относятся, очевидно, къ недостававшему, по убѣжденію Спиридона, знаку «тире»; но знакъ этотъ былъ; вслѣдствіе чего я воскликнулъ: «Попались, знакъ этотъ есть!» Спиридонъ тотчасъ его находитъ и продолжаетъ:

— Шатущій.

— Да почему же вы это знаете?

— А вы почемуб узнали, видно.

— Это вы его прогнали!

— Сам удрал.

— Какъ васъ увидаль?

— Имено, по вашему прогнал — это тоже.

— Такъ поясните, какимъ это образомъ, какая цѣль?

— Сейчас, сейчас, голубчик: вот у вас вертится всякій вздор в голове,—виноват; вздор этот в определенном направленіи;—вот вы и привлекаете к себѣ такіх франтов, они все будут говорить что угодно. Почему? Это сложно. Вот умер X, (это было указано по франц. азбукѣ) полагал, что тамъ должно быть так и так, видит—товарищ, айда к нему. А то и так мб: (т. е. можетъ быть) просто искатель приключеній—пришел и напорол. А то еще: есть и настоящіе мазурики — ходят надуват чем можно, кого м. (т. е., можно).

— Про X. не понятно что-то? Почему же именно врать?

— Зачѣм же врат, можно и ошибатся. Вы думаете к нам пожаловат сразу всезнающим — шалите.

— Это другое дѣло, но тутъ цѣлая система изысканнаго надувательства!

— Сеталамод (т. е., c'est à la mode, по французски). Покуда мы обдумывали вопросъ, сложилось:

— Подумайте, а я домой.

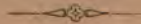
— А вашъ домъ? Позволительно спросить?

— До слѣдующаго нумера.

— А зачѣмъ вы были такой «сердитый» намерни: сказали не приду?

— Пугнул маленько — не мешает.

Такъ кончилось это собесѣдованіе весьма назидательное, ибо оно относится къ одной изъ самыхъ темныхъ сторонъ спиритическихъ сообщеній. Замѣчательно выраженіе въ началѣ: «Спасибо, я за вами поглядывалъ» въ смыслѣ: «Хорошо, что я за вами поглядывалъ». Такое выраженіе намъ вовсе не свойственно. Остается прибавить, что, дѣйствительно, мой молодой медиумъ нѣсколько дней тому назадъ перебиралъ письма Hillwig'a къ нему.

73-е сидѣніе, 20-го октября 1882 г. (XVI-е).

Послѣ обычныхъ условныхъ ударовъ потребовалась азбука французская, и стало складываться ударами же:

— Qualunque violazione della legge divina costituisce un peccato w.

Итальянская фраза, означающая по-русски: «всякое нарушеніе божественнаго закона составляетъ грѣхъ», была сложена совершенно правильно; при этомъ надо имѣть въ виду, что ни тотъ, ни другой медіумъ по итальянски вовсе не зналъ, а я сидѣлъ въ сторонѣ и записывалъ буквы; напримѣръ, слово «constituisce» имѣетъ довольно трудную орфографію, тѣмъ не менѣе оно сложилось вполнѣ правильно, только съ буквою w мы не могли добиться толку, покуда не сложилось:

— Nuladno (т. е., ну, ладно).

Тутъ мы догадались, что имѣемъ дѣло съ нашимъ шутникомъ Спиридономъ.

— Просимъ продолжать по-русски.

— Осень, сыро, вот и заговорил по итал чтобы согрѣться.

— Гдѣ это учились итальянскому?

— Нигде, чего хитро, помню кое что.

— То есть, что за хитрость сказать фразу, такъ-ли?

— Да.

— А позвольте спросить, ужъ не въ ихъ-ли головахъ прочитали?

— Непременно к стене прижат, ека страсть! мало-ли дребедени в вашихъ головахъ, кое что наберется, можно и по итальянски выжат, только секретъ знать, а то бы плохо.

— Въ ихъ головахъ нѣтъ итальянскаго, такъ и выжать не изъ чего.

— Ну и радуйтесь, коли нравится — а я мой взгляд сказал, можно выжат всякую штуку. А позвольте спросит: разве вы думаете, что только то след оставляет, что в голове сейчас сложилось? ань дандутки.

— Кажется нацутали?

— Грешен, просто дудки.

— Так покайтесь, изъ вашей, значить, взяли головы!

— Да это то было из моей, только верит то подобным штукам всеже мудрено — бездоказательно.

— Извините. Ихъ руки сложили то, чего нѣтъ въ ихъ головахъ, слѣдовательно складывала другая голова.

— Так вед етого в их головах нет в этой форме какъ фраза — а отдельные элементы готовой мысли все таки сун.

— «Элементы» въ смыслѣ буквъ?

— Букв, да что вы знаете про элементы мысли — и объяснить не берус.

— Хорошо, отдѣльные элементы есть, кто-нибудь да собирает ихъ.

— Собирает — ну — вот посторонній сборщик иван собирает за петров («за Петровъ», переспросилъ я; онъ продолжаетъ): много их на селе, а денежные элементы уж готовы, да и иван сам из петров — так может быт и тут: элем мысли на лицо, будто кто то собирает их, — а на деле они сами собралис, только незаметно для плателщиков. Да, батюшка, круговая порука чудеса дѣлает во всяком хозяйстве.

— Позвольте теперь о прошломъ сеансѣ поговорить, много вопросовъ.

— Живо, домой пора.

— Кстати объ итальянскомъ, вы весной сложили однажды «vogrei morig» — скажите что это? цитатъ что ли? или зря?

— Романсик такой слышал как то, примиленкой, ре-
комендую

(Смотри примѣчаніе къ сидѣнію 28-го апрѣля прошлаго
года, а теперь я только переспросилъ у Спиридона, ни-
чего не говоря напередъ сидѣвшимъ. Онъ подтвердилъ.)

— Вы сказали, что тотъ мазурикъ прочиталъ въ ихъ
головахъ, но въ ихъ головахъ въ то время этого имени
не было и никто не думалъ о немъ?

— Ну, ужъ эта канител; я сказал: мало ли что сохра-
няется, да и не два три дня, а вечно.

— Значитъ, эти франты могутъ читать въ нашихъ
головахъ все, что туда однажды попало?

— Именно могутъ, не забываютъ, могут.

— Позвольте, на этотъ же вопросъ весной вы отвѣ-
чали, что если и могутъ, то туманно, а тутъ цѣлое имя
выудили?

— Очевно просто могут, поруски значит: представ-
ляется для нихъ возможнымъ при наличности известныхъ
условій — вотъ и выходитъ что *X* у *A* читаетъ тумано,
а *Y* у *B* ясно, а то еще *Z* у *C* то ясно, то тумано—
ну да это само собой, я говорю — канител, бонжур.

— Позвольте, вы говорили: «будутъ говорить что
угодно», между тѣмъ, напротивъ, часто угодно, чтобы
пришелъ или говорилъ то-то, а выходитъ совсѣмъ другое?

— Да не что вамъ угодно, а им — фуй.

— Кто разумѣется подъ словомъ «товарищъ»?

— Живой, т. е. земной товарищ; небеснаго что-ли
мыслителя! рыбакъ рыбака — (видитъ издалека) дураки и
у насъ водятся.

— Хорошо, но это не причина, чтобы наврать, чу-
жое имя принять.

— Да вовсе не нагородить вданомъ случае, а поде-
лится съ единомышленником.

- А поддѣлываться подъ чужое имя зачѣмъ?
 — Я вамъ всевозможные случаи сумбурныхъ сообщеній привелъ, а вы пристали и не сместа.
 Просматриваю заготовленные вопросы.
 — Ау?
 — Хорошо-съ, сами вы не къ мазурникамъ принадлежите, и не къ шатушамъ, надо полагать, а для знакомства напороли вздоръ — помните балаганы.
 — Жевусалю пока (т. е. je vous salue).
 — То то, видно домой скорѣй, а кстати, гдѣ это вашъ домъ?
 Дощечка затихла—отвѣта нѣтъ.
 — Тутъ вы?
 — Тютю.
 — Ну, прощайте, до слѣдующаго раза.

74-е сидѣнiе, 27-го октября 1882 г. (XVII-е).

Сначала все выходило какой-то вздоръ. Медіумы отнимали руки отъ азбуки и отодвигались отъ стола, чтобы прервать вліяніе; потомъ опять присаживались къ столу, но все получался разный вздоръ; и такъ до трехъ разъ; это взяло не мало времени; наконецъ, объявился Спиридонъ, но собесѣдованіе наше вышло короткое; я сказалъ:

— Наконецъ вы отозвались, теперь поговоримъ: въ прошлый разъ вы что-то мудрили, говоря, что элементы мысли *сами* собрались и проч., между тѣмъ, изъ самой обстановки, *игра личностей* ясна; вы пришли, онъ удрадь и т. д.

— Без мудрости далеко не уйдешь, я имено мудрил, это вам ползительно; говорят с вами о том что есть совсем для вас не поучительно, гораздо важнее о том, что может быт, дикси (dixi, т. е. сказалъ).

— Ну, такъ поясните намъ *процессъ* этого чтенія нашихъ мыслей и знаній въ нашихъ головахъ?

— *Раз*, этот процес вовсе не ввашихъ головахъ происходит, а впространстве; *два*, онъ происходит совершенно просто — на манеръ вашего чтенія, толко другими глазами; *три*, почему это видимо, не могу служить ответомъ — скажу лишь, каждая мысл, умная и глупая, имеет условный, но всеже видимый след, причемъ почти безотносительно ко времени — говорю почти, а то вы опять ловит пойдете.

— Далѣе: почему же имъ «угодно», большею частью, говорить вздоръ, ложь и брать чужое имя?

— Не лучше ли было бы, когда вы, т. е. человеки. всегда одну правду говорили! а чужія имена — это понятно по многимъ побужденіямъ; начат стого, что инкогнито любимое платьѣ дураковъ, шутовъ, шалуновъ, бродяг и т. п.

— А вы сами? помните балаганы? Аль «домой пора»?

— Домой пора.

— Нѣтъ, поясните прошу, примѣръ хорошій.

— Ах, кабы онъ могъ хот что нибудъ пояснит, я бы такъ и быт постарался.

— А все таки поясните.

— Не желаю.

— Вы упомянули намедни *la legge divina* — можете сказать, въ чемъ состоитъ божественный законъ?

— Почитайте ка в старыхъ разговорахъ, кое что найдете, впрочемъ от такихъ разсужденій и наиредки не откажусъ — теперъ я право какъ то уставатъ с вами стал, самъ удивляюс.

— Надо намъ лозунгъ какой, чтобы тотчасъ васъ узнать.

— Бонжур — лозунгъ.

— А то эти шатуще столько времени уводятъ, да васъ покуда узнаешь, по неволѣ утомишься.

— Нѣтъ, это утомленіе тоже не такъ просто.

— Ну, такъ бонсуар!

— Нью (т. е., онъ отвѣчаетъ «боннью»).

75-е сидѣніе, 3-го ноября 1882 г. (XVIII-е).

Очень скоро указка потребовала русскую азбуку и стало складываться.

— Смыкает сон усталые глаза и мысл бледнея будто умираетъ какъ в летній вечеръ алая заря на небосклоне потухаетъ.

Тутъ мой молодой человѣкъ замѣтилъ: «Это курьезно, вѣдь это мои стихи, вчера написанные, слово въ слово». Въ это время указка показала.

— Но не уг... сбил.

Послѣ чего стало продолжаться, причемъ эти слова были поправлены какъ слѣдуетъ.

— Но тот источникъ света не угас сияетъ онъ незримиыми лучами сокрытый лиш от нашихъ тлѣныхъ глазъ, над далними и чудными мирами такъ не туда л отходитъ и душа когда ты спиш и ничего не знаеш не тежели далекия края ты с ней порой ночью посещаеш.

— Я хотелъ похвалить, право недурно.

Это оказалось стихами, которые слѣдуетъ читать такъ:

Смыкаетъ сонъ усталые глаза
 И мысль блѣднѣя будто (ум)ираетъ,
 Какъ въ лѣтній вечеръ алая заря
 На небосклонѣ (тихо) потухаетъ.
 Но тотъ источникъ свѣта не угасъ:
 Сіяетъ онъ незримыми лучами,
 Сокрытый лишь отъ нашихъ тлѣнныхъ глазъ,
 Надъ дальними и чудными мірами.
 Такъ не туда-ль отходить и душа,
 Когда ты спишь и ничего не знаешь?
 Не тѣ же ли далекіе края
 Ты съ ней порой полною посѣщаешь?

Стихи были продиктованы совершенно правильно, за исключениемъ: «умираетъ» вмѣсто «замираетъ» и пропущеннаго слова «тихо». Эти три ошибки ¹⁾ очень важны съ томъ смысломъ, что если бы тутъ работала собственная психея автора стиховъ, то она этой ошибки бы не сдѣлала. Тутъ авторъ пояснилъ, что онъ вчера вечеромъ протиктовалъ эти стихи женѣ своей. Поэтому я и спросилъ Спиридона: «это вы ихъ вчера подслушали».

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ.

— Сегодня сейчасъ меня встретили эти стихи; а знаете ли вы что ваши мысли временю оставляютъ даже звучный следъ, хотябъ они и никогда не покидали вашей головы. Почему? следъ мысли вибрирующая струя; вибрація естъ звукъ в абсолютномъ смысле, ее лишь надо воспринять.

— Что такое звукъ въ абсолютномъ смыслѣ?

— Т. е. не в относительномъ.

— Это не подвигаетъ.

— Значитъ звукъ естъ, да не про всякаго звучитъ.

¹⁾ 3-я ошибка: *но не ул... сбил.*

— Но сохраняется вѣчно?

— Времено, я сказал, но все же долго, м. б. (т. е. может быть) даже вечно, но все эти вибраціи так сплетаются, так сливаются, так высоко поднимаются мало помалу, что даже нам уже болше не слышат.

— Вотъ вы прочитали что было въ головѣ медиума, и другіе читаютъ, но надо бы опытъ сдѣлать; я задумую, вы прочтите.

— Это возможно, но какъ тогда скажу: онъ мнѣ нужнее; попробуем, посмотрим, вашихъ стиховъ я все же не прочиталъ бы.

— Вѣрно, моя голова тусклѣе головы медиума.

— Гораздо; попробуйте.

Пишу на бумажкѣ: «сватъба въ домъ», и держу эту мысль въ головѣ. Диктуетъ:

— Не знатъ нельзя но можно ли не моч.

Эти слова сложились по азбукѣ, въ нихъ, очевидно, нѣтъ смысла и я замѣтилъ:

— Нѣтъ не идетъ.

— Плохо, положите ка сюда, б. м. (т. е. можетъ быть) прочитаю, но это будетъ ужъ простое чтеніе).

— Какъ положить, письмомъ вверхъ или внизъ?

— Завязавъ глаза писмомъ вверхъ.

Надѣваю обоимъ медиумамъ картонки, глубокія, изъ-подъ шляпъ, до самой шеи, и кладу бумажку на столъ передъ ними. Хорошо такъ?

— Д. опвргдочеоѣ вочдмтуе.

— Нѣтъ не идетъ. — Отнимаю картонки.

— Трудно почеркъ разобратъ.

Пишу чернилами, каллиграфически, крупно. Надѣваю картонки.

— Солцфбагтбраю ветеу.

Отнимаю. «Неудачно!».

— Карточная выдумка, душно, мешает, потом отвык от ваших забав; я и так не могу прочитат.

— Сами предложили!

— Ну и попробуйте еще в другой раз, только без карт(онки).

— Это когда въ другой разъ?

— Несносное ощущение иногда бывает от слишком близкаго соприкосновенія с земными формами.

— Намедни вы замѣтили, что въ разное время садимся. Развѣ наше время имѣетъ для васъ значеніе?

— Можетъ значит, какъ и всякій условный знак.

— Но по вашей теоріи, какъ мы сѣли за столъ, и вспомнили васъ, такъ наша мысль вибрируя должна коснуться васъ?

— Если я к этому готов; вот и полезно руководствоваться тиканем ваших часов, теперь позволте отдохнуть.

— Слѣдующую среду у насъ свадьба, какъ быть, перенести ли на другой день и который? Желали бы *своихъ* услышать.

— Пропустите, я рад буду, а там своих — сделайте милость.

— Хорошо, до свиданія, mercredi en quinze?

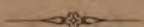
— Сеса, боннюя (с'est ça, bonne nuit).

— Теперь не говорите ужъ бонжуръ.

— Бонжур тепер играетъ роль иную, ведъ это долженствуетъ бытъ пароль.

Слѣдующіе пять сеансовъ, съ 9-го ноября 1882 г. по 12-е января 1883 г., дали только отрицательный результатъ, то есть, или получался одинъ вздоръ, или даже ничего не получалось: и столъ и указка оставались недвижимы. Почему это было такъ, когда участвующіе были тѣ же лица, когда условия были совершенно одинаковыя, или когда даже настроеніе было весьма опре-

дѣльное, вслѣдствіе домашнихъ событій, одинаково интересныхъ для всѣхъ участниковъ — это объяснить только дальнѣйшее болѣе близкое знакомство съ предметомъ. Мое дѣло представить матеріалъ. Необходимо однако же сказать, что на сеансѣ 80-мъ случилось среди этого вздора нѣсколько разумныхъ словъ, авторомъ которыхъ назвалъ себя нѣкій «Вице-Спиридонъ». Почему я нашелъ нужнымъ здѣсь объ этомъ упомянуть — это объяснится изъ слѣдующаго.

81-е сидѣніе, 19-го января 1883 г. (XIX-е).

Послѣ разнаго вздора, который мы, по обыкновенію, прервали, отодвинувшись отъ стола, потребовалась отчетливыми ударами русская картонная азбука. Вскорѣ стали получаться толковыя сообщенія, которыя очень напоминали собой слогъ Спиридона, но авторъ ихъ назвалъ себя «другомъ». Изъ слѣдующаго, однако-же, оказалось, что этотъ «другъ» былъ дѣйствительно никто иной, какъ Спиридонъ; поэтому я и привожу ихъ здѣсь цѣликомъ.

Собесѣдованіе началось такъ:

— Щипнуть пора (смѣхъ... продолжается) зазнавшихся жрецовъ.

— Какихъ жрецовъ?

— Нахальной науки.

— Поясните.

— Наукъ двѣ, одна скромная работница, другая наглая болтунья; послѣдней служить пріятіе и легче, поэтому жрецовъ ея расплодилось великое множество, вотъ ихъ щипнуть давно пора.

- Въ чемъ долженъ состоять щипокъ?
- Щипокъ долженъ состоять въ разоблаченіяхъ.
- Которыя написалъ я?
- Да!

Тутъ я вспомнилъ, что во время перерыва мой молодой медиумъ спросилъ меня, выпустилъ ли я изданныя мною «Разоблаченія», т. е., исторію нашей медиумической университетской комиссіи, напечатанной мною еще въ 1882 году.

- Имѣете объ нихъ понятіе?
- Нѣкоторое, насколько о нихъ можно по васъ судить.
- Но знаете ли о какомъ ближайшемъ вопросѣ тутъ идетъ рѣчь?
- Дальнѣйшій вопросъ важнѣйшій, ближайшій мнѣ менѣе ясенъ, причина понятна.
- Поясните цѣль «Разоблаченій».
- Ну и прекрасно, только и надо сорвать личину, а тамъ дѣло впереди.
- Какое дѣло?
- Дѣло всякаго здраваго изслѣдованія, такъ и вашего, надѣюсь.
- Моя специальность изслѣдовать медиумической вопросъ.
- Чую.
- Надо ли преслѣдовать научное изученіе его?
- Надо, вообще говоря, хотя точка опоры и тяготѣнія за границей вашей науки; по моему, все о чемъ можно учить, либо чему учиться, есть наука.
- Вотъ вы сообщаетесь, развѣ это не точка опоры?
- То будетъ не наука въ нашемъ смыслѣ, а ученіе.
- Самый процессъ сообщенія есть явленіе, требующее научнаго объясненія.

- Въ этой части наибольшій интересъ.
- Значить, оно принадлежитъ наукѣ?
- Я уже сразу сказалъ что да.
- Надо ли поощрять занятія медіумическими явленіями?
- Безконечная нить, одно обусловливаетъ другое. Толкуемъ про себя. Онъ продолжаетъ:
- На дѣлѣ и худо и хорошо, но вѣдь у васъ не можетъ быть только хорошо, во всякомъ случаѣ вопросъ далекаго будущаго.
- Можно ли доказать медіумическими явленіями существованіе духовнаго міра и возможность общенія?
- Правильно, можно доказать.
- Слѣдовательно, это важнѣйшій изъ вопросовъ?
- Остается желать, и долго ждать въ той средѣ, гдѣ такое познаніе всего цѣннѣе было бы, хоть это и громадное меньшинство всего человѣчества.
- Вы подразумѣваете интеллигентную «среду»?
- Такъ сказать самую человѣчную.
- Съ чѣмъ или съ кѣмъ мы бесѣдуемъ? Прощу дать философское опредѣленіе.
- Вѣчно сущее за предѣлами одной изъ внѣшнихъ формъ существованія называемаго жизнью.
- При перечитываніи, послѣ слова «существованія» прибавилъ: *«то есть, своего»*.
- Этому «вѣчному сущему» вы даете подкладку человѣческой индивидуальности?
- Оно всегда должно быть индивидуально, такъ какъ оно является только частнымъ проявленіемъ своей субстанціи.
- Признаете себя существомъ, нѣкогда жившимъ на землѣ?
- Да, по опыту, хотя прямого сознанія не имѣю.

— По какому же опыту?

— Опытъ душевнаго ощущенія личнаго, и опытъ на другихъ.

— Но какъ же вы тогда можете говорить по-русски?

— Это дѣйствительно требуетъ поясненія; сперва примѣръ: никто не спроситъ человѣка, какъ онъ ходитъ съ носомъ на лицѣ, не зная откуда онъ; потомъ скажу что результаты бывшей земной жизни моей всѣ на лицо, это и даетъ душевный опытъ, о которомъ я говорилъ; дальнѣйшія подробности моей земной жизни мнѣ больше не извѣстны, какъ вы не знаете, конечно, кто васъ когда крестилъ, имя далъ, а все твердо знаете, что было вамъ два дня, какъ и пять лѣтъ. Прощайте.

— Прошу минуточку обождать, вотъ я перечту.

Читаю. Отвѣчаетъ:

— Правильно.

— Еще слово, какъ васъ звать, на случай.

— Меня называйте другомъ.

Въ этомъ сообщеніи правописаніе, какъ легко замѣтить, было правильное, обыкновенное, то есть «ъ», «ь» и «ѣ» и пр. указывались какъ слѣдуетъ. Быть можетъ, это была уловка, чтобы подъ именемъ «друга» мы не признали тотчасъ Спиридона.

На слѣдующихъ двухъ сеансахъ, 82-мъ и 83-мъ, опять получился всякій вздоръ, и потому я здѣсь ихъ опускаю.

84-е сидѣніе, 10-го февраля 1883 г. (XX-е).

Сидѣніе началось очень вялыми стуками стола, которыми потребовалась русская азбука, и вялинь указываіемъ буквъ сложилась пустая фраза. Мы прервали сеансъ и рѣчь зашла о причинѣ получаемыхъ на сеансахъ пустяковъ; мнѣ пришлось недавно даже писать объ этомъ, а мой молодой медіумъ сталъ высказывать свои объясненія; такъ прошло минутъ 10, когда тремя легкими ударами потребовалась русская азбука и быстрыми указаніями буквъ сложилось слѣдующее:

— Довольно недурно, любезнѣйшій; мой бонжуррр.

— Должно быть, Спиридонъ; кажется его девизъ?

— Ну, а пропо, какая доказательность девиза? проморил вас маленько, хот и был один раз на манер великихъ людей міра того.

— Вѣроятно, никогниго, у насъ?

— Имено.

— Но не назвались?

— Имено.

— А смотрѣли, какъ дурачатъ насъ другіе?

— Сам грѣшнымъ деломъ этимъ занимался.

— Это подъ именемъ вице Спиридона, что-ли?

— Не, не; лучше; вице то такъ, вице и был, я своимъ чередомъ.

— Ну, скажите!

— Догадайтесь, вамъ угодилъ оченъ.

— А, такъ это «другъ».

— Имено, а вотр адресъ.

— А вотъ адресъ, что такое? (Думая что р ошибка, я прочель «а вотъ адресъ»).

— Врете, было а вотр адрес (à votre adresse), т. е. для васъ спеціально сія метаморфоза.

— Т. е., лично для меня?—да, тонъ другой, не вѣчно проническій?

— Вот, вот, на грош повыше.

— Вотъ мы говорили про массу пустяковъ отъ вашего брата,—поясните-ка намъ сами?

— А вѣд я сейчас хвалил, право не дурно, я бѣ только покорооче сказал: причин двѣ, одна в вас, другая в нас, одна снизу, другая сверху.

— Это и мы понимаемъ, но вопросъ — можетъ-ли это быть результатомъ одной нашей безсознательной дѣятельности?

— Ну, дяденька, об этомъ говорено мною, почитайте на досуге.

— Причина въ насъ?

— Да, участвуете, заправду, успокойтесь.

— Да не про участіе, а можемъ-ли одни, безъ вашего участія?

— Вотъ по такому именно поводу я уже говорил, тоже послѣ кого-то; вы спросили: видѣл-ли я кто до меня был и какъ де это произойти могло, вотъ я и разглаголствовал.

— Въ томъ-то и дѣло, что очень мало сказано: не знаю, можетъ быть, и сами складываемъ.

— По моему может.

— Почему все ждете вопросовъ, скажите, наконецъ, кое-что и отъ себя!

— Оченъ просто, вы спрашиваете то, что знать хотите, стало быть, вамъ полезно такъ, думаю такъ и учить надо-бы... не понимаете.

Толкуемъ про себя, что бы это могло значить.

— Почти; просто учить вообще следовало-бы, отвечая, какъ и греческіе мудрецы, поворотите на себя.

— Т. е., примѣнить это къ себѣ.

— Вот вам пожалуй одно скажет не безразлично, что мне вас интересует, ой, ой, не очень то легко, и разве только дал ответы на некоторые ваши вопросы — может меня побуждает. Потому же долго отсутствовал, к тому же много уже извощен.

— Почему так трудно? А когда-то обещались всегда приходить, когда попросили!

— Хитер брат, а той или иной формой, а в существе все тот же вопрос — как мол к вам ходит!

— Так, что за бѣда?

— И не беда, да ответа не на.

— Изучаете-ли тамъ свой миръ, законы бытія, какъ и мы?

— И да и нет, изучаем, но и просто видим; есть два три вентилятора на свете, в которые и тут и там уж много мыслей улетучилось, а все дует—в остальном нам, повиднее.

Остановились. Кончили?

— Кончил.

— Хотя, наприкирѣ, о высшемъ началѣ, сильно дуетъ?

— Именно, да еще как, многие с флюсом ходят, а зубы не годятся; о этом предмете и ваши бредни на нашей бирже продаются.

— Но, вѣдь, какой-нибудь культъ есть у васъ?

— Не без того.

— Въ чемъ выражается?

— Я вам только что сказал, что по этой части у нас происходит, потом меня ни чему не учат, наконец, с вами об этой матеріи говорят еще мудренее.

— Да, право, не знаешь, о чемъ васъ и спросить, все не по васъ.

— Просто вопросы ставит не умеете, все в чужой огород лезите.

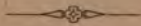
— Понятно, что лѣзешь.

— Да больно уж далеко, ну не смешно-ли вам говорит про то как у насъ о высшем началѣ учит приказывают, коли у вас у самих на эту тему все исчерпано, что только в человеческой головѣ вместится может. Прощайте.

— Погодите маленько, перечту. Что-жъ, можемъ надѣяться опять услышать васъ?

— По маленьку, часто трудно, а мы тоже егоисты не послѣдніе.

Не разбираю, переспрашиваю: «а мы то» — но указка уже сошла съ азбуки и болѣе не двинулась. Въ этомъ сеансѣ нельзя было не замѣтить рѣзкаго контраста медленнаго складыванія начального вздора и быстрыхъ указаний Спиридона, такъ что часто я не успѣвалъ записывать диктуемыхъ буквъ и путалъ.

85-е сидѣніе, 1-го мая 1883 г. (XXI-е).

Произошелъ долгій перерывъ послѣ сеанса 10-го февраля, вслѣдствіе болѣзни одного изъ моихъ медиумовъ и пріѣзда сюда извѣстной родоначальницы спиритическаго движенія — Kate Fox, медиума не профессиональнаго, но прибывшаго сюда по моему приглашенію. Сегодня мы возобновили наши сидѣнія, потому что этотъ день для нашего домашняго кружка былъ весьма памятенъ; и кромѣ того, хотѣли этимъ сеансомъ закончить рядъ нашихъ зимнихъ сидѣній. Но, какъ увидимъ ниже, и какъ это было уже не разъ, наше опредѣленное настроеніе не дало соотвѣтствующаго результата.

Вскорѣ потребовалась русская азбука, я подложилъ картонную и спросилъ: — можете ли указывать буквы? Началась бесѣда:

— Могу, разныя...

Затѣмъ сложился рядъ буквъ, не давшихъ никакого смысла; я замѣтилъ:

— Ну, начался обычный вздоръ, видно надо бросить!

— Сомнѣніе ужъ многихъ погубило.

— Какъ не усомниться, когда чепуха началась!

— Это ничего, потомъ наладится, давно вы не сядились съ нами поговорить

— Кто это «съ нами»?

— Другъ и вашъ собесѣдникъ.

— «Другъ», но который, ихъ много было!

— Н одинъ.

— А вы сказали «съ нами»?

— Съ нами — значить и съ другими, равными мнѣ.

— Что значить «н одинъ».

— Нѣтъ.

— Дѣло не подвигается, все же не знаю, кто говорить!

— Нужно вспомнить и подвинетесь, вы забыли меня.

— Трудно вспомнить безъ имени, былъ однажды «другъ», да Спиридономъ оказался, а теперь и орфографія не его!

— А Спиридонъ вашъ другъ и есть; почему не измѣнить орфографію, я это уже разъ сдѣлалъ.

— Коли это вы, хорошо! Видѣли, что у насъ тутъ дѣлалось это время по части спиритизма?

— Нѣтъ, я давно не былъ на землѣ, а кромѣ того вообще бываю толко у вас; тяжелое время переживаемъ и мы за васъ всех, т. е. человеков, тоска глубокая находитъ временами.

— Поясните.

— И конец века этого тяжелый; всюду на земле растет безверие и грубеют души; чем дальше, тѣм хуже, пока не лопнет мыльный пузырь 19 века. Скоро ли узнаете вы, что лучшее духовное настроеніе жителей земли — кислород нашей атмосферы, так сказать; а в теперешнем нашем воздухе много азота, духоты.

Перечитываю, — такъ?

— Так.

— Это странно, мы никакъ не полагали, что вы можете терпѣть отъ насъ; привыкли думать, что свѣтъ нашъ отъ васъ.

— Свет то пожалуй от нас, но об этом пару слов потом; ну а от вас, почтенный, чад к'нам тянется, конечно он нас не мрачит, а все же скорб за вас наводит. О свете скажу: раз, он доступен только свету же, хотя и меньшему; два, мы в распространении его сознательно участвуем только на сколько он совместим съ нутром каждого из вас; три, свет наш, вообще говоря, конечно играет роль в вашем состояніи, но это вообще имеет мировое безконечное значеніе, и через весь ряд веков вашего существованія.

Покуда перечитываемъ конецъ, продолжаетъ:

— И это уже бессознательно.

— Что такое «вашъ свѣтъ», потрудитесь дать опредѣленіе.

— Свет наш есть истина в нравственном начале бытія.

— Ого!

— Т. е. что бытіе имеет начало нравственное и что сознание его есть истина великая.

Въ то время какъ я думаю объ опредѣленіи «нравственного начала», онъ самъ продолжаетъ:

— А что значит нравственное — значит согласное с волей совершенной и в ней неустанно совершенствующеяся.

- Вы говорите о «нравственности», т. е., вѣдѣлѣ?
- Все равно, понятіе нравственнаго таково.
- Вотъ тутъ и заборюча — какъ понять «волю совершенную»?
- Тутъ вечная заборюча, да иначе и быть не должно, а не то были бы только счастливые и несчастные — должны же бытъ хорошие и не хорошие.
- Опять скажу: что такое «нехорошій»? Для всякаго втораго и вѣдуршій — хорошій?
- А для дуа вашего думаю все равно кому онъ хорош, важно хорош ли онъ истинно — этотъ вопросъ дуа всегда сама себе задаетъ — совѣсть — вотъ работайъ никогда не останавливаясь — это главное.
- Т. е. «совѣсть», задаетъ?
- Совѣсть слово.
- Опять «хорошій ли истинно» — какъ рѣшить этотъ вопросъ?
- Рѣшать его надо безловечно, довольно, прощайте.
- Значить никогда не рѣшится?
- Именно, рѣшеніе его естъ внежизненное бытіе.
- Что такое «внежизненное бытіе»?
- Существованіе абсолютное, безъ начала жизни, т. е. вечной перемѣны и движенія.
- Ну, прощайте; теперь разстаемся на лѣто; надѣюсь, осенью навѣстите насъ опять?
- Старатся буду, желаю добра и света.

—❖—

96-е сидѣніе, 8-го апрѣля 1884 г. (XXII-е).

Мы имѣли десять промежуточныхъ сидѣній, съ 20-го ноября 1883 по 11-ое марта 1884 гг., которыя опять

намъ ничего не принесли; подучался либо вздоръ, либо ничего и мы уже совершенно потеряли надежду побесѣдовать опять со Спиридономъ, когда совершенно неожиданно, на 96-мъ сеансѣ, онъ откликнулся.

Это сидѣніе сперва началось съ какого-то вздора; мы такъ къ нему привыкли въ эту зиму, что это насъ не удивило, но очень скоро вмѣшался Спиридонъ и завязалась слѣдующая бесѣда:

— Развѣ вамъ что нужно?

— Нужна толковая рѣчь, а не пустяки.

— На что? разговора ради?

— Нѣтъ, иногда договорись и не до пустяковъ.

— А какая разница между такими пустяками и непустяками, или все пустяки, или все непустяки.

— Разница та, когда *не* пустяки, говорить это *не мы*, это «духи».

— По мнѣ и духи, и вы сами — для васъ одинаково тайна, и что можетъ духъ посторонній, то и вашъ.

— Важно именно убѣдиться, есть ли тутъ «посторонній»?

— Что можетъ духъ посторонній, то и вашъ — я говорю.

— Позвольте же, кто это «я говорю»?

— Для васъ одинаково тайна, я утверждаю: я духъ посторонній, я духъ вашъ,—это все равно и все тайна для васъ.

— Вѣрно, что тайна, но важно убѣдиться въ объективности этого посторонняго.

— А вы знаете объективность вашего духа? — нѣтъ; а объективность другого? — тоже нѣтъ, я говорю.

Перечитываю, вѣрно, а онъ понукаетъ:

— Ну.

— Это игра словъ, личность имѣетъ же свои признаки!

— А у васъ игра понятій, м. г. (милостивый государь), я не говорилъ о признакахъ вашихъ, о которыхъ всякій изъ васъ судить можетъ, а о признакахъ иного различія; можетъ ли то (сдѣлать) вашъ духъ своими средствами, о которыхъ вы судить не можете, или нужны средства духа посторонняго, о которыхъ вамъ ничего неизвѣстно... (пауза, продолжаетъ) — вотъ и выходитъ бѣлка въ колесѣ.

— Верхнія строки непонятны, прошу исправить.

— Я ставлю вопросъ, проявляется индивидуальная личность, почему она не ваша? потому ли что не то говорить, что вы думаете?

— Нѣтъ, а потому что говорить иногда то, чего не знаешь, называетъ себя...

— Ну, такъ я началъ съ того, что вы не знаете, что вашъ духъ можетъ, чего не можетъ.

— Какъ не знать?

— Знаете, ну, молодецъ! чего же вамъ еще; а я думаю и сказалъ сначала, что для васъ должна быть одинакова тайна—чи вашъ духъ, чи не вашъ проявляется; не въ имени тутъ рѣчь, не въ разницѣ познаній; границы собственнаго я для васъ — (хотѣлъ сказать: «неизвѣстны», но загнулся) —

— Виновать, онѣ, вѣдь, вамъ извѣстны.

— Оставьте діалектику, а коли вы такъ умѣете рассуждать, скажите просто — кто же вы?

— Да послушайте, неужели вы очную ставку дѣлать будете, я ли я, или не я, а вы сами—кто же судья? Или я скажу, что я — я, и вы успокоитесь, потому что знаете что это я, а не вы; каково самомнѣніе и какова же и наивность.

— Значить, по вашему, тутъ толку не доберешься, и нечего этимъ заниматься?

— По мнѣ, убѣжденія въ посторонней индивидуальности тутъ не найдешь, а только на готовое убѣжденіе интересный и поучительный матеріалъ. Можно убѣдиться, что проявляется духъ, что онъ даже разнится отъ всѣхъ присутствующихъ индивидуальностей, поколику вы ихъ знаете; что духовная эта личность то глупѣе, т. е. ниже, то умнѣе, т. е. выше васъ всѣхъ; но почему это не можетъ (быть) вашъ собственный духъ, либо всѣхъ вмѣстѣ, либо посторонній живой или мертвый — все это доступно только людямъ, какъ вы, вопрошатель, который знаетъ границы духовной личности своей и, стало быть, кое-что маракуеть о чужихъ.

Молчаніе.

— Ну, тютю.

— За вами не угоняешься.

— Ну подумайте, приду я — я, я — вы.

— Мы-то все тѣ же, а васъ-то всю зиму не слыжали!

— Такъ можетъ (вы) то умнѣе, то глупѣе, да и это вамъ, конечно, неизвѣстно. Прощайте, пока, до 232.

— Прошу пояснить.

Оказалось, что это была ошибка, онъ хотѣлъ указать 22, и пояснилъ:

— Дандесменъ.

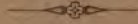
Вскорѣ догадались, что это значить: «dans deux semaines».

— Такъ приходите, я кое-что заготовлю.

— Пожалуйста, радъ буду дѣльные рѣчи услышать.

Складываніе происходило такъ быстро, что я едва успѣвалъ записывать; многія слова Спиридонъ только начиналъ, и едва я произносилъ окончаніе, какъ онъ уже шелъ далѣе, такъ что его обычную ореографію въ этомъ сообщеніи нечего и слѣдить. Употребленіе слова *чи* было совершенною неожиданностью и по справкѣ ока-

залось малороссійскимъ выраженіемъ, равносильнымъ нашему *или, аль, либо* и т. д. Много разъ, чтобы разобратъся, онъ самъ указывалъ знаки препинанія, которые въ подлинникѣ мною двукратно подчеркнуты.

97-е сидѣніе, 22-го апрѣля 1884 г. (XXIII).

Спиридонъ сдержалъ свое слово и черезъ двѣ недѣли явился; но мы этого еще не знали, и когда столъ двинулся и потребовалъ азбуку, я, по обыкновенію, спросилъ какую; подложивъ русскую картонную, тотчасъ началось:

— Готово.

— Что готово?

— Ну.

— Кто говорить?

— Валяйте.

— Значитъ Спиридонъ.

Читаю вопросъ, заготовленный на листкѣ:

— Вы говорите: «что можетъ духъ посторонній, то можетъ и «вашъ». «Границы собственнаго я для васъ неизвѣстны». Вотъ ваше положеніе. Надо сговориться, $A = A$, или нѣтъ? Я = самому себѣ, или нѣтъ? Иванъ можетъ-ли быть равенъ Петру или сдѣлаться Петромъ, или нѣтъ? Если можетъ, то надо отказаться отъ нашихъ понятій объ индивидуальности. Отказывается или нѣтъ?

— Много; в сущности вопросъ такъ: равняется ли ваше я самому себѣ — лишній; скорѣе — равно ли ваше земное, вами и другимъ осязаемое и понимаемое существо, вашей душѣ, внутреннему духу вашему — конечно и (нѣтъ).

Пауза, продолжаетъ:

— Для этого ест у вас доказательства того же рас-
порядка.

— Потрудитесь пояснить разницу между нашимъ
«земнымъ существомъ» и «душой»?

— Первое — частичное проявленіе послѣдняго в раз-
ных состояніяхъ, в разных степенях, (пауза, продолжаетъ)
а потому даже не может равняться (ему), и дѣйстви-
тельно — какой смысл имѣл бы земной костюм, если бы
он ни в чем не мѣнял облекаемое им зерно.

— Такой взглядъ вашъ сводится въ сущности къ пред-
существованію и перевоплощенію души.

— Вродѣ, зачѣм перевоплощеніе, почему не постепен-
ное развитіе, проявленіе что-ли?

— Для подобнаго развитія необходимо сознаніе пред-
шествующаго состоянія?

— Да кто же вам сказал, с какого момента это созна-
ніе должно начаться—может быт оно просыпается имено
когда это важно; т. е. послѣ земного странствованія.
(Пауза, продолжаетъ):

— А то сознаніе о том, чего сознавать нельзя, ест
и ненужная и невозможная роскошь.

— Между подобными существованіями должна же
быть нѣкоторая солидарность?

— Солидарность развѣ не равенство, вы тоже, на-
дѣюсь, солидарны съ Божествомъ?

Думаль, не кончилъ, и проговорилъ: ну — и онъ
отвѣтилъ:

— Ну.

— Мы однако уклонились въ сторону.

— Вернемся.

— Это не мѣшаетъ тому, что мое земное $A=A$, и
можетъ удержать признаки этого равенства.

— Что правда то правда, это само собою разумѣется;

но не больше — почему музыкантъ, который все игралъ чижики, не можетъ вдругъ заиграть собачій вальсъ?

— Тутъ ничего нѣтъ общаго. Эта варьяція та же музыка. А чужому языку надо научиться; и о такихъ случаяхъ не слыхано и невѣдомо.

— Какъ невѣдомо! помилуйте — вы только что со-слались на такой конкретный фактъ.

— Именно, и когда такой фактъ данъ, мы и имѣемъ право заключить, что тутъ проявляется другая личность.

— Вот тут уже спор о правѣ — я не юрист. Могу только повторить давно сказанное: до тѣх пор, пока вы не будете знать — можетъ ли вашъ духъ не обучившись китайской грамотѣ заговорить вашимъ языкомъ на китайскомъ языкѣ — до тѣх пор вы не будете имѣть права, а по моему возможности, утверждать, что в медіума влезъ чужой духъ китайскаго происхожденія, а не собственный его духъ, в особомъ состояніи.

— Да и не одинъ языкъ является доказательствомъ; можно заговорить и на своемъ, но проявить всѣ признаки, всю характеристику другой личности.

— А развѣ трусы не бываютъ героями, дураки умниками, т. е. во снѣ. Я самъ разъ слышалъ, какъ нѣкто во снѣ говорилъ на непонятномъ и для меня и для него языкѣ.

— Это не отвѣтъ. Тутъ степени состоянія умственнаго. Я говорю о тѣхъ отличительныхъ признакахъ, которые отличаютъ одну индивидуальность отъ другой.

— Да развѣ эти признаки непроницаемая тайна? Тогда как же вы сами ихъ распознаете?

— Они тайна въ данный моментъ; подразумѣвается само собой, *datum*, что ни медіумъ, ни присутствующіе не знаютъ этихъ признаковъ.

— Все вадоръ, проистекающій оттого, что вы играете

словами «знаеть», «не знаеть»; datum, по вашему: сидит медиумъ и говоритъ что ли разную дребедень яко бы неизвѣстную; datum, по моему: сидитъ человекъ и чрезъ его языкъ проавляется его (духъ), онъ въ особомъ состоянїи, и говорятъ то, что ни вамъ, ни ему, положиши, не извѣстно, но что можетъ быть продуктомъ его духа.

— Все вертитесь вокругъ да около. Не о «дребедени» рѣчь, а о томъ, когда личность, называя себя, указываетъ и всѣ признаки своего земного существованїя, по которымъ можно провѣрить подлинность ея проявленїя.

— Да что эти ваши признаки! по неволѣ вертятся если не хотите понять, что не патентъ же берется на признаки — ихъ воспроизведеніе можетъ быть доступно и Ивану и Петру, т. е. ихъ «духамъ».

— По неволѣ будемъ вертѣться, коли выходитъ, что Иванъ можетъ сдѣлаться Петромъ!

— Да можете ли вы в этомъ сомнѣваться, если вы сами допускаете, что душа можетъ продолжать свое существованїе послѣ жизни? Неужели вы можете думать, что ваши признаки не могутъ быть воспроизведены всякимъ кто пожелаетъ?

— Именно не думаю, ибо не понимаю, чтобы «всякій кто пожелаетъ», и даже не зная меня, могъ меня воспроизвести!

— Да что право «зналь, не зналь», омять та же путаница. Вы меня не знаете, а я васъ знаю, — что же это значить. А кромѣ меня вы всѣхъ знаете, кто васъ знаетъ? А знаете вы все что вашъ духъ знаетъ? А знаетъ вашъ духъ по китайски? Все это вопросы, ихъ можно умножить. Отвѣтъ одинъ: вы не знаете границъ и способностей вашего духа. Я сказалъ, всякій кто пожелаетъ, т. е. всякій духъ можетъ воспроизвести признаки любой человѣческой личности, коль скоро пожелаетъ; сомнѣ-

ваться въ этомъ нелѣпо тому, кто вѣрять въ безсмертіе духа; ergo вашъ собственный духъ можетъ преподнести вамъ сюрпризъ с точки зрѣнія вашего собственнаго сознанія. Полагаю довольно.

— Ну, и выходитъ въ концѣ концовъ, что А не равно А.

— А равно А уж потому только, что иначе быть не может, иначе абсурд; споръ можетъ тамъ начаться, гдѣ станутъ опредѣлять, что А и что не А. Вотъ об этомъ только и стоитъ подумать. Прощайте.

— Пожалуйста, чрезъ недѣлку навѣстите насъ, да?

— Не знаю.

— Договорились до кое-чего новаго, надо выяснитъ еще.

— Все это такъ старо какъ міръ.

— Такъ придете, что-ли?

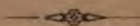
— Не знаю.

— Все-таки просимъ пожаловать.

— Боннью (*bonne-nuit*).

Прошло пятнадцать лѣтъ со времени полученія этихъ послѣднихъ сообщеній Спиридона. Извѣстно, что во время самой диктовки, которая происходитъ буква за буквой, и притомъ съ удивительной быстротой, едва успѣваешь схватить общій смыслъ сказаннаго. Съ тѣхъ поръ я никогда этихъ сообщеній не перечитывалъ и совершенно забылъ о ихъ содержаніи; тѣмъ болѣе они были для меня неожиданными и интересными, что подобныя же взгляды были высказаны мною въ моемъ послѣднемъ сочиненіи «Анимизмъ и спиритизмъ». Къ тому, что утверждаетъ здѣсь Спиридонъ путемъ дедуктивнымъ, я пришелъ и самъ, но только путемъ индуктивнымъ—т. е., на основаніи опыта. Его данныя и заставили меня высказать слѣдующее заключеніе: «Хотя мы и пришли нелегкимъ путемъ къ убѣжденію, что индивидуальный принципъ

переживаетъ распаденіе тѣла и можетъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ, снова проявляться черезъ посредство человѣческаго организма, способнаго къ воспріятію подобныхъ вліяній, но, тѣмъ не менѣе, абсолютное (въ строжайшемъ смыслѣ слова) доказательство самоличности проявляющейся индивидуальности (именно вслѣдствіе этой, всегда присущей, возможности персонификаціи)—невозможно». См. стр. 767.

101-е сидѣніе, 10-го марта 1885 г. (XXIV-е).

Прошла почти цѣлая зима и мы къ століку не присаживались. Получалось такъ много вздору прошлой зимой, что мы не имѣли никакой охоты опять сходитьсь для сеансовъ. Но тутъ произошло обстоятельство, которое возбудило во мнѣ желаніе еще разъ попытать счастья.

Одинъ мой хорошій пріятель, которому я прочиталъ нѣсколько выдержекъ изъ сообщеній Спиридона, заинтересовался ими и написалъ для него нѣсколько вопросовъ. Вотъ, для полученія на нихъ отвѣтовъ мы и попробовали великимъ постомъ посидѣть, не имѣя почти надежды услышать вновь Спиридона; и дѣйствительно, два первыя сидѣнія, 99-е и 100-е, 10-го и 17 февраля, были таковы, что впору было и вовсе бросить подобную трату времени; попытались еще разъ и вотъ на этомъ 101-мъ сидѣніи Спиридонъ, наконецъ, откликнулся, хотя и на этотъ разъ вначалѣ получался одинъ вздоръ. Вестъда завязалась слѣдующимъ образомъ:

- Желая говорить, но трудно, устали и я и вы.
- Устали развѣ отъ безтолочи?

- Едва ли будетъ толкъ.
- Отъ васъ зависить толкъ.
- Нѣтъ.
- Кто говорить съ нами?
- Названъ.
- Нѣтъ, видно Спиридона не дождемся!
- Онъ не для васъ приходилъ.
- А для кого же, знаете?
- Да.
- Скажите въ такомъ случаѣ.
- Своего.
- Какого?
- Внутреннее.
- Пояснить можете?
- Онъ долженъ былъ.
- Это значить, онъ приходилъ по своему дѣлу, а попалъ къ намъ. Такъ-ли?
- Это все равно, гдѣ есть родное, куда всего скорѣе попадешь.
- Что такое «родное», какъ-то загадочно.
- Все то, что мы не понимаемъ, всегда загадочно.
- А Спиридона лично знаете?
- Лично, это я не понимаю.
- Можно слышать о человѣкѣ и можно знать его въ лицо.
- У васъ.
- Это значить, что у васъ всякое знаніе будетъ личнымъ?
- Всякое будетъ личнымъ, т. е., безусловнымъ.
- Поясните, что значить «у васъ», «у насъ»?
- У васъ вотъ знаютъ лично или не лично, у насъ знаютъ просто.
- Что значить просто?

— У насъ вотъ нельзя знать, да не все знать, да не совсѣмъ; на это уже вы, господа.

— Позвольте предложить вамъ заготовленные вопросы? Читаю заготовленный вопросъ.

— Ну, вотъ и я попрошу пояснить, сіе туманно.

Стараюсь пояснить и формулирую короче прочитанное; спрашиваю, въ чемъ состоитъ у нихъ понятіе о коренномъ пунктѣ нашего вѣроученія?

— Коротко, нечего сказать, ну и пространно безконечно. Въ чемъ состоитъ, то-есть, съ какой стороны. Я буду показывать знаки препинанія, и опускать а и ъ. Какая часть ученія безконечнаго (ищеть на доскѣ вопросительный знакъ и говоритъ): гдѣ знаки вопроса и восклицанія? (ихъ на картонѣ не оказалось).

— Такое ученіе должно вамъ представляться какъ фактъ, слѣдовательно, вы должны понимать его просто.

— Понимаю я, какъ понимаю ученіе о божественности человѣка; другіе — не знаю.

— Спрашивается не ваше личное понятіе, а общее въ вашемъ мірѣ.

— Это вздор, сколько у васъ христіан? сколько не христіан? Вотъ в этомъ родѣ и у насъ.

— Другими словами, всякій при своемъ?

— Еще бы! Конечно не вполне — все резкое в различіи сглаживается; а почему конфуціанцу не умерет, т. е. не бытъ у насъ и с нами, — не ведаю, и факты говорятъ.

— Но тутъ въ основѣ фактъ, истина о немъ должна же быть кому-нибудь извѣстна, и кому, какъ не вамъ?

— Не мне, да и особено не для васъ; тутъ я личен, ибо грешен, какъ вы.

— 2-ой вопросъ. Вы говорили о «заступникахъ», т. е., о существахъ, стоящихъ на высокой степени нравствен-

наго совершенства и помогающихъ намъ въ молитвахъ нашихъ. Въ чемъ же эта помощь? Есть ли это непосредственное ихъ вліяніе на помыслы наши, или молитва за насъ?

— Где можетъ первое — оно действительно, где первое не можетъ — там второе; оно всегда возможно.

— 3-ій вопросъ. Относительно прощенія грѣховъ мы имѣемъ указаніе въ заповѣданныхъ намъ словахъ: прости намъ грѣхи наши, какъ мы прощаемъ тѣхъ, которые насъ обидѣли. Въ этихъ словахъ заключается, конечно, и процессъ нравственнаго усовершенствованія (тутъ указка задвигалась и сложилось: «то-то»), но, очевидно, и надежда на прощеніе содѣланныхъ нами грѣховъ. Почему же говорите вы, что мы неминуемо должны «пожаловать къ вамъ со всѣмъ нашимъ грузомъ»?

— О, да, господа, со всѣмъ; но по поводу этихъ словъ скажу: кто сумѣетъ сказать слова эти и совершитъ, тот конечно облегчитъ душу, а стало бытъ и грузъ—понятно, да?

— 4-ый вопросъ. Въ жизни вашей не предвидите ли вы новаго измѣненія вашего существа, нѣчто подобное нашей земной смерти, какъ переходъ въ болѣе совершенныя сферы?

— Ну, вотъ изъ старыхъ, вздорныхъ, впрочемъ любимыхъ вашихъ вопросовъ.

— Не мой на этотъ разъ.

— Это мне все равно, мне оттого не легче кто спросилъ.

— Почему же вздорный? Если здѣсь смерть переменна бытія, то почему не можетъ быть у васъ чего подобнаго?

— Очевидно, но что же?

— У насъ это гадательно, для васъ сравнительно фактъ.

— Сравнительно — тогда конечно да; но это само

собою разумеется; не думал что вопрос о сем, вот поэтому сказал что вздорный.

— Для насъ это, во всякомъ случаѣ, новѣй фактъ!

— Нет, виноват; кто можетъ вѣчность понят или допуститъ безъ перемен, тотъ просто объ этомъ никогда не мыслилъ.

— 5-ый вопросъ. Въ жизни нашихъ земныхъ животныхъ имѣется ли бытіе, то-есть, сознательная жизнь послѣ смерти? Имѣете ли вы, вообще, какое-нибудь понятіе о духовномъ значеніи жизни этихъ твореній? Знаете ли вы о нихъ болѣе чѣмъ мы и что именно?

— Вопросъ большой; въ нихъ души естъ свои, но не похожія на наши.

— Переживаютъ ли они свое тѣло?

— Нет, ихъ души смертны, смертяѣ нашихъ—я скажу.

Погода, онъ продолжаетъ.

— Потому, чтобы васъ на прощанье удивит, скажу, что я не знаю—безсмертна ли моя душа.

Толкуемъ какъ прочесть «потому» или «потомъ»? Указка показала «му».

— Надо бы васъ еще помучить.

— Довольно.

— Черезъ недѣлку навѣстите насъ?

— Не знаю, вопросы были неглубокіе—такими не заманиш.

— Почему сразу не назвались, время зря потратили?

— Не вашего ума дѣло, прощайте.

Таково было наше послѣднее собесѣдованіе со Спиридономъ, да и сеансы наши затѣмъ прекратились. Предоставляю самому читателю вывести заключеніе, что такое было тотъ «Спиридонъ», который держалъ намъ эти рѣчи, и стоило ли эти «матеріалы» печатать.

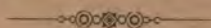
Относительно словъ Спиридона, въ которыхъ онъ выражаетъ неизвѣстность о безсмертіи своей души, я счи

таю не бесполезнымъ сказать нѣсколько словъ. Отвѣтивъ утвердительно, что у животныхъ есть свои души, но что онѣ не переживаютъ смерти своего тѣла, онъ добавляетъ: «ихъ души смертиѣ нашихъ — я скажу», слѣдовательно, въ переживаніи своей собственной души онъ видитъ только ступень, или только степень развитія, а не нѣчто законченное; «потому» онъ и прибавляетъ, что «не знаетъ безсмертна ли его душа». Изъ этого мы видимъ, что подобный отвѣтъ его былъ строго логичный.

Тѣмъ не менѣе, слова Спиридона могутъ, дѣйствительно, удивить, потому что мы, обыкновенно, не дѣлаемъ различія между пакибытіемъ и безсмертіемъ. Разъ душа переживаетъ тѣло, то она и безсмертна: таково обыкновенное понятіе. Правда, душа можетъ воскреснуть и послѣ смерти жить въ иномъ, духовномъ мірѣ; спиритизмъ имѣетъ притязаніе это доказывать; но это еще не значить, чтобъ душа была и безсмертна, то-есть, вѣчна, безъ конца. Этого — спиритизмъ доказать не можетъ. Философія же утверждаетъ: все, имѣющее начало, должно имѣть и конецъ; все, рожденное во времени, должно во времени и кончиться. Но душа рождена ли во времени — вотъ вопросъ, на который, быть можетъ, отвѣтитъ отрицательно психологія будущаго.

Попытка приложенія гипотезы, хотя бы кратковременнаго, пакибытія къ толкованію спиритическихъ явленій была сдѣлана позитивистомъ Дассье, въ его книжкѣ: «О посмертномъ человечествѣ». Подробное изложеніе этого сочиненія и критическій разборъ его были помѣщены мною въ «Ребусъ» за 1883 годъ и изданы особымъ оттискомъ въ 1884 году подъ заглавіемъ «Позитивизмъ въ области спиритуализма».

27-го февраля, 1899 г.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ СУЖДЕНІЯ О МАТЕРЬЯЛИЗАЦІИ.

Рѣдкій случай дематерьялизаціи части тѣла медиума.

(«Psychische Studien», 1894).

(Сокращенный переводъ, «Ребусъ» 1896 г.).

I.

Теоретическія соображенія.

Въ концѣ 1893 года на сеансѣ въ Гельсингфорсѣ въ присутствіи медиума м-сисъ Эсперансъ произошло поразительное явленіе, бросающее яркій свѣтъ на таинственную область матерьялизаціи и подтверждающее *de visu et factu* то, что доселѣ могло быть признаваемо лишь теоретическимъ постулатомъ, требуемымъ логикой.

Но прежде чѣмъ остановиться на подробностяхъ упомянутаго случая, я долженъ дать хотя краткое понятіе о томъ теоретическомъ принципѣ, который подтверждается, повидимому, всей совокупностью фактовъ этого рода и въ особенности тѣмъ явленіемъ, о которомъ мы будемъ говорить.

Въ спиритизмѣ всегда признавалось, что явленіе матерьялизаціи производится на счетъ тѣла медиума, доставляющаго необходимые для нея элементы, т. е., что

нѣкоторая степень дематеріализаціи тѣла медиума есть неизбѣжное слѣдствіе этого явленія. Но доводить это положеніе до крайнихъ его предѣловъ, опредѣленно формулировать послѣдній выводъ, логически изъ него вытекающій въ случаѣ его вѣрности, еще не рѣшались. Съ одной стороны отсутствіе прямыхъ наблюденій, оправдывающихъ такой выводъ, съ другой — необычайность факта, который приходилось бы признавать (факта не менѣе необычайнаго, чѣмъ сама матеріализація, къ которому, впрочемъ, начинаютъ привыкать), достаточно объясняютъ, почему этотъ выводъ не былъ до сихъ поръ опредѣленно формулированъ. Но теперь у насъ есть фактъ, дающій намъ право высказаться рѣшительнѣе, и я попытаюсь это сдѣлать.

Изученіе медиумическихъ явленій ведетъ къ признанію въ матеріализаціи трехъ стадій:

1) Въ первой стадіи мы имѣемъ *матеріализацію невидимую*. Мы должны допустить ее прежде всего, въ видѣ гипотезы, наблюдая движенія предметовъ, которыя могутъ быть произведены только съ помощью невидимаго человѣческаго органа, какъ я указалъ это въ моемъ «Анимизмѣ» (стр. 13); затѣмъ, на основаніи ощущенія прикосновеній, испытываемыхъ въ полутемныхъ сеансахъ и какъ бы совершаемыхъ рукою, хотя эта рука остается невидимою; наконецъ, предположеніе это подтверждается вообще всѣми фактами трансцендентальной фотографіи и въ особенности нѣкоторыми случаями фотографіи этого рода, гдѣ зрѣніе и осязаніе формъ, невидимыхъ нормальному глазу, подтверждалось фотографіей. Примѣры ея находятся въ фотографіи Битти («Анимизмъ», стр. 15) и въ фотографіяхъ Мумлера, приведенныхъ тамъ-же (стр. 55), гдѣ миссисъ Ко-нантъ (извѣстный американскій медиумъ) видитъ при-

зракъ, трогающій ее за руку, а фотографія доказываетъ, что дѣйствительно была рука, принадлежавшая фигурѣ, невидимой нормальному взгляду; или еще фотографія миссисъ Тинкамъ, на которой виденъ подолъ платья, приподнятый въ одномъ мѣстѣ невидимой рукою. Фотографія даетъ намъ доказательство кратковременнаго существованія реальныхъ, объективныхъ формъ, которое мы не можемъ иначе объяснить, какъ гипотезой возникновенія матеріализаціи еще невидимой для нашего глаза. Нужное для нея вещество, конечно, заимствовано у медиума, но въ такомъ незначительномъ количествѣ, что степень дематеріализаціи медиума еще не ощутима для нашихъ чувствъ.

2) Во второй стадіи мы вмѣемъ очень извѣстное явленіе *матеріализаціи видимой и осязаемой, но частичной и неполной*. Появленіе на сеансахъ рукъ наблюдалось въ самомъ началѣ спиритическаго движенія, происходило оно при свѣтѣ, съ медиумомъ посредникъ кружка. Позднѣе, когда пришли къ темнымъ сеансамъ, руки продолжали опущаться, причемъ ощущали и медиума, ибо его держали за руки. При этихъ условіяхъ также получались частичныя матеріализаціи лицъ, бюстовъ, болѣе или менѣе флюидическихъ формъ, но въ темнотѣ. Когда же, наконецъ, начали уединять медиума за занавѣску въ темный кабинетъ, служащій вмѣстѣлищемъ темноты, то стали получать появленіе рукъ, лицъ и бюстовъ болѣе конкретныхъ и при нѣкоторомъ освѣщеніи; согласно теоретическому принципу, это явленіе частичной матеріализаціи логически должно соответствовать *частичной-же дематеріализаціи* медиума, т. е., какого-нибудь отдѣльнаго органа, или общей дематеріализаціи болѣе или менѣе неощутимой для нашихъ чувствъ. Такъ какъ медиумъ всегда находится одинъ въ каби-

нетѣ, прямое наблюденіе надъ перемѣнами, происходящими во время явленій въ его тѣлѣ, было для насъ недоступно. Теперь же, послѣ случая на сеансѣ миссисъ Э., о которомъ я скажу здѣсь только нѣсколько словъ, мы имѣемъ полное подтвержденіе этого логическаго вывода: въ то время, какъ она при слабомъ освѣщеніи сидѣла передъ занавѣской, за которой происходили *полуматериализаціи*, т. е., оттуда показывались руки и бюсты — была констатирована, зрѣніемъ и осознаніемъ нѣсколькихъ лицъ, *полудематериализація* ея тѣла — ногъ и колѣнъ.

3) Въ третьей стадіи мы имѣемъ *полную материализацію* цѣлой человѣческой фигуры, видимой и осязаемой, ничѣмъ не отличающейся по виду отъ живого человѣческаго тѣла; это явленіе есть высшее развитіе материализація, происходящее въ то время, когда медиумъ находится отдѣльно въ темномъ кабинетѣ и почти всегда въ травсѣ. Продолжительное изученіе этого явленія заставило убѣдиться, что при полученіи полной материализаціи человѣческой фигуры, эта послѣдняя всегда имѣетъ черты медиума — оттуда подозрѣніе, ловля медиумовъ и проч. Всѣ попытки видѣть одновременно медиума и цѣлую фигуру, за рѣдкими исключеніями, не удавались. При удачѣ же, относительное состояніе обоихъ тѣлъ медиума и фигуры — не было изслѣдовано. Когда же, посредствомъ исключительныхъ мѣръ предосторожности (какъ, напр., когда волосы медиума высухнуты изъ кабинета, или когда онъ заключенъ въ гальванической токъ) достигалось несомнѣнное убѣжденіе, что медиумъ не могъ сознательно или безсознательно самъ играть роль фигуры, при чемъ, однако, сходство ея съ медиумомъ все-таки было полное или почти полное (какъ, напр., въ случаѣ Джона Кинга, походившаго

на своего медиума Уильяма, или Кота Кинга, появившейся на своего медиума мисс Кузь), то пришла к предположению, что двойник, или *раздвоенный медиум* составляет основу этого явления. Но выражение это приводит к ложному представлению, ибо можно вообразить его так, что этот двойник как бы половина медиума, как бы прозрачное подобие его тела, тогда как его действительное тело находится там, за завязкой. Но факт таков, что это не половина, не подобие тела, а настоящее цельное тело с плотью и костями, совершенно подобное на медиума. Словом, это как есть его тело. Но что же делается в это время с его настоящим телом? Нельзя же разумно допустить, чтобы в известный момент у медиума было *два целых тела* *совершенно между собою тождественных*. Мы уже говорили, на сколько вполне логично предположение, что степень материализации призрака должна соответствовать степени дематериализации медиума; следовательно, если материализация явившейся человеческой фигуры полная, то и *дематериализация медиума тоже должна быть полная*, или, по крайней мере, в такой степени, в которой для наших глаз медиум мог бы считаться *невидимым*, если бы была только возможность удостовериться в его состоянии во время явления.

Итак, имея в виду то общее положение, что *всякой материализации необходимо сопутствует соответствующая ей дематериализация медиума*, представляется следующая общая схема различных явлений материализации:

1) *Первоначальная, невидимая материализация* соответствует *минимальной, невидимой дематериализации медиума*, который самъ остается видимъ.

2) Матеріалізація *видимая*, но *частичная*, *неполная* по формѣ или по сущности, соотвѣтствуетъ *частичной* или *неполной* дематеріалізаціи медіума, видимаго сполна или отчасти.

3) *Видимая* и *полная* матеріалізація цѣлой человѣческой фигуры соотвѣтствуетъ *полной* или *максимальной* дематеріалізаціи медіума до такой степени, что онъ можетъ, въ свою очередь, стать *невидимымъ*.

Разъ признаётся этотъ общій принципъ (что, однако, не исключаетъ разнаго рода отгвѣнковъ и возможностей, смотря по особеннымъ способностямъ различныхъ медіумовъ, а главнымъ образомъ по составу кружка), мы до нѣкоторой степени можемъ объяснить себѣ многое таинственное — сомнительное и подозрительное — въ матеріалізаціяхъ; но я буду говорить объ этомъ ниже въ отдѣльной главѣ. Главный же вопросъ въ томъ: имѣемъ ли мы достовѣрные факты, оправдывающіе 2-й и 3-й пункты общей схемы, мною сейчасъ намѣченной.

Теперь мы можемъ отвѣтить утвердительно.

Я начну съ факта изъ моего личнаго опыта, о которомъ уже давно задумываюсь и который въ моихъ глазахъ представляетъ въ подкрѣпленіе этой теоріи такую степень вѣроятности, что онъ почти равняется положительному доказательству. Этотъ фактъ относится къ моему знакомству съ классической матеріалізаціей Кэти Кингъ, мною уже описанному въ «Анимизмъ» (стр. 249—51). Считаю необходимымъ повторить его здѣсь въ нѣкоторомъ сокращеніи.

«Находясь въ 1873 году заграницей, я проѣхалъ нарочно въ Лондонъ, чтобы собственными глазами взглянуть на это единственное въ то время явленіе. Познакомившись съ семействомъ м-ра Кука (отца медіума), я былъ любезно приглашенъ на сеансъ, имѣвшій бытъ

10/22-го октября. Сеансъ происходилъ въ маленькой комнатѣ, служившей столовой; въ углу, образуемомъ выступомъ камина, была повѣшена ходившая на кольцахъ занавѣска, за которой на низкомъ стулѣ усѣлась миссъ Кукъ; сеансомъ управлялъ м-ръ Луксморъ, принимавшій въ развитіи медиумизма миссъ Кукъ, съ самаго начала, особенное участіе. Онъ потребовалъ, чтобы я хорошенько осмотрѣлъ все помѣщеніе и наблюдалъ, какимъ образомъ онъ будетъ связывать медиума, такъ какъ во избѣжаніе возможныхъ подозрѣній считалъ необходимымъ имѣть эту гарантію. Каждую руку медиума у запястья онъ обвязалъ бѣлой тесьмою довольно туго; узлы припечаталъ; затѣмъ обѣ руки связалъ тѣми же тесьмами вмѣстѣ за спиною медиума и припечаталъ ихъ; длинный конецъ тесьмы пропустилъ сквозь скобку, привинченную къ полу у стула, на который усѣлся медиумъ, и затѣмъ, пропустивъ ее подъ занавѣской въ комнату, привязалъ къ столу, у котораго онъ и сѣлъ. Такимъ образомъ медиумъ не могъ бы встать, не потянувъ тесьмы. Комната освѣщалась лампочкой, поставленной за книгой. Не прошло четверти часа, какъ занавѣска со стороны камина отдернулась на поларшина: тутъ стояла во весь ростъ человѣческая фигура въ бѣломъ одѣяніи, съ открытымъ лицомъ, но головою, окутанною чѣмъ-то бѣлымъ; одѣяніе всего болѣе походило на сорочку, изъ широкихъ рукавовъ которой виднѣлись голыя руки; то была Кэти. Хотя я сидѣлъ прямо противъ нея и всего въ пяти шагахъ, но по близорукости, а отчасти полутьмѣ, не могъ ясно видѣть черты лица ея. Она вообще казалась полнѣе и выше медиума, хотя ноги были босыя, лицо и руки также казались больше, что впоследствии и подтвердилось изъ наблюдений Крукса. Все время она болтала съ членами кружка, какъ бы впол-

голоса, шепотомъ. Неоднократно она повторяла: «Ставьте мнѣ вопросы — толковые вопросы». — Я спросилъ ее: «Нельзя-ли отрѣзать мнѣ кусочекъ того одѣянія, въ которомъ она находится?» Она отвѣтила, что въ этотъ разъ не можетъ, но что это было уже сдѣлано для другихъ. Тогда я спросилъ, не можетъ-ли она сама показать мнѣ своего медіума? — Она отвѣтила: «Да, подойдите поскорѣе и посмотрите». — Я тотчасъ-же былъ у занавѣски, отъ которой сидѣлъ въ пяти шагахъ, и отдернулъ ее — бѣлая фигура исчезла, передо мной былъ темный уголь и темная фигура сидящаго на стулѣ медіума: онъ былъ одѣтъ въ черное шелковое платье, а потому былъ виденъ не очень отчетливо. Только что я сѣлъ на свое мѣсто, какъ изъ-за занавѣски выглянула опять бѣлая фигура Кэти, и спросила меня: «Хорошо-ли вы видѣли?» — Я отвѣтилъ, что не совсѣмъ. — «Такъ возьмите лампу и смотрите скорѣе» — сказала Кэти. Въ одно мгновеніе я былъ уже съ лампой за занавѣской — отъ Кэти не осталось и слѣда; передо мной былъ только сидѣвшій медіумъ въ глубокомъ трансѣ, съ завязанными за спиной руками... Едва я сѣлъ, Кэти опять выглянула изъ-за занавѣски. Между тѣмъ свѣтъ, упавшій на спящаго медіума, произвелъ свое дѣйствіе — онъ сталъ стонать и просыпаться; тутъ послѣдовалъ за занавѣской интересный разговоръ между Кэти и миссъ Кукъ, которая хотѣла окончательно придти въ себя, между тѣмъ какъ Кэти силилась опять усыпить ее, но это ей не удалось; Кэти простилась и смолкла. Вслѣдъ затѣмъ г. Луксморъ пригласилъ меня осмотрѣть повязки и узлы на рукахъ медіума; все было въ цѣлости, и когда мнѣ же было предложено разрѣзать тесемки, я съ трудомъ могъ просунуть подъ нихъ ножницы, до того туго были руки ими обвязаны. Когда миссъ Кукъ вышла изъ

своего появленія, я еще разъ осматрѣлъ его: оно имѣло всего вышера аршина ширины и поларшина съ небольшою глубиной; вокругъ была каменная стѣна.

Достоверность этого факта для меня безусловна и я считаю его очень важнымъ для установки теоретическаго принципа, насъ занимающаго.

Какъ понять это явленіе, что изъ него вывести? Кэтъ, какъ извѣстно, подошла какъ двѣ лани воды на своего медіума, была, можно сказать, его двойникомъ не въ цилиндрической формѣ, а съ плотью и востаніи, съ сердцемъ и съ легкими, какъ удостовѣряетъ это м-ръ Круксъ.

Можно-ли разумно предположить, чтобы у медіума въ данную минуту могло быть заразъ два тѣла, — одно въ формѣ Кэтъ внѣ кабинета, другое въ собственной формѣ въ кабинетѣ? Очевидно нельзя. Что Кэтъ не была самимъ медіумомъ, бессознательно играющимъ роль духа, доказывается нетронутыми связками; медіумъ не могъ бы въ мгновеніе ока раздѣться, развязаться, опять одѣться и связаться, и проч., даже еслибы это и было физически возможно. Слѣдовательно, приходится предположить, что еслибы я могъ опередить Кэтъ, или заглянуть въ кабинетъ, когда она находилась внѣ его, *то я бы не увидѣла тамъ медіума*, а только его платье, а можетъ быть и ровно ничего.

Но какъ понять, что фигура можетъ мгновенно очутиться на мѣстѣ медіума, одѣтая, связанная и проч.? Платье и связки, разъ тѣло исчезло, должны упасть на полъ. Какимъ же образомъ войти въ нихъ снова? Это заставляетъ насъ предположить, что не все тѣло дематериализуется, но нѣчто остается отъ него, нѣкій субстрактъ, астральная форма, поддерживающая въ ихъ первобытномъ положеніи платье и связки, такъ что материализованная фигура можетъ мгновенно исчезнуть въ этой

формѣ, соединиться съ нею, и такимъ образомъ медиума находятъ на его мѣстѣ. Мы знаемъ, что на свѣтлыхъ сеансахъ матеріализованныя руки появляются и исчезаютъ въ медиумѣ съ неподражаемой быстротою. Явленіе, стало быть, одно и то же.

Въ подкрѣпленіе этой теоріи мы имѣемъ вполне доказательный фактъ въ опытѣ полковника Олькотта, имѣвшемъ мѣсто въ 1874 году въ Америкѣ съ медиумомъ миссисъ Комптонъ. Вотъ что онъ говоритъ въ своей книгѣ: «*People of the other world*» («Обитатели другого міра»), стр. 483—488.

«Первый сеансъ мой съ медиумомъ миссисъ Комптонъ происходилъ 20-го января. Кружокъ, въ числѣ шести человѣкъ, размѣстился на стульяхъ на разстояніи футовъ около восьми отъ кабинета, въ которомъ усѣлась на стулѣ миссисъ Комптонъ. Въ освѣщавшей комнату лампѣ значительно уменьшили свѣтъ, но довольно долго ничего интереснаго не происходило.

«Наконецъ, кабинетная дверь открылась и на порогѣ показалась фигура индійца, говорила съ нами, радушно меня привѣтствуя, но не пошла далѣе, по той причинѣ, сказала она, что медиумъ слишкомъ слабъ, утомленъ, и не можетъ дать ему достаточно силы.

«На слѣдующій вечеръ появилась молодая дѣвушка Кэти Бринкъ, ходила среди кружка, дотрагиваясь до вѣкоторыхъ изъ присутствующихъ, лаская и глядя ихъ по головѣ и лицу. Въ широкомъ одѣяніи изъ бѣлой кисеи и вѣнчалъномъ вуалѣ на головѣ, доходившемъ ей до колѣнъ, она тихо, молча скользила между нами мягкой, какъ бы бархатной поступью. Едва видимая въ окружавшемъ насъ полумракѣ, она напоминала мнѣ Гётевскую Коринфскую невѣсту.

«Обойдя присутствующихъ, она направилась ко мнѣ,

я же сѣлъ нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ, держа одну руку на стѣнѣ кабинета. Сперва слегка погладила меня по головѣ, она сѣла ко мнѣ на колѣна, потомъ положила мнѣ руку на плечо, поцѣловала меня въ лѣвую щеку. Вѣсъ ея врядъ-ли превышалъ вѣсъ восьмилѣтняго ребенка, но лежавшую на моемъ плечѣ руку я чувствовалъ какъ нѣчто вполне матеріальное, а поцѣловавшія меня губы были совершенно живыя. По предварительному соглашенію, я вошелъ въ кабинетъ, пока фигура находилась внѣ его, и не *нашла* тамъ *медіума*, хотя тщательно осмотрѣлъ всѣ уголки, и чтобы окончательно убѣдиться, что я не загниптованъ, я изслѣдовалъ рукою стулъ, стѣны и пространство между нами.

«Тутъ произошло одно изъ двухъ: или фигура была не духъ, а самъ медіумъ, или медіумъ былъ трансфигурованъ (преобразенъ) по примѣру восточныхъ маговъ. Я рѣшилъ добиться правды до отъѣзда моего изъ города.

«Въ слѣдующій вечеръ, получивъ любезное согласіе миссъ Комptonъ подчиниться всѣмъ моимъ самымъ строгимъ условіямъ, я снялъ съ нея серьги и, посадивъ ее на стулъ въ кабинетѣ, пропустилъ сквозь ушныя проѣмы нѣсколько тонкихъ нитокъ, припечаталъ ихъ сургучемъ къ спинкѣ стула и приложилъ мою собственную печать, послѣ чего, обвязавъ стулъ тесьмою, припечаталъ ее къ полу.

«Уменьшивъ свѣтъ и затворивъ дверь кабинета, мы нѣсколько минутъ громко пѣли, когда около отверстія надъ дверью показались двѣ руки, двигаясь отъ лѣва направо, и вскорѣ исчезли. Потомъ появились тамъ же двѣ другія руки большаго размѣра, а затѣмъ голосъ (если не самого покойнаго Даніела Уебстера, то дубликата его по силѣ, глубинѣ и звучности) обратился ко мнѣ съ подробными указаніями, какъ я долженъ дѣй-

ствовать. Войдя въ кабинетъ въ то время, когда фигура находится внѣ его, я могу ощупывать все кругомъ для убѣжденія въ отсутствіи медиума, но не долженъ прикасаться къ стулу. Дозволялось проводить руками въ самомъ близкомъ разстояніи отъ сидѣнья, но избѣгать при этомъ прямого къ нему прикосновенія. Затѣмъ я долженъ былъ покрыть чѣмъ-нибудь площадку вѣсовъ, чтобы фигурѣ не пришлось коснуться до дерева или металла.

«Я обѣщаль аккуратно исполнить все требуемое и вскорѣ увидаль въ отворенныхъ дверяхъ кабинета фигуру молодой дѣвушки въ бѣломъ одѣяніи. Она вышла изъ кабинета, обошла кругомъ, дотрогиваясь до нѣсколькихъ лицъ, и затѣмъ подошла къ вѣсамъ. Я сидѣль у вѣсовъ, держа руку у коромысла, и какъ только она вступила на площадку, не теряя ни секунды, взяль ея вѣсъ, послѣ чего она ушла въ кабинетъ, а я зажегъ спичку и прочелъ цифры. Вѣсъ ея оказался въ семьдесятъ семь фунтовъ, хотя *на видѣ* она не была похожа на ребенка.

«Фигура снова показалась между нами и я опять вошелъ въ кабинетъ и тщательно, хотя очень осторожно, изслѣдовалъ все его пространство. Никакого слѣда медиума не оказалось. Стуль стояль на своемъ мѣстѣ, но пустой. Тогда я попросиль фигуру по возможности сдѣлаться еще легче, и она опять вступила на площадку. Такъ же быстро, какъ и въ первый разъ, я взяль ея вѣсъ и насчиталь пятьдесятъ девять фунтовъ.

«Она появилась опять и въ этотъ разъ обошла всѣхъ присутствующихъ, поглаживая кого по головѣ, кого по рукѣ, сѣла на колѣни м-ра Гарди, меня поласкала по щекѣ и затѣмъ вошла на площадку для окончательнаго опыта. Тутъ вѣсъ ея оказался въ пятьдесятъ два фунта, хотя, какъ при первомъ опытѣ, такъ и при последнемъ,

видимой перемены ни въ ея объемѣ, ни въ одеждѣ замѣтно не было.

«Послѣ взвѣшиванія Кэти больше не показывалась, но по прошествіи нѣсколькихъ минутъ мы услышали гор-танннй басъ индійскаго вождя и онъ показался въ дверяхъ. Послѣдовалъ разговоръ по-индійски между нимъ и м-ромъ Гарди, прожившимъ нѣсколько лѣтъ среди западныхъ племенъ, и теперь засвидѣтельствовавшимъ правильность говора вождя-призрака.

«Я вошелъ въ кабинетъ съ лампой и нашелъ медіума совершенно въ такомъ же положеніи, какъ оставилъ его въ началѣ сеанса; всѣ нити цѣлыми и печати нетронутыми. Миссисъ Комптонъ сидѣла прислонивъ голову къ стѣнѣ, блѣдная и холодная какъ мраморъ, съ зрачками закотившимися и лбомъ, покрытымъ холоднымъ потомъ. Ни дыханія, ни пульса слышно не было. Когда всѣ осмотрѣли нити, тесьму и печати, я обрѣзалъ ихъ ножицами и вынесъ въ комнату, на болѣе чистый воздухъ, женщину въ полной каталепсіи. Она пролежала въ такомъ состояніи около восемнадцати минутъ; жизнь возвращалась постепенно, пока наконецъ дыханіе, пульсъ и температура тѣла сдѣлались нормальными; тогда я пригласилъ ее на вѣсы... Она вѣсила сто двадцать одинъ фунтъ» (стр. 483—492).

Стало быть, когда фигура Кэти Бринкъ вѣсила 77 фунтовъ, въ кабинетѣ отъ тѣла медіума оставалось 44 фунта, немного болѣе $\frac{1}{2}$ его нормальнаго вѣса, и оно было невидимо для нашего глаза, также какъ его одежда и связки; и приходится предположить, что тамъ находилось какое-то тѣло, сохранявшее положеніе тѣла медіума, его одежды и всѣхъ нитей и связокъ, служа для нихъ невидимымъ субстратомъ. Но форма Кэти Бринкъ не походила на своего медіума, была и ниже и тоньше его.

Что же должно было оставаться от тѣла миссъ Кукъ, когда, по словамъ м-ра Крукса, тѣло Кэтъ Кингъ было даже больше ея медиума.

Тѣмъ болѣе имѣемъ мы право утверждать, что этотъ остатокъ былъ невидимъ и что поглощеніе матеріализованнаго тѣла астральнымъ (оставшимся на стулѣ) происходило съ неимоверной быстротой. Наблюдавшіе когда-либо появленіе рукъ имѣютъ понятіе о быстротѣ, съ которой эти руки появляются и потомъ возвращаются въ тѣло медиума, что можетъ дать нѣкоторое понятіе и о быстротѣ исчезновенія цѣлыхъ фигуръ.

М-ръ Круксъ имѣлъ не разъ возможность наблюдать это, входя вмѣстѣ съ Кэти въ темный кабинетъ: въ ту же минуту она исчезала! А какъ онъ постоянно настаивалъ на своемъ желаніи видѣть фигуру и медиума вмѣстѣ, ему это наконецъ удалось, но всего одинъ только разъ, и въ темнотѣ, при особомъ освѣщеніи, причемъ Кэти не могла уже говорить, стало быть она находилась въ состояніи полуматеріализаціи (см. «Анимизмъ» стр. 238).

Очень жаль что фигура Кэтъ не была взвѣшена. Можно почти навѣрно утверждать, что въ ней было $\frac{9}{10}$ вѣса медиума.

Вотъ изъ моего же личнаго опыта еще фактъ, подтверждающій оба предыдущіе. Въ 1890 году я ѣздилъ въ Готтебургъ съ единственной цѣлью присутствовать на цѣломъ рядѣ матеріализаціонныхъ сеансовъ миссъ Е. д'Эсперансъ. Она дозволила мнѣ подвергать себя всѣмъ самымъ строгимъ условіямъ, какія я находилъ нужными для полнаго убѣжденія въ данномъ явленіи, — чего она дотолѣ никому еще не позволяла.

На сеансѣ 5-го іюля я, по обыкновенію, сидѣлъ со всѣмъ близко къ тому уголку кабинета, въ которомъ сидѣла миссъ Эсперансъ, одна занавѣска раздѣляла

насъ; боковое ея отверстіе находилось совсѣмъ около моего плеча; мнѣ стоило немного отодвинуть занавѣску, чтобы видѣть медиума. Материализованная фигура, появлявшаяся тогда подъ именемъ Иоланды, показывалась уже нѣсколько разъ и даже обошла нашъ кружокъ, опираясь на мою руку; висѣвшая на потолкѣ лампа, закрытая нѣсколькими листами красной бумаги, разливала слабый свѣтъ; но когда я очутился съ Иоландой подъ самой лампой, она настолько освѣтила ее, что я могъ признать у фигуры несомнѣнныя черты медиума. Когда мы вернулись къ кабинету, я опять сѣлъ на свое мѣсто, а Иоланда остановилась въ среднемъ разрѣзѣ занавѣски кабинета. Тогда, не переставая смотрѣть на нее, я слегка просунулъ руку въ боковое отверстіе съ моей стороны, и мнѣ стоило только нѣсколько вытянуть руку, чтобы убѣдиться тутъ-ли медиумъ. Что я и сдѣлалъ. Медиумъ сидѣлъ на довольно низенькомъ мягкомъ кресельцѣ; я протянулъ руку къ верхней части спинки, потомъ опустилъ ее отъ спинки къ сидѣнью. Медиума на мѣстѣ не было, но въ ту минуту, какъ моя рука уже находилась на кресельной ручкѣ, Иоланда вернулась въ кабинетъ, и какая-то рука упала на мою руку и оттолкнула ее. Тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ медиумъ попросилъ у меня пить и я подаль ей стаканъ воды, отодвинувъ занавѣску въ томъ же разрѣзѣ, черезъ который я передъ тѣмъ просовывалъ руку. Медиумъ былъ на своемъ мѣстѣ, въ своемъ платьѣ цвѣта бордо, съ узкими рукавами, Иоланда же, за секунду передъ тѣмъ, была въ бѣломъ одѣяніи съ руками голыми до плечъ, съ голыми же ногами и въ бѣломъ вуалѣ, окутывавшемъ ей голову и весь бюстъ. Но ея уже не было, она исчезла также, какъ и Кэтъ.

Я много думалъ объ этомъ случаѣ. Какимъ образомъ Иоланда, находясь на половину внѣ кабинета, могла бы

замѣтить движеніе моей руки внутри кабинета, тогда какъ ей было положительно невозможно видѣть, благодаря темнотѣ и даже при слабомъ свѣтѣ, гдѣ была моя рука, возлѣ-ли моего стула или просунута за занавѣску, а тѣмъ менѣе видѣть, что тамъ дѣлала моя рука и гдѣ она находилась; однако, движеніе руки, оттолкнувшей мою руку, было вполне определенное и совершенно точное.

Если это былъ медиумъ, сознательно или бессознательно игравшій роль Иоланды, и кресло было дѣйствительно пусто, то онъ не могъ ни видѣть, ни ощущать изслѣдованія моей руки, и долженъ былъ бы продолжать свою роль духа, — оставаться на мѣстѣ, возвращаться въ кабинетъ, снова выходить изъ него, какъ ни въ чемъ не бывало. Но произошло нѣкоторое разстройство, Иоланда больше не показывалась и сеансъ долженъ былъ прекратиться.

На слѣдующій день, услыхавъ, что что-то испугало медиума, я сталъ разспрашивать самое миссисъ Эсперансъ, ничего не говоря о моихъ наблюденіяхъ. Она отвѣтила мнѣ, что передъ концомъ сеанса она почувствовала, какъ будто что-то шевелится около нея, вокругъ ея головы или плечъ и это ее испугало; она невольно опустила руку, поддерживавшую голову, и рука ея встрѣтила другую руку; это еще болѣе испугало ее. Очень было это странно: ощущенія миссисъ Э. были именно таковы, *какія должны бы быть у нея*, еслибъ она находилась на своемъ мѣстѣ, и однако рука моя не нашла ея тѣла на креслѣ. Кто же воспринялъ это ощущеніе? Приходится предположить, что призракъ ея тѣла, одаренный сознаниемъ и чувствительностью, оставался на креслѣ.

Миссисъ Э., какъ извѣстно, владѣетъ и способностью медиумическаго письма; во время сеансовъ и внѣ ихъ

она получает сообщенія отъ нѣкоего Вальтера, называющаго себя главнымъ руководителемъ матеріализаціонныхъ явленій. Я воспользовался этимъ средствомъ и попробовалъ получить какое-нибудь объясненіе и съ этой стороны. На слѣдующій за сеансомъ день я попросилъ миссисъ Эсперансъ взять карандашъ, и вотъ разговоръ, завязавшійся между мною и Вальтеромъ:

— Видѣли ли вы, что испугало медиума?

— Да. Кто-то положилъ руку сперва на лицо медиума, потомъ на колѣни, и наконецъ на ея руку, вотъ и все.

— Чья была это рука? (Я все еще не открывалъ своей тайны).

— Не видалъ. Я обратилъ вниманіе только на самый фактъ испуга медиума.

— Главное мое желаніе это видѣть Іоланду и медиума вмѣстѣ; возможно ли это?

— Все зависитъ отъ того, насколько остается отъ тѣла медиума.

— Если-бъ я внезапно заглянулъ въ кабинетъ, нашелъ-бы я медиума на своемъ мѣстѣ?

— Очень вѣроятно, что нѣтъ. Все зависитъ отъ того, откуда почерпается матеріаль для произведенія формы Іоланды. Если этого матеріала оказывается въ кружкѣ достаточно и мы не въ зависимости всецѣло отъ медиума, то вы увидали бы его такъ же ясно, какъ теперь.

Нѣсколько дней спустя, когда Іоланда много разъ показывалась внѣ кабинета, а медиумъ былъ привязанъ за талию тесемкой, оба конца которой были пропущены въ привинченное къ полу кольцо и завязаны въ немъ, а потомъ привязаны къ моему стулу, я спросилъ Вальтера:

— Сколько оставалось на этотъ разъ отъ медиума, когда Іоланда выходила изъ кабинета?

— Не думаю, чтобы отъ него много оставалось, — развѣ только вѣшнія чувства.

— Если въ то время, когда тѣло медиума почти исчезаетъ, я проведу рукою по его сидѣнью, повредить ли это медиуму?

— Это будетъ зависѣть отъ того, насколько осторожно вы это сдѣлаете. Если-бъ что-нибудь нанесло вредъ матеріализованной фигурѣ, медиумъ тотчасъ же почувствовалъ бы это.

— А если-бы я провелъ рукою сквозь тѣло медиума?

— Это причинило бы ему серьезный вредъ, если-бъ мы не были на сторожѣ для его предупрежденія. Во всякомъ случаѣ это былъ бы очень опасный опытъ.

— Стало быть, если я потяну за тесемку, обвязывающую талию медиума, тесемка пройдетъ чрезъ его тѣло?

— Да. Но это произошло бы въ такомъ только случаѣ, если-бъ весь матеріалъ былъ поглощенъ фигурой, а это бываетъ очень рѣдко, хотя иногда остается его очень немного.

— Стало быть, невидимость тѣла медиума не служитъ доказательствомъ его отсутствія на этомъ мѣстѣ?

— Конечно вѣтъ. Это только означаетъ, насколько тупо ваше зрѣніе. Вы не можете видѣть, ясновидящій увидалъ бы.

Въ то время, когда эти отвѣты писались собственной рукою миссисъ Э., она приходила въ крайнее удивленіе и безпрестанно восклицала: «Это для меня новость!»... «Это цѣлое откровеніе!»... «А я такъ была увѣрена, что я все время остаюсь все такою же»...

— Но вѣдь это невозможно, — говорилъ я ей, — чтобы вы не чувствовали внутри себя никакой перемѣны въ то время, когда происходитъ такое аномальное явленіе, какъ матеріализація.

— Конечно, я чувствую перемену, отвѣтила она, но я была глубоко убѣждена, что она ощущается только мной одной.

— Можете вы дать намъ понятіе объ этой переменѣ?

— *Я чувствую внутри себя, какъ если бы я была пустою*, былъ ея отвѣтъ, отвѣтъ многозначущій и вполнѣ согласный съ нижеописываемымъ фактомъ и истекающими изъ него теоретическими умозрѣніями. Миссисъ Э. не подозрѣвала тогда, что это ощущеніе *пустоты* могло быть нѣчто гораздо большее, чѣмъ субъективное ощущеніе.

Далѣе я сообщу интересныя подробности того продолжительнаго допроса обо всемъ испытываемомъ миссисъ Э. на сеансахъ, которому во время моего пребыванія въ Готемборгѣ я подвергъ ее. Подробности единственныя въ своемъ родѣ, такъ какъ она единственный медиумъ, не впадающій въ трансъ и сознающій все, что происходитъ въ ней и вокругъ нея во время матеріализаціоннаго сеанса. Но тогда не время было ихъ обнародовать, все это могло быть лишь субъективнымъ; требуемаго доказательства для подтвержденія этихъ объясненій, доказательства объективнаго, видимаго, осязаемаго еще недоставало; теперь же мы имѣемъ его.

II.

Описаніе сеанса, даннаго миссисъ Эсперансъ 11-го декабря 1893 года въ Гельсингфорсѣ, на которомъ явленіе частичной дематеріализаціи тѣла медиума было удостовѣрено зрѣніемъ и осязаніемъ.

Миссисъ Е. д'Эсперансъ, послѣ своего посѣщенія Гельсингфорса въ ноябрѣ 1893 года, была такъ добра, приѣхала ко мнѣ на пять дней, въ продолженіе которыхъ дала два сеанса къ полному удовольствію присутство-

вавших на них лицъ. Возвращаясь въ Швецію, она остановилась еще на два дня въ Гельсингфорсѣ, откуда я получилъ отъ нея слѣдующее письмо:

«12-го декабря 1893, Гельсингфорсъ.

«Вчера вечеромъ у насъ былъ сеансъ, хотя я и не чувствовала себя особенно къ тому расположенной, но я боялась отложить его на сегодня, такъ какъ мнѣ предстояло нѣсколько мелкихъ дѣлъ и я, вѣроятно, была бы еще менѣе годна для сеанса.

«Сеансъ происходилъ въ домѣ инженера Сейлинга; кружокъ состоялъ, кажется, изъ четырнадцати человѣкъ. Явленія были настолько замѣчательны, что, я полагаю, вы не безъ интереса о нихъ узнаете, почему и просила г. Сейлинга и генерала Топпелиуса послать вамъ ихъ описаніе, хотя бы и краткое, что они мнѣ и обѣщали.

«Особенность сеанса заключалась въ томъ, что половина моего тѣла совершенно исчезла, и я только случайно открыла это. У меня болѣла голова, или, лучше сказать, нижняя часть затылка, и я закинула обѣ руки за голову, что нѣсколько облегчало боль, но руки утомились отъ этого неестественнаго положенія, и я опустила ихъ на колѣни, и вдругъ убѣдилась, что у меня нѣтъ колѣнъ и мои руки упали на мой стулъ. Это меня нѣсколько испугало; мнѣ хотѣлось удостовѣриться, такъ ли это въ дѣйствительности или только иллюзія. Свѣта было достаточно и я обратила вниманіе моего ближайшаго сосѣда на это странное обстоятельство. Онъ и еще четверо другихъ изслѣдовали мой стулъ и подтвердили фактъ, что дѣйствительно существовала только верхняя половина моего тѣла; стулъ оказался пустымъ за исключеніемъ лежавшаго на немъ моего платья; руки, плечи, грудь все было какъ слѣдуетъ и находилось надъ си-

двѣемъ стула. Я могла говорить, двигать головою и руками, пить воду и даже чувствовать мои ноги и колѣна, какъ обыкновенно, хотя ихъ тутъ не было.

«Все время показывались разныя фигуры и руки различной величины и формы дотрогивались до сидѣвшихъ вблизи кабинета. Продолжалось это, я думаю, около часа послѣ того, какъ я замѣтила свое особенное состояніе, время совершенно достаточное для всякихъ изслѣдованій и даже слишкомъ долгое для меня лично, такъ что я начала сильно беспокоиться, вернутся-ли ко мнѣ когда-нибудь мои ноги.

«Вотъ вамъ краткій рассказъ о томъ, что случилось, но я надѣюсь, что найдется кто-нибудь, кто пошлетъ вамъ подробный отчетъ».

Зная автора этого письма за личность вполне правдивую, я не имѣлъ причины усумниться въ ея словахъ и тотчасъ-же понялъ громадное значеніе этого факта съ точки зрѣнія какъ теоретической, такъ и феноменальной. Но все-таки главнымъ образомъ требовалось узнать, какъ взглянули на него очевидцы, считаютъ-ли возможнымъ подтвердить его своимъ свидѣтельствомъ и окажется-ли свидѣтельство ихъ достаточнымъ для твердаго установленія этого необычайнаго, можно сказать, сказочнаго факта. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ обѣщанныя подробности и съ какимъ удовольствіемъ получилъ три показанія, любезно доставленныя мнѣ генераломъ Топпеліусомъ. Помѣщаю ихъ здѣсь на первомъ мѣстѣ.

1. Показаніе г-жи Вѣры Ельтъ.

Милостивый государь. Согласно желанію миссисъ Е. д'Эсперансъ, спѣшу сообщить вамъ подробности послѣдняго сеанса, даннаго ею здѣсь 11-го декабря.

Сеансъ происходилъ у инженера Сейлинга. Обстановка была приблизительно та же, какъ и на предыдущихъ сеансахъ, съ тою только разницею, что въ комнатѣ было нѣсколько свѣтлѣе.

Вотъ что я видѣла.

До начала сеанса. Медіумъ вошелъ въ комнату при полномъ освѣщеніи и сѣлъ на довольно широкое мягкое кресло съ мягкой же спинкой, снялъ съ себя свою небольшую бѣлую шаль, которою въ предыдущіе сеансы покрывалъ себѣ плечи, такъ какъ комната тогда была обширнѣе и холоднѣе. Позднѣе миссисъ Е. предложила употребить шаль для уменьшенія свѣта въ комнатѣ, что и было исполнено. Сняла съ себя перчатки и положила въ карманъ. До начала главныхъ явленій она ничего не вынимала изъ кармана, даже носового платка. Я обратила на все это особенное вниманіе, потому что послѣ предыдущихъ сеансовъ возникалъ вопросъ: не служить-ли шаль къ чему-нибудь для матеріализаціи, такъ какъ и перчатки, которыя могли-бы сойти за руки, если ихъ сложить на бѣлой шали, пока медіумъ, въ роли духа, будетъ прогуливаться по комнатѣ или по кабинету. При легкомъ движеніи медіума, когда онъ опускалъ перчатки въ карманъ, я услышала исходящій оттуда звукъ не то ключей, не то мелкихъ денегъ. Я намѣревалась быть постоянно на-сторожѣ и тщательно прислушиваться, не повторится-ли этотъ звукъ въ продолженіе сеанса, такъ какъ кто-то изъ кружка выразилъ предположеніе о возможности обмана со стороны медіума. Мнѣ же казалось невозможнымъ, чтобы онъ могъ двигаться, не производя того же звука, и подумалось, на сколько было бы неосторожно со стороны лица, готовящагося къ обману, носить въ карманѣ звучащіе предметы. Въ продолженіе сеанса я, однако, не слыхала никакого подобнаго звука.

До начала сеанса я замѣтила еще, что медиумъ закидывалъ руки за голову и съ видимымъ утомленіемъ потягивался, опираясь затылкомъ на руки. Движеніе это, замѣченное мною пока въ комнатѣ было еще совсѣмъ свѣтло, показалось мнѣ совершенно естественнымъ, слѣдствіемъ усталости послѣ ночи, проведенной въ вагонѣ при возвращеніи изъ Петербурга.

б) *Во время сеанса.* Сеансъ начался. Въ кружкѣ, состоявшемъ изъ пятнадцати человѣкъ, я занимала третье отъ медиума мѣсто съ правой стороны, мѣсто очень выгодное. Медиумъ находился передъ мною подъ угломъ 45° , верхняя часть его тѣла ясно вырисовывалась въ полу-профиль на бѣлой сторкѣ, спущенной на одномъ изъ оконъ. Я сидѣла такъ близко къ медиуму, что отлично его видѣла въ его свѣтломъ туалетѣ, также какъ и руки его и ноги, нѣсколько вытянутыя впередъ и закинутыя одна на другую. Слѣдовательно я могла, лишь нѣсколько нагнувшись впередъ, отлично все слышать и видѣть всѣ его движенія.

Ждали мы недолго. Рука по локоть вмѣстѣ съ кистью высунулась изъ кабинета со стороны противоположной отъ той, гдѣ я сидѣла. На бѣломъ фонѣ сторы я могла слѣдить за каждымъ движеніемъ тонкихъ красивыхъ пальцевъ, видимо, женской руки. Отъ запястья въ видѣ длиннаго рукава висѣлъ кусокъ прозрачной ткани въ родѣ газа, сквозь которую стора видѣлась не совсѣмъ ясно; ткань казалась темнѣе ея. Нѣсколько разъ рука эта протягивалась и пожимала руки близъ сидѣвшихъ членовъ кружка, а потомъ исчезла въ кабинетѣ. Не много спустя съ той же стороны появилась свѣтящаяся фигура и протянула руку сидѣвшимъ по сосѣдству ¹⁾.

¹⁾ См. ниже — показанія г. Сейлинга и Тавашерна. А. А.

Воспроизведенный сеансъ 12 декабря 1893 г.-Рис. 2.

Одинъ изъ членовъ кружка г. Сейлингъ подалъ фигурѣ ножницы и попросилъ ее отрѣзать кусочекъ отъ своего вуаля. Фигура взяла ихъ и унесла въ кабинетъ. Нѣсколько минутъ спустя она возвратилась и отдала ножницы г. Сейлингу, который, выразивъ сожалѣніе, что не получилъ ткани, попросилъ позволенія самому отрѣзать отъ нея, что и было ему разрѣшено. Я ясно слышала звукъ ножницъ, рѣжущихъ ткань, и велѣдъ затѣмъ г. Сейлингъ сказалъ: «получилъ, вотъ она» ¹⁾. Пока происходили явленія, я все время отчетливо видѣла медиума и его руки. Однажды онъ нагнулся впередъ и повернулъ голову по направленію къ фигурѣ, вѣроятно, чтобы тоже разсмотрѣть ее ²⁾.

Послѣ того нѣчто свѣтящееся показалось между занавѣсками посрединѣ кабинета, имѣвшее видъ какъ будто фигуры, стоявшей за кресломъ медиума, который при этомъ вздохнулъ однимъ изъ своихъ глубокихъ, тяжелыхъ вздоховъ, какіе часто вырываются у него на сеансахъ. Вздохъ этотъ указывалъ на тяжелое ощущеніе. Затѣмъ медиумъ сказалъ: «кто-то изъ кабинета тронулъ меня сзади, я это ясно чувствовала» ³⁾. Явленіе исчезло. Одинъ изъ членовъ кружка попросилъ медиума взять въ руки карандашъ и бумагу на случай, если «духи» захотятъ сообщить намъ что либо относительно обстановки сеанса или что другое въ этомъ родѣ. Медиумъ,

¹⁾ См. ниже — отчетъ г. Сейлинга. А. А.

²⁾ Фотографія № 2. На приложенномъ здѣсь фототипномъ оттискѣ съ этой фотографіи г-жа Ельтъ, заявившая мѣсто медиума, оборачивается, чтобы увидать появившуюся *правую* руку; на фонѣ занавѣски обрисовывается контуръ бюста и головы «медиума». Правѣ сидятъ г. Сейлингъ и г-жа Сейлингъ.

³⁾ Г-жа Ельтъ говорила мнѣ, что видѣла въ среднемъ разрѣзѣ позади медиума какъ будто фигуру и руку, дотронувшуюся до плеча. См. ниже письмо г-жи Ельтъ. А. А.

повидимому, не желая брать бумаги, сказалъ: «Можетъ быть не стоитъ утруждать ихъ писаньемъ, лучше пождемъ». Но просьбу повторили и подали карандашъ и бумагу, которые медиумъ взялъ со словами: «Хорошо, я могу поддержать ихъ, увидимъ, что изъ этого выйдетъ».

Въ эту минуту я ясно видѣла медиума, державшаго одной рукой бумагу, положивъ на нее и другую руку. Въ боковой разрѣзъ съ моей стороны нѣсколько разъ показывалась рука; сидѣвшіе возлѣ пожимали ее, я же взяла длинную ткань, висѣвшую у руки на подобіе рукава, и тщательно ее ощупала. Ткань показалась мнѣ нѣсколько сыроватой и очень тонкой, а рука бѣльшого размѣра, чѣмъ всѣ тѣ, которыя я видѣла до тѣхъ поръ.

Вскорѣ въ томъ же боковомъ разрѣзѣ съ нашей стороны показалась высокая свѣтящаяся фигура. Она, повидимому, хотѣла выйти изъ кабинета, сдѣлала шагъ впередъ, но тотчасъ же скрылась¹⁾. Вслѣдъ затѣмъ мы увидали свѣтящуюся руку, показывавшуюся изъ кабинета въ то же боковое отверстіе; съ значительной вышины она медленно опускалась по направленію къ рукѣ медиума²⁾, и какъ только достигла до нея, движеніемъ, быстрымъ какъ молнія, выхватила карандашъ и бумагу и унесла ихъ въ кабинетъ. Тогда намъ ясно послышалось, какъ тамъ мяти и разрывали на двое бумагу

¹⁾ Въ эту минуту г-жа Ельтъ очень ясно видѣла медиума и фигуру, голова которой показалась внѣ кабинета, и посмотрѣла на медиума и на бумагу, находившуюся въ его рукахъ. А. А.

²⁾ Фотографія № 1. На приложенномъ здѣсь съ нея фототипномъ оттискѣ г-жа Сейлингъ изображена сидящей на мѣстѣ медиума, одѣтая въ такое же точно платье, въ какое одѣта была г-жа д'Эперансъ; она держитъ въ рукахъ бумагу и карандашъ, которые рука высунувшаяся изъ кабинета намѣревается у нея взять; справа сидитъ г. Сейлингъ, слева г-жа Тавашерна; г-жа Ельтъ воспроизводитъ появленіе руки.

Воспроизведенный сеансъ II декабря 1893 г.-Рис. 1.

послѣ чего рука вышла опять и подала капитану Топпеліусу оба клочка бумаги, но безъ карандаша; онъ же передалъ ихъ медиуму. Едва медиумъ взялъ ихъ, какъ свѣтящаяся рука также медленно спустилась къ нему и опять выхватила изъ его рукъ бумагу и унесла ее въ кабинетъ. Тотчасъ же послышался звукъ быстрого писанья карандашемъ по бумагѣ, и секунду спустя рука протянула ее изъ кабинета. Взялъ ее всѣхъ ближе сидѣвшій г. Топпеліусъ и собирался передать ее медиуму, когда рука (показавшаяся тутъ вся до плеча вмѣстѣ съ частью бюста) рѣшительно не допустила до этого, выхвативъ бумагу, она опять возвратила ее г. Топпеліусу очень многозначущимъ жестомъ, крѣпко прижавъ ее къ его груди. Такимъ образомъ, мы поняли, что написанное предназначено г. Топпеліусу. (По окончаніи сеанса мы прочли написанное: «Я помогу тебѣ» было написано по-шведски правильнымъ, четкимъ почеркомъ). Въ кабинетѣ не было ни стула, ни стола, на которыхъ можно бы было писать. Все это происходило очень быстро, но и очень отчетливо. Во время всѣхъ явленій я ясно видѣла медиума сидящимъ на своемъ мѣстѣ. Иногда онъ говорилъ съ нами, пока фигура была еще видима; такъ онъ совѣтовалъ г. Топпеліусу положить бумажку въ карманъ, чтобы прочитать ее послѣ сеанса.

Изъ всего видѣннаго мною я не могла не заключить, что въ кабинетѣ работали, по крайней мѣрѣ, двѣ руки съ извѣстной физической силой и опредѣленно направленной волей. Руки эти не могли быть руками медиума, принадлежали онѣ фигурѣ, стоявшей возлѣ, позади *сидящаго* медиума, руки и тѣло котораго я видѣла и слышала его удивленный возгласъ: «О-го», когда у него вырвали изъ рукъ бумагу.

Послѣ того, какъ это произошло, я замѣтила, что въ

ожиданіи какого-либо слѣдующаго явленія, повидимому запаздывающаго, медіумъ, пользуясь приостановкой для своего отдыха, опять заложилъ обѣ руки за голову, какъ онъ это дѣлалъ уже до начала сеанса. Пока онъ оставался въ этомъ положеніи, я имѣла время пожалѣть, что миссисъ Эс. такъ утомлялась тотчасъ послѣ дороги, и вмѣстѣ съ тѣмъ пожелать, чтобы болѣе отдаленныя отъ нея лица не перетолковали бы невыгодно для нея этотъ жестъ рукъ, закинутыхъ за голову, и ея потягиванія. *Издали возможно было перетолковать ихъ* ¹⁾, *вблизи* же никакъ. Нѣсколько минутъ спустя руки медіума опустились на колѣни и я увидала, какъ Эс. начала ихъ ощупывать, видимо все болѣе и болѣе волнуясь. Мнѣ это показалось очень страннымъ. Я наклонилась впередъ и старалась всѣми силами понять, что случилось. Тутъ послышался глубокій вздохъ медіума, признакъ тяжелаго ощущенія. Прошло еще нѣсколько секундъ и онъ обратился къ своему ближайшему сосѣду съ лѣвой стороны, г. Сейлингу, со словами: «Дайте мнѣ вашу руку». Г. С. всталъ и протянулъ руку. «Ощупайте здѣсь», продолжалъ медіумъ. «Какая странность», сказалъ г. С., «я вижу миссисъ Эсперансъ, слышу, какъ она говоритъ, а ощупывая сидѣнье, нахожу его пустымъ, ее на немъ нѣтъ, тутъ только ея платье». Прикосновеніе, повидимому, причиняло медіуму сильную боль; несмотря на это, онъ пригласилъ еще нѣсколькихъ лицъ изслѣдовать его кресло. Взявъ руки г. Топпеліуса въ свои, м-съ Э. провела ими по всей верхней части своего тѣла до тѣхъ поръ, когда онъ вдругъ ощущалъ подушку стула. Г. Топпеліусъ нѣсколько разъ выражалъ свое изумленіе и испугъ громкими восклицаніями. Медіумъ допустилъ

¹⁾ Т. е. подумать, что медіумъ вставалъ съ своего мѣста.

пятерыхъ изъ присутствующихъ удостовѣриться въ необыкновенномъ явленіи, хотя несомнѣнно всякій разъ сильно страдалъ при этомъ. Не менѣе двухъ разъ онъ просилъ воды и пилъ съ лихорадочной торопливостью. Замѣтно было его волненіе, даже испугъ, а въ ожиданіи воды онъ нервно вздрагивалъ. *На блѣломъ фонѣ опущенной сторы я отчетливо видѣла* верхнюю часть тѣла медіума всякій разъ какъ онъ нагибался впередъ, или протягивая передъ собою руку, оцупью отыскивалъ руки лицъ, которыхъ онъ желалъ направить на изслѣдованіе себя и сидѣнья своего стула. Въ этихъ случаяхъ я видѣла не только переднюю часть его тѣла, но и спину, какъ она отдѣлялась на блѣломъ фонѣ сторы. Голова же вырисовывалась на ней такъ отчетливо, что я могла разсмотрѣть даже прическу. Я не помню, насколько верхняя часть тѣла продолжалась ниже талии, но увѣрена, однако, что бюстъ не кончался талией, а продолжался ниже. Видѣла я медіума все время *на одномъ уровнѣ съ собою*, что я считаю очень важнымъ. Однажды онъ нагнулся впередъ, какъ это обыкновенно дѣлается во время сильной боли. Верхняя часть его тѣла приняла тогда положеніе человѣка, сидящаго съ скрещенными на колѣняхъ руками и сильно нагнувшагося впередъ. Въ эту минуту онъ несомнѣнно для меня находился впереди кресельной спинки, и не могъ находиться позади ея, ибо спинка не допустила-бы его принять описанное мною положеніе. Юбки медіума продолжали висѣть, сохраняя свой прежній видъ во все время сеанса, суживаясь около ногъ. Мнѣ казалось, что онъ какъ будто больше приминались по мѣрѣ того, какъ присутствующіе ихъ оцупывали.

Кто-то изъ кружка предложилъ прекратить сеансъ, если онъ такъ истощаетъ силы медіума, но миссисъ Э.

воспротивилась этому и просила продолжать, пока не вернутся къ ней ея ноги. Мы, конечно, продолжали сидѣть, я же не спускала глазъ съ нижней части тѣла медіума, чтобы видѣть, какъ возвратятся ноги ¹⁾. Въ платьѣ миссисъ Э. не происходило ни малѣйшаго движенія, когда она сказала: «Теперь уже лучше» и нѣсколько минутъ спустя живо прибавила: «Ну, вотъ и вернулись!» Что же касается складокъ на платьѣ, то я видѣла, какъ онѣ, такъ сказать, наполнялись, а ноги, какъ-то для меня невѣдомо, явились опять лежащими одна на другой, въ томъ же положеніи, въ какомъ были до явленія ²⁾.

Пока явленіе происходило, общее вниманіе было приковано къ медіуму. Все время разговоры не прекращались то съ медіумомъ, то членовъ кружка между собою, которые волновались, мѣнялись мѣстами, ходили по комнатѣ и проч.

По прекращеніи явленія кабинетъ сдвинулся съ своего мѣста; тогда медіумъ, боясь, чтобы тотъ не упалъ на него, подвинулъ свое кресло впередъ. Пока она сидѣла такимъ образомъ въ отдаленіи отъ кабинета, я ясно видѣла его руки и ноги, кабинетъ же двигался нѣсколько разъ.

Желая убѣдиться въ нормальности моего сознанія во время всѣхъ сдѣланныхъ мною наблюденій, я попробовала заставить себя отвлечь мои мысли отъ происшедшаго передо мною и направить ихъ на посторонніе сеансу предметы. Я хотѣла видѣть, послушаются-ли мысли моей волѣ, и вполнѣ въ этомъ успѣла. Въ силу этого факта, смѣю утверждать, что перечисленные мною явленія, какъ ни казались они невозможными моему

¹⁾ Во все это время лицо г-жи Ельтъ находилось на разстояніи 6 дюймовъ отъ ногъ медіума. А. А.

²⁾ Минуту ихъ исчезновенія г-жа Ельтъ не замѣтила. А. А.

разуму, — дѣйствительно происходили, и медиумъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, способствующаго къ проявленію или исчезновенію описанныхъ явленій.

3) *Послѣ сеанса* я имѣла случай разсмотрѣть отрѣзанный кусочекъ ткани, тонкой какъ газъ, напоминающей паутину, но болѣе частой и крѣпкой и не свѣтящейся въ темнотѣ. Изъ разговора съ медиумомъ я узнала, что происшедшее явленіе было новостью для самой миссисъ Эсперансъ; дотолѣ она *сама* не могла наблюдать и провѣрять свои дематеріализаціи, и была очень поражена, когда, опустивъ руки на колѣни, нашла свой стулъ пустымъ. Желая, чтобы другіе могли удостовѣрить этотъ фактъ, она попросила г. Сейлинга дотронуться до ея стула.

По словамъ г-жи Эсперансъ, она совершенно ясно и положительно чувствовала свои нижнія конечности на обычномъ мѣстѣ, но руки ея не могли ощущать ихъ. Остается прибавить, что не медиумъ сообщилъ о явленіи присутствующимъ, а г. Сейлингъ, прежде чѣмъ вернуться на свое мѣсто.

Вѣра Ельтъ.

Гельсингфорсъ. ³/₁₅ декабря 1893 года.

Въ отвѣтъ на предложенные мною письменно г-жѣ Ельтъ вопросы для разясненія нѣкоторыхъ пунктовъ, она отвѣтила мнѣ слѣдующее:

М. Г. «Вы желаете имѣть болѣе точное опредѣленіе, насколько была освѣщена сеансовая комната. Относительно свѣта должна сказать, что я все время ясно видѣла фигуру медиума, равно какъ и очертаніе его рукъ, вырисовывавшихся на свѣтломъ фонѣ его платья. Что же касается лица и прически, то я не могла видѣть ихъ

постоянно, съ той-же отчетливостью, такъ какъ медиумъ сидѣлъ около сѣмаго кабинета съ очень темными занавѣсками, но всякій разъ, когда онъ перемѣнялъ позу и верхней частью тѣла нѣсколько нагибался впередъ, то голова его и лицо становились для меня очень ясны на свѣтломъ фонѣ описанныхъ мною въ предыдущемъ отчетѣ бѣлыхъ оковныхъ занавѣсей. Всякій разъ какъ онъ протягивалъ руку, я видѣла на томъ-же бѣломъ фонѣ не только движеніе его пальцевъ, но и то, когда онъ сжималъ имѣвшуюся у него въ рукѣ бумагу.

Съ удовольствіемъ узнала я сейчасъ, что вы собираетесь сами побывать въ Гельсингфорсѣ. Если вы этого пожелаете, я охотно исполню передъ вами роль медиума, т. е. буду готова *надѣть платье такою-же фасона, какое было на миссисъ Эсперансѣ, и при томъ-же освѣщеніи продолжать всѣ движенія и всѣ жесты, какіе я наблюдала у нея въ тотъ вечеръ.*

Тогда, надѣюсь, вамъ будетъ не трудно убѣдиться, какъ несправедливы инсинуаціи генерала Седергольма ¹⁾. Занимаемое мною во время сеанса мѣсто было таково, что даетъ мнѣ право утвердительно говорить о самыхъ мелкихъ подробностяхъ происходившаго, тѣмъ болѣе, что зрѣніе какъ мое, такъ и моей подруги, m-elle Тавашерна, особенно остро. И я положительно утверждаю, что медиуму не было никакой возможности прибѣгать къ обману безъ того, чтобы я этого не замѣтила.

Миссисъ Э. во время явленія по меньшей мѣрѣ два раза просила воды, которую подавали ей гг. Сейлингъ и Герцбергъ.

Вы спрашиваете объясненія слѣдующаго моего выраженія: «что касается складокъ на платьѣ, то я, такъ сказать, видѣла какъ онѣ наполнялись» и т. д.

¹⁾ Объ этомъ будетъ сказано ниже.

Само собою понятно, что складки не могли во все продолженіе сеанса оставаться одинаково гладкими, и необходимо были изняты отъ изслѣдованія сидѣнія руками столькихъ лицъ, а затѣмъ, когда явленіе прекратилось, то юбки снова наполнились. «И незамѣтно для меня, ноги опять появились въ своемъ прежнемъ положеніи, одна на другой»,— это послѣднее относится собственно къ носкамъ башмаковъ.

Вы спрашиваете еще: «Нельзя-ли предположить, что медіумъ держалъ ноги спрятанными подъ своими юбками?» Пожалуй, предположимъ, но въ такомъ случаѣ, при возвращеніи ногъ на мѣсто, неизбежно движеніе бедеръ, которое я не могла-бы не замѣтить, ибо, боясь проглядѣть, какъ это совершится, произойдетъ-ли при этомъ какое-нибудь боковое движеніе, я не спускала глазъ съ того мѣста, гдѣ должны были появиться бедра.

Если вы пріѣдете въ Гельсингфорсъ, я могу примѣрно показать вамъ все это, и вы сами поймете, почему я не допускаю такой возможности. Немного ранѣе, т. е. за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, какъ общее вниманіе обратилось на дематеріализацію, медіумъ вытянулъ ноги впередъ, причемъ уже явилась невозможность, отодвигая ихъ назадъ, избѣгнуть движенія бедеръ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, никакъ не удалось этого сдѣлать, хотя я много разъ это пробовала и всячески старалась».

Вѣра Ельтъ.

Показаніе штабсъ-капитана Густава Топпеліусъ ¹⁾.

... Вслѣдъ за нѣкоторыми другими лицами и мнѣ, нижеподписавшемуся, дозволено было подойти къ медіуму

¹⁾ Показаніе это, написанное по-русски, помѣщается въ подлинникъ.

для изслѣдованія. Миссисъ Эсперансъ взяла мои руки и стала водить ими, начиная отъ своихъ плечъ, внизъ, по обѣимъ бокамъ, когда я, вдругъ, вмѣсто продолженія тѣла, ощутилъ пустоту; затѣмъ она провела моими руками по всему сидѣнью, вплоть до спинки стула, причемъ, кромѣ ея платья, я ничего не ощущалъ. Промежутокъ между туловищемъ медиума и сидѣньемъ стула былъ довольно малъ.

Мнѣ показалось, что медиумъ все время сильно волновался. На болѣе подробное изслѣдованіе описаннаго явленія я не рѣшился и вернулся на свое мѣсто.

Густавъ Густавовичъ Топпеліусъ, штабсъ-капитанъ.

Гельсингфорсъ, $\frac{3}{15}$ декабря 1893 года.

Показаніе профессора Сейлинга ¹⁾.

Письмо А. Н. Ансакову, въ С.-Петербургъ.

Милостивый Государь.

Если, не будучи лично съ вами знакомымъ, я позволяю себѣ обратиться къ вамъ съ этимъ объясненіемъ, то лишь по желанію хорошо знакомой вамъ миссисъ Эсперансъ, въ убѣжденіи, что содержаніе этого письма должно въ высшей степени интересовать васъ.

На сеансъ съ миссисъ Эсперансъ, состоявшемся 11-го декабря текущаго года въ моей квартирѣ, между прочими явленіями, произошло слѣдующее. Сеансъ, продолжавшійся около двухъ съ половиною часовъ, подходилъ уже къ концу, когда м-съ Эсп., возлѣ которой я сидѣлъ первымъ около кабинета съ лѣвой стороны, обратилась ко мнѣ съ просьбой ощупать сидѣнье ея стула, и при этомъ допустить ее направлять мою руку своею. Къ

¹⁾ Профессоръ механической технологій, общаго машиновѣдѣнія и кинематики при гельсингфорскомъ политехникумѣ.

моему великому изумленію, когда я подошелъ къ ней и она провела моею рукою *по всему сидѣнью*, я не ощутилъ на немъ присутствія нижней части ея тѣла, а только видѣлъ и ощущалъ лежащее на стулѣ платье. Вернувшись на свое мѣсто, я не менѣе четверти часа видѣлъ м-съ Эсп., сидящей на стулѣ безъ нижней части тѣла, такъ что платье свѣшивалось съ сидѣнья подъ прямымъ угломъ. Чтобы дать другому господину, сидѣвшему ближе къ серединѣ кружка, возможность лучше наблюдать явленіе, я перемѣнился съ нимъ мѣстами вслѣдствіе чего я не могъ такъ хорошо слѣдить за возвращеніемъ исчезнувшей части тѣла, какъ сидѣвшіе ближе по сторонамъ. Къ послѣднимъ принадлежала моя жена, которая говорить, что ясно видѣла какъ формы нижнихъ оконечностей медиума постепенно принимали нормальный видъ.

Считаю не лишнимъ упомянуть, что, сколько мнѣ помнится, м-съ Эсп. въ этомъ состояніи два раза пила воду.

Освѣщеніе было настолько удовлетворительно, что всѣ пятнадцать человѣкъ, сидѣвшіе полукругомъ, могли видѣть медиума.

Впослѣдствіи, на мои разспросы, почему ея рука должна была направлять мою при ощупываніи сидѣнья, м-съ Э. объяснила, что при одной мысли о возможности движенія ея стула, у нея выступалъ на лбу холодный потъ ужаса, такъ какъ въ случаѣ чего-либо подобнаго при ощупываніи стула она, вѣроятно, сильно-бы пострадала.

Мой общій отчетъ о гельсингфорскихъ сеансахъ появится въ журналѣ «*Uebersinnliche Welt*» ¹⁾.

Примите и проч.

Максъ Сейлингъ.

Гельсингфорсъ, ⁴/₁₆ декабря 1893 года.

¹⁾ Онъ былъ напечатанъ въ январскомъ и февральскомъ выпускѣ журнала 1894 года.

Въ отвѣтъ на предложенные мною письменно г. Сейлингу вопросы по пунктамъ, онъ написалъ мнѣ слѣдующее.

1) Верхняя часть тѣла г-жи Э. не всегда находилась въ прямомъ положеніи, но иногда нагибалась впередъ, именно во время оцупыванія сидѣнья присутствующими. Уже тутъ я понялъ, что находишь нижняя часть тѣла медиума позади ея стула или возлѣ него, верхняя его часть никакъ не могла-бы принимать то прямое нормальное положеніе, въ какомъ я не разъ наблюдалъ его сперва съ боку, а потомъ, перемѣнивъ мѣсто, болѣе спереди.

2) Я ровно ничего не ожидалъ, когда г-жа Э. подзвала меня къ себѣ и сказала: «Г. С., дайте мнѣ вашу руку и оцупайте мой стулъ». Только исполнивъ ея желаніе, я понялъ, зачѣмъ это потребовалось. Стало быть невозможно объяснить это явленіе внушенной галлюцинаціей.

3) У меня невольно вырвалось восклицанье: «Г-жа Э. не сидитъ на стулѣ, на немъ лежитъ только ея платье» — потому что въ эту минуту я на стулѣ не находилъ слѣдовъ ея тѣла. Считаю лишнимъ подчеркивать, что я въ то же самое время ясно видѣлъ *всю* верхнюю часть ея тѣла надъ сидѣньемъ, что видѣлъ и каждый присутствующій, по крайней мѣрѣ изъ близко сидѣвшихъ. Я-же и говорилъ съ г-жею Э.

4) Господинъ, съ которымъ я помѣнялся мѣстами, былъ д-ръ Рафаель Герцбергъ; я ѣздилъ къ нему, чтобы передать ему вашу просьбу прислать свое показаніе, но, не заставъ его дома, оставилъ ему записку.

5) Показаніе моей жены при семъ прилагаю.

6) Воду г-жи Э. въ первый разъ подавалъ я, а во второй — д-ръ Герцбергъ. Когда я подошелъ къ ней во

второй разъ съ стаканомъ воды, она выглядѣла приблизительно также, какъ и въ первый разъ, когда я ощущивалъ ея стулъ.

7) Объясненіе генерала Седергольма чистая фантазія. Я говорю «фантазія» потому, что въ упоминаемомъ сеансѣ онъ сидѣлъ слишкомъ далеко, и сверхъ того, недостаточно хорошо видитъ, чтобы наблюденія его могли быть правильны. Почему ему могло показаться, что миссисъ Э. находилась нѣсколько выше обычнаго положенія человѣка, сидящаго на стулѣ, объясняетъ въ своемъ отчетѣ г-жа Ельтъ. На вопросы ваши, касающіеся этого пункта, я отвѣчаю слѣдующее:

8) Разъ установленное освѣщеніе комнаты оставалось все время приблизительно одно и тоже. Что м-съ Э., несмотря на это, все-таки могла сдѣлать нѣкоторыя движенія, весьма вѣроятно, ибо никто не ожидалъ наступившаго явленія и не былъ къ нему приготовленъ. Но совершенно *невозможно*, чтобы она вернулась незамѣтнымъ образомъ на стулъ, если бы стояла позади его, какъ утверждаетъ это генералъ Седергольмъ.

9) Стулъ стоялъ такъ близко къ кабинетнымъ занавѣскамъ, что свободнаго пространства между ними и стуломъ совсѣмъ не было. Но я все-таки совершенно ясно видѣлъ, что стулъ и кабинетъ составляли нѣчто отдѣльное. Главными доводами противъ объясненія генерала Седергольма служатъ: во-первыхъ, естественное положеніе на стулѣ верхней части тѣла медума, а во-вторыхъ вышеприведенное указаніе на невозможность вернуться на стулъ.

10) Насколько я знаю, капитанъ Топпеліусъ ощущивалъ верхнюю часть тѣла, но ни я, ни д-ръ Герцбергъ этого не дѣлали.

Примите и проч.

Максъ Сейлингъ.

Показаніе г-жи Елены Сейлингъ.

На сеансѣ, происходившемъ въ нашей квартирѣ 11-го декабря 1893 года, по тѣснотѣ помѣщенія, для меня не хватило мѣста въ полукругѣ присутствующихъ, и я сѣла справа отъ медиума, за полукругомъ между первымъ и вторымъ мѣстомъ. Видѣла я очень хорошо, тѣмъ болѣе, что сидѣвшіе на этихъ мѣстахъ любезно раздвинулись, чтобы не мѣшать мнѣ.

Такъ какъ я совсѣмъ не была приготовлена къ явленію частичной дематеріализаціи миссисъ Е., то и не замѣтила исчезновенія нижней части ея тѣла; ее же самое все время видѣла сидящей на стулѣ. Но какъ только восклицаніе моего мужа, первымъ изслѣдовавшаго сидѣнье, обратило мое вниманіе, я уже не спускала глазъ съ м-съ Э. и могу засвидѣтельствовать, что въ продолженіе, по меньшей мѣрѣ, четверти часа колѣней и ногъ ея не было видно, а платье, лежавшее на стулѣ, спустилось съ него подъ прямымъ угломъ *и доставало до полу.*

Такъ какъ все мое вниманіе было обращено на дальнѣйшее теченіе этого чудеснаго явленія, то я хорошо видѣла, какъ контуръ платья все болѣе и болѣе обозначался и оно постепенно, такъ сказать, наполнялось, пока не приняло вполне нормальнаго вида. Въ продолженіе всего этого времени я видѣла верхнюю часть тѣла м-съ Э. въ обыкновенномъ положеніи сидящаго чело-вѣка, иногда нѣсколько нагнувшимся впередъ и слегка отдѣлившимся отъ спинки, видѣла, какъ она брала стаканъ и пила воду, и слышала, какъ она разговаривала.

Елена Сейлингъ.

Показаніе г-жи Тавашерна

(дочери покойнаго генерала Карла Іоганна Тавашерна).

Письмо къ А. Н. Аксакову.

Гельсингфорсъ $\frac{3}{4}$ апрѣля 1894 года.

Милостивый государь! Наконецъ, я могу переслать вамъ мое обѣщанное показаніе. Мнѣ очень жаль, что я заставила васъ такъ долго ждать его. Единственнымъ мнѣ извиненіемъ служить, что послѣ вашего отъѣзда изъ Гельсингфорса я была два раза больна.

Перехожу къ сеансу.

Весьма подробное описаніе внѣшней стороны его вы имѣете въ показаніи г-жи Ельтъ и повторять его я не буду. Что касается лично меня, я могу только прибавить, что въ послѣдній сеансъ, данный намъ м-съ Эсперансъ въ Гельсингфорсѣ, мнѣ удалось получить прекрасное мѣсто, съ котораго я могла отлично *наблюдать за медиумомъ*. Я занимала второй стулъ по лѣвой сторонѣ отъ медиума, а такъ какъ въ кружкѣ сидѣли весьма тѣсно, то колѣни мои находились на разстояніи сантиметровъ тридцати отъ колѣнъ медиума. Благодаря такому близкому сосѣдству, а также и достаточному освѣщенію (сосѣдь мой съ правой стороны ясно видѣлъ положеніе стрѣлокъ на своихъ карманныхъ часахъ), я могла слѣдить за каждымъ движеніемъ медиума. Ни минуты не упускала я его изъ виду и утверждаю, что ему невозможно было встать съ мѣста безъ того, чтобы я этого не замѣтила. Считаю нужнымъ при этомъ заявить, что я не принадлежу къ числу лицъ, готовыхъ просто «вѣрить», но что я все время относилась ко всему критически.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, перейду къ явленіямъ, которыхъ я была свидѣтельницей на по-

слѣднемъ сеавсѣ. Послѣ недолгаго ожиданія, въ отверстіи кабинета съ моей стороны показалась рука. Сосѣдъ мой справа—г. Сейлингъ, занимавшій первое мѣсто около медиума, пожавъ эту руку, тотчасъ-же скрывшюся за занавѣской, сказалъ: «Здѣсь женская фигура, желающая подать вамъ руку». Послѣ чего рука появилась снова и сосѣдъ, быстро схвативъ мою руку, вложилъ ее въ руку появившюся въ разрѣзѣ занавѣси. Рука оказалась довольно холодной и влажной, но пожатіе, которымъ она привѣтствовала мою руку, было дружеское.

Черезъ нѣсколько времени драпировки снова запахнулись съ моей стороны и я увидала высокую свѣтящуюся фигуру, стоящую неподвижно въ образовавшемся отверстіи. Я протянула ей руку и почувствовала, какъ моя рука была охвачена другой, гораздо большею, нежели та, которую я пожимала нѣсколько минутъ тому назадъ. Пальцы показались мнѣ сперва нѣсколько одеревѣлыми (*raide*), какъ-бы у очень стараго человѣка, но когда наши руки окончательно встрѣтились, я почувствовала такое живое и дружеское рукопожатіе, какое мнѣ рѣдко приходилось испытывать. Все это время я видѣла медиума спокойно сидѣвшимъ на своемъ стулѣ, на шагъ разстоянія отъ меня. Здѣсь я должна обратить ваше вниманіе на то обстоятельство, что обѣ руки, которыя я пожимала съ лѣвой стороны медиума, на значительной высотѣ драпировокъ кабинета, *были правыя руки*, очевидное доказательство того, что я имѣла дѣло не съ рукою медиуму. Г. Сейлингъ, сидѣвшій первымъ слѣва около кабинета, взялъ ножницы и спросилъ фигуру, не пожелаетъ-ли она дать ему кусочекъ своего одѣянія. Фигура взяла ножницы и скрылась съ ними за драпировку кабинета, откуда послышался звукъ, какъ будто что-то разрѣзываютъ. Спусти нѣсколько минутъ

она появилась снова и протянула ножницы г-ну Сейлингу, который, не получивъ желаемого, остался недоволенъ и сказалъ фигурѣ: «Но я, вѣдь, не получилъ кусочка вашего одѣянія». Тогда фигура взяла край своей одежды и поднесла г-ну Сейлингу, который отрѣзалъ отъ нея кусочекъ. Мы разсматривали послѣ сеанса эту матерію и любовались красотой и тонкостью ткани.

Было еще нѣсколько явленій, съ противоположной стороны кабинета, но такъ какъ я видѣла ихъ не совсѣмъ ясно, то и не буду о нихъ говорить, и я перейду къ дематеріализаціи, ибо, еще разъ повторяю, съ моего мѣста я отлично видѣла все, что происходило съ медіумомъ. Не переставая ни на секунду наблюдать за нимъ, я стала слышать частые и тяжелые вздохи м-съ Эсперансъ, какъ если бы она очень страдала. Еще я замѣтила, что она не разъ приподымала свои юбки обѣими руками или шевелила ими, и должна сознаться, что это возбудило во мнѣ подозрѣніе. «Будемъ смотрѣть въ оба», сказала я себѣ, «она, пожалуй, собирается ускользнуть или сыграть съ нами какую-нибудь штуку». Чтобы лучше видѣть, я нагнулась впередъ и стала на нее смотрѣть на разстояніи нѣсколькихъ сантиметровъ. Въ ту же минуту я услышала, какъ она сказала г-ну Сейлингу: «Подойдите ощупать мой стулъ». Онъ встаетъ и я вижу, какъ медіумъ беретъ одну изъ его рукъ. Сейчасъ вслѣдъ за тѣмъ г. С. говоритъ: «Странно, я вижу м-съ Эсперансъ, я слышу, какъ она говоритъ, но на стулѣ только одно платье». Съ перерывами въ нѣсколько минутъ м-съ Эсперансъ позволила еще четверемъ мужчинамъ ощупать стулъ. Въ продолженіе всего этого времени она, казалось, сильно страдала: вздыхала и раза два, если не больше просила пить. Я видѣла, какъ она брала стаканъ съ водой слышала, какъ она пила, и видѣла, какъ потомъ

возвращала стаканъ. Я замѣтила тоже, что въ то время какъ верхняя часть ея тѣла сохраняла свои очертанія, съ нижней его частью происходило что-то странное. Медіумъ передъ тѣмъ сидѣлъ вытянувъ ноги нѣсколько впередъ и мнѣ ясно были видны очертанія какъ колѣвъ, такъ и ногъ, но теперь юбки падали со стула подъ прямымъ угломъ, какъ будто подъ ними ничего не было. Продолжалось это приблизительно минутъ пятнадцать, послѣ чего я увидала, что юбки снова вздулись, хотя не могу сказать, какъ это произошло, и я услышала, какъ медіумъ сказалъ: «Теперь мнѣ лучше. Ноги вернулись».

Среди лицъ, присутствовавшихъ на этомъ сеансѣ и сидѣвшихъ на мѣстахъ, болѣе отдаленныхъ отъ кабинета, нѣкоторые утверждаютъ, что медіумъ, чтобы продѣлать это, или всталъ позади стула или сдвинулъ ноги въ одну сторону стула. Что-же касается меня, то я могу заверить, что медіуму было положительно невозможно продѣлать ни того, ни другого, ибо, какъ я уже говорила, кружокъ былъ такъ тѣсенъ, что когда сидѣвшіе подлѣ медіума мужчины подходили ощупывать его стулъ, они непременно должны были-бы споткнуться на его ноги, еслибы оцъ ихъ свѣсилъ по одну сторону стула. При томъ, освѣщеніе было вполнѣ достаточное и я сидѣла довольно близко къ миссисъ Э., чтобы видѣть, если-бы она, въ своемъ почти бѣломъ платьѣ, встала-бы или перемѣнила положеніе. Тому-же, кто-бы высказалъ предположеніе, что я, можетъ быть, была загнипнотизирована, я отвѣчу, что будь это дѣйствительно такъ, въ моемъ умѣ не могло-бы появляться во время сеанса никакихъ сомнѣній.

Примите и пр.

Фанни Тавашерна.

Дополненіе. Въ отвѣтъ на мой вопросъ объ ея отношеніи къ спиритизму до послѣдняго времени, г-жа Тавашерна отвѣтила слѣдующее:

... Въ отвѣтъ на сдѣланный мнѣ вами вопросъ я имѣю сказать очень мало. Я почти ничего не знала о спиритизмѣ до сеансовъ съ миссисъ Эсперансъ. Читать о спиритизмѣ мнѣ почти вовсе не приходилось и я не знала, что существуетъ такая обширная и интересная литература по этому предмету. Кое что слышала я о немъ отъ сестры моей, состоящей членомъ общества психическихъ изслѣдованій въ Стокгольмѣ, и отъ г-жи Ельтъ, которая годъ тому назадъ присутствовала на нѣкоторыхъ сеансахъ вышепоименованнаго общества. Вопросъ этотъ меня живо интересовалъ и мнѣ очень хотѣлось поближе съ нимъ познакомиться и я была, конечно, чрезвычайно довольна, когда мнѣ удалось попасть на сеансы миссисъ Эсперансъ.

Ф. Тавашерна.

Гельсингфорсъ ⁸/₂₀ апрѣля 1894 г.

Показаніе генерала Топпеліуса ¹⁾.

По возвращеніи г-жи Эсперансъ изъ Петербурга, она опять остановилась у меня въ домѣ, и когда рѣчь зашла о слѣдующемъ сеансѣ, я сказалъ ей, что, по моему мнѣнію, необходимо, чтобы онъ происходилъ при лучшемъ освѣщеніи, и тутъ я искренно высказалъ ей, что по поводу одного изъ ея сеансовъ, до отъѣзда въ Петербургъ,

¹⁾ Во время моего пребыванія въ Гельсингфорсъ г-жа Топпеліусъ и обѣ дочери ея отсутствовали, но генералъ сказалъ мнѣ, что онѣ сидѣли слишкомъ далеко отъ медиума, для того чтобы подмѣтить что-либо особенное, такъ что его свидѣтельство вполнѣ замѣняетъ то, что онѣ могли бы сказать. А. А.

было выражено подозрѣніе, что она вставала съ своего мѣста, оставляя на немъ одно свое платье. Такое недо-
вѣріе глубоко ее огорчило, но не вызвало съ ея сто-
роны никакого возраженія.

Сеансъ происходилъ въ тотъ же вечеръ, 11-го де-
кабря, въ домѣ г. Сейлинга, при свѣтѣ небольшой лампы,
хорошо прикрытой, но все-таки позволявшей ясно ви-
дѣть очертанія присутствующихъ и медіума. Такъ какъ
я сидѣлъ въ отдаленномъ концѣ кружка, я недостаточно
ясно видѣлъ, чтобы самому засвидѣтельствовать, съ тре-
буемой точностью, всѣ поразительныя явленія, происхо-
дившія на этомъ сеансѣ. Я слышалъ то, что говорили
и высказывали другіе по мѣрѣ своихъ наблюденій, и на
основаніи сохранившихся во мнѣ впечатлѣній, признаю
описаніе г-жи Ельтъ совершенно согласнымъ съ исти-
ной, почему и сѣбѣ препроводить его вамъ. По моему
мнѣнію, только одного не достааетъ въ немъ, именно не
упомянуто, что въ концѣ сеанса миссисъ Э. находилась
въ такомъ состояніи утомленія и упадка силъ, какого
я никогда еще и ни у кого не видывалъ. На лицѣ ея
и на всей фигурѣ выражалось такое истощеніе и стра-
даніе, что нельзя было не почувствовать къ ней самой
глубокой жалости. Она казалась совершенно уничтожен-
ной. Если бы въ это время поставить ее на вѣсы, тѣло
ея, вѣроятно, оказалось бы легче по крайней мѣрѣ ки-
лограммовъ на десять противъ ея обычнаго вѣса.

На слѣдующее утро дочь моя сообщила мнѣ, что когда
мы вернулись съ сеанса, миссисъ Э. была такъ уто-
млена, что должна была тотчасъ же лечь въ постель, да
и утромъ она чувствовала еще такую слабость, что не
была въ состояніи заняться укладкою своего багажа; а
такъ какъ она должна была уѣзжать въ тотъ же день,
то уборкою ея туалетовъ и другихъ вещей пришлось

заняться моей дочери. Она воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы все тщательно разсмотрѣть и изслѣдовать, и не нашла во всемъ ея багажѣ ничего подозрительнаго: никакихъ слѣдовъ вуалей, масокъ или каучуковыхъ рукъ, какія многіе у нея предполагали.

Ж. Топпеліусъ.

Гельсингфорсъ, 5-го декабря 1893 года.

Показаніе д-ра Рафаэля Герцберга ¹⁾.

Гельсингфорсъ, 18-го апрѣля 1894 года.

Милостивый государь!

Въ отвѣтъ на вопросы ваши относительно «дематеріализаціи», происшедшей на одномъ изъ здѣшнихъ сеансовъ, могу сообщить вамъ слѣдующее.

Прежде нежели миссисъ Эсперансъ обратила наше вниманіе на «дематеріализацію», я и мой сосѣдъ замѣтили, что нижняя часть ея платья особеннымъ образомъ—какъ казалось намъ,—расширяется. Г-жа Ельтъ сейчасъ сказала мнѣ, что принятое мною за расширение платья миссисъ Эсперансъ была независимая отъ нея легкая матеріализація, которая въ эту минуту растилась на подобіе тумана передъ медіумомъ. Г-жа Ельтъ не только сама ощущала это туманное явленіе и нашла его какъ бы покрытымъ какимъ-то вуалемъ, но и, взявъ руку своего сосѣда, направила ее къ наблюдавшемуся явленію, которое при этомъ отдалилось.

Когда вслѣдъ за тѣмъ началась «дематеріализація», миссисъ Эсперансъ подозвала меня къ себѣ, взяла обѣ мои руки и стала водить ими по сидѣнью стула ²⁾, на

¹⁾ Д-ръ философіи, писатель и предсѣдатель клуба литераторовъ въ Гельсингфорсѣ. А. А.

²⁾ Во время моего свиданія въ Гельсингфорсѣ съ докторомъ

которомъ я видѣлъ и осязалъ лишь одно ея платье. Мнѣ были ясно видны верхняя часть ея туловища и ея руки, но я еще не успѣлъ вдуматься въ это явленіе, ни дать себѣ яснаго отчета объ отношеніи верхней части тѣла къ дальнѣйшему его продолженію, когда моему изслѣдованію помѣшалъ нетерпѣливый сочленъ, вынудившій меня своимъ стремительнымъ приближеніемъ вернуться на свое мѣсто. Немного позднѣе я занялъ, по желанію миссисъ Эсперансъ, ближайшій къ ней стулъ. Руки и верхняя часть ея тѣла были мнѣ видны совершенно ясно; лѣвой рукой она опиралась на сидѣнье своего стула и вскорѣ попросила дать ей стаканъ воды, что я тотчасъ же и исполнилъ. Повидимому, она крѣпко опиралась на руку, которая вся, начиная отъ плеча, дрожала отъ напряженія. Черезъ нѣсколько времени медіумъ живо схватилъ обѣими руками мою руку, которая все время лежала на сидѣньѣ его стула, и я замѣтилъ, что подушка немного подалась, какъ бываетъ, если кто сразу порывисто садится. Спустя нѣсколько минутъ миссисъ Э. позволила мнѣ себя оцупать и тѣло ея оказалось опять все на мѣстѣ.

Такъ какъ я, совершенно незнакомый съ спиритическими явленіями, держалъ себя пассивнымъ зрителемъ, особенно на этомъ сеансѣ, то и не изслѣдовалъ всего дѣла подробнѣе, почему и не могу сказать о немъ ничего болѣе.

Герцбергомъ, меня крайне интересовало узнать въ точности, какамъ образомъ онъ оцупалъ стулъ. На мою просьбу показать мнѣ это, онъ подошелъ къ стулу и провелъ руками по всему сидѣнью до самой спинки.

— «Какъ!» — воскликнулъ я, — «даже до самой спинки?» — «Точно такъ», — отвѣчалъ онъ, — «до самой спинки, вотъ какъ я сейчасъ показалъ вамъ».

А. А.

Попытки г-на Лёнбома объяснить явленія, происшедшія на сеансахъ,—ребячливы до смѣшного. Онъ высказываетъ предположеніе, что миссисъ Эсперансъ орудовала гуттаперчевыми руками и кувлами, и въ то же время заявляетъ, что не замѣтилъ ничего подозрительнаго и готовъ подтвердить это даже подъ присягой.

Примите и проч.

Рафаэль Герцбергъ.

Р. S. Миссисъ Эсперансъ не держала моей руки, и, вѣроятно, хочетъ сказать ¹⁾, что рука моя все время лежала на сидѣннѣ ея стула въ непосредственной близости отъ ея руки. Схвативъ мою руку, она нѣкоторое время судорожно сжимала ее какъ бы подъ влияніемъ боли, но рука моя все время продолжала лежать на стулѣ. Поэтому позволю себѣ прибавить, что миссисъ Э. во время дематериализаціи не стояла за своимъ стуломъ, какъ утверждаетъ это генералъ Седергольмъ.

Показаніе генерала Седергольма ²⁾.

«4-го декабря 1893 года г-жа Э. поѣхала въ Петербургъ и вернулась оттуда въ Гельсингфорсъ 11-го числа того же мѣсяца. Въ тотъ же вечеръ устроился частный сеансъ. Присутствовало на немъ шестнадцать человекъ. Медіумъ былъ въ свободномъ свѣтломъ платьѣ безъ талии. Указанное мнѣ мѣсто находилось вдали отъ кабинета. Въ этотъ разъ я видѣлъ немного, только одну руку, которая нѣсколько разъ высовывалась изъ кабинета и дотрагивалась до плечъ и головы сидящихъ вблизи. Ширина кабинета не превышала полутора метра, такъ что,

¹⁾ См. ниже ея показаніе.

А. А.

²⁾ Взято изъ гельсингфорской газеты «Nya pressen», 343.

находясь по срединѣ, г-жа Э. могла, подъ прикрытіемъ занавѣски, свободно протягивать руку и слегка прикасаться пальцами къ своему ближайшему сосѣду, причемъ рука ея выше кисти могла быть не замѣчена. Нѣсколько позже г-жа Э. предложила нѣкоторымъ изъ присутствующихъ изслѣдовать стулъ, на которомъ она сидѣла. Стулъ оказался занятымъ фигурой безъ ногъ, но обладавшей руками и говорящей головой. Изслѣдовавшіе стулъ заявляли, что онъ былъ пустъ; подъ платьемъ не было тѣла. Какъ объяснить себѣ такое чудо, что человекъ безъ тѣла и безъ ногъ, словно висящій въ воздухѣ, въ состояніи говорить и трогать руки тѣхъ, которые ошупывали стулъ? Совершенно просто! Если вы, мои читательницы, надѣнете такую блузу, какая была на госпожѣ Э., встанете за стуломъ и платьемъ вашимъ прикроете его спинку, то вы можете произвести такое же чудо; ибо всякій, кто будетъ ошупывать стулъ, разумѣется въ темнотѣ, найдетъ его покрытымъ вашими юбками и платьемъ. Но гдѣ же тѣло? Оно исчезло, дематериализовалось. Утверждать, что она стояла за спинкой стула не захочетъ никто изъ вѣрующихъ въ г-жу Э., вѣдь это значило бы не довѣрять ей и откровеніямъ ея духовъ.

Пусть читатель самъ выводитъ свое заключеніе; я же только привелъ факты, которыхъ самъ былъ свидѣтелемъ».

Примѣчаніе. Это все, что почтенный генералъ нашелъ сказать объ этомъ столь интересующемъ насъ сеансѣ 11-го декабря 1893 года. Намъ незначѣмъ на этомъ останавливаться, ибо что касается сеанса, генералъ упоминаетъ только о такихъ фактахъ, которыхъ онъ именно *не былъ свидѣтелемъ*. Въмѣсто фактовъ онъ высказываетъ одни предположенія, которыя мы и приняли къ свѣдѣнію.

Показанія самого медіума миссисъ Эсперансъ.

Я очень устала послѣ ночного путешествія изъ Петербурга и чувствовала сильную боль въ задней части шеи, въ то же время болѣла у меня и голова, что, какъ мнѣ говорили, указывало на начало инфлюэнцы.

Я пробовала отдохнуть днемъ, но не могла заснуть и намѣревалась отложить сеансъ, однако же подумала, что если у меня дѣйствительно начинается инфлюэнца, то врядъ ли мнѣ будетъ лучше на слѣдующій день, а послѣ завтра я уже собиралась ѣхать обратно домой, въ Готенбургъ, почему и рѣшила, что откладывать сеансъ бесполезно.

Было уже довольно поздно, когда я пріѣхала къ Сейлингамъ, и всѣ члены кружка уже сидѣли на своихъ мѣстахъ.

Сеансовая комната освѣщалась лампою, стоявшей на боковомъ столикѣ, двери ея были настежь открыты въ сосѣднее зало, гдѣ на потолокъ висѣла затемненная лампа, а стоявшій тамъ рояль былъ близко придвинутъ къ дверямъ.

Генералъ Топпеліусъ сидѣлъ на правомъ концѣ полукруга, рядомъ съ устроеннымъ для сеанса кабинетомъ; возлѣ него г. Ленбомъ, а позади ихъ и отчасти между ними г-жа Сейлингъ. Слева первымъ возлѣ кабинета сидѣлъ г-нъ Сейлингъ. Какъ размѣстились другіе, я не замѣтила, помню только, что генералы Седергольмъ, Галиндо и докторъ Герцбергъ сидѣли противъ кабинета, всего дальше отъ него. Войдя въ комнату, я, почти ни съ кѣмъ не разговаривая, прямо сѣла на свое мѣсто передъ кабинетомъ, не заглянувъ въ него, какъ я обыкновенно это дѣлаю; я чувствовала себя слишкомъ усталой и нездоровой для бесѣды. Не мало было труда устроить освѣщеніе: поставили лампу (я думаю это была лампа,

хотя я ея не видала) въ нишу печки, которую закрыли красной или оранжевой бумагой.

Свѣтъ падалъ прямо на кабинетъ и безпокоюлъ всѣхъ сидѣвшихъ къ нему лицомъ. Старались всячески смягчить его, наконецъ я предложила завѣсать отверстіе ниши моей свѣтлосѣрой кашемирой шалью, что и нашли подходящимъ. Когда все было приведено въ порядокъ, г-нъ Сейлингъ сыгралъ одну пьесу на роялѣ, если не ошибаюсь—это была серенада Вагнера. Во время музыки все стихло, послѣ чего Сейлингъ возвратился на свое мѣсто возлѣ меня, по лѣвую мою руку.

Я слышала движеніе внутри кабинета и видѣла, какъ за мною и надо мною стали появляться руки.

Эти руки, кажется, трогали сидящихъ ближе къ кабинету какъ справа, такъ и слѣва отъ меня. Видѣла я эти руки разъ или два, когда онѣ достаточно выдвигались впередъ; но изъ замѣчаній присутствующихъ я могла заключить, что онѣ появлялись уже и ранѣе.

Я сидѣла на разстояніи полуфута или даже далѣе отъ завѣсокъ, спиною къ нимъ. Свѣта было на столько достаточно, что я могла видѣть и узнавать каждаго въ кружкѣ: тутъ я замѣтила, что капитанъ Топпеліусъ сидитъ седьмымъ или восьмымъ отъ меня по лѣвую мою руку и вспомнила, что онъ просилъ позволенія сѣсть рядомъ со мною; тогда я спросила генерала Топпеліуса, не согласится ли онъ перемѣниться съ нимъ мѣстами, что онъ тотчасъ же исполнилъ. Такимъ образомъ капитанъ Топпеліусъ сѣлъ рядомъ со мною по правую мою руку, и такъ близко, что когда я двигалась, то неволью дотрогивалась до него.

Послѣ этой перемѣны мѣстами явленія прекратились и кто-то предложилъ, чтобы я попробовала получить письменныя указанія, что намъ теперь дѣлать. Кто-то

далъ мнѣ листь бумаги малаго формата и карандашъ, которые я и держала на колѣняхъ.

Пока я ихъ такъ держала, обнаженная рука съ большою кистью высунулась изъ кабинета надъ моею головою, опустилась ко мнѣ, схватила бумагу и карандашъ и исчезла съ ними за моею спиной въ кабинетъ.

Я слышала, какъ бумагой шелестили и какъ ее рвали и затѣмъ звукъ писанья. Послѣ того, изъ-за занавѣсокъ за моею спиной появилась рука и бросила карандашъ и половину бумаги ко мнѣ на колѣни, другая половина была вложена въ руку капитана Топпелюса и рука опять исчезла.

Впослѣдствіи капитанъ Т. увидѣлъ, что ему было сдѣлано письменное сообщеніе на шведскомъ языкѣ. Кисть и рука появились гораздо выше нашихъ головъ, какъ будто онѣ принадлежали человѣку высокаго роста, стоящему за нами.

Занавѣски раздвигались много разъ и я видѣла тамъ нѣсколько фигуръ болѣе или менѣе матеріализованныхъ. Не думаю, чтобы онѣ выходили впередъ далѣе того мѣста, гдѣ я сидѣла, но, впрочемъ, я въ этомъ не увѣрена, такъ какъ большую часть времени, если со мною не разговаривали и меня не трогали, я сидѣла съ закрытыми глазами, заложивъ руки за шею, поддерживая голову. Это какъ будто облегчало боль въ головѣ и шеѣ и успокаивало меня.

Капитанъ Топпелюсъ разъ или два заговаривалъ со мною, и мнѣ помнится, что дѣлались замѣчанія относительно сильнаго запаха скипидаромъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, распространявшагося въ комнату. Я тоже чувствовала этотъ запахъ. Большую же часть времени я старалась ничего не видѣть и не слышать, чтобы не мѣшать и безъ того, какъ мнѣ казалось, слабымъ явленіямъ.

Во время явленій я испытывала весьма непріятное чувство утомленія, слабости и нервнаго упадка силъ, что я приписывала грозившей мнѣ инфлуэнцѣ, и нетерпѣливо желала, чтобы явленія скорѣе прекратились и мнѣ можно было бы отдохнуть. Наконецъ, я устала держать руки заложеными за шеей и опустила ихъ на колѣни, какъ вдругъ почувствовала, что лежать онѣ не на колѣняхъ, а прямо касаются стула, на которомъ я сидѣла. Это меня крайне изумило и я подумала, не уснула ли я и не вижу ли это во снѣ. Я принялась тщательно ощупывать свое платье, колѣни и туловище и оказалось, что верхняя часть моего тѣла, руки, плечи и т. д. были, какъ всегда, на своемъ мѣстѣ, а нижняя, т. е. колѣни, бедра и ноги, — совершенно отсутствовали. Я опустила руки на то мѣсто, гдѣ должны были быть мои колѣни, но подъ платьемъ и юбками не было ничего. Однако же самочувствіе мое относительно колѣней было обыкновенное, можетъ быть даже яснѣе, полнѣе обыкновеннаго. Нажимая руками колѣни, я чувствовала ихъ такъ же явственно, какъ всегда. Не будь мое вниманіе случайно привлечено къ этому явленію, я бы, вѣрно, ничего особеннаго не замѣтила.

Нагнувшись, чтобы ощупать, тутъ ли мои ноги, я чуть не потеряла равновѣсіе. Это окончателно испугало меня; я сознавала, что должна удостовѣриться, не нахожусь ли я подъ вліяніемъ какой-либо иллюзій или не вижу ли это во снѣ; и протянувъ руку, я схватила за руку г-на Сейлинга, прося его сказать, въ самомъ ли дѣлѣ я сижу на стулѣ или нѣтъ? И со страхомъ ожидала его отвѣта.

Я чувствовала, какъ рука его дотрогивалась до моихъ колѣней, но онъ отвѣтилъ — «нѣтъ, здѣсь только ваше платье». Я испугалась еще болѣе, но положивъ свою

свободную руку на грудь, я почувствовала біеніе своего сердца. Мнѣ стало дѣлаться дурно и тошно и я попросила воды, которую мнѣ тотчасъ же дали; я выпила немного и тотчасъ же явилась сильная испарина. Я пугалась все болѣе и болѣе и не могла себѣ представить, что будетъ дальше.

Я слышала, какъ другіе спрашивали, въ чемъ дѣло, а г-нъ Сейлингъ объяснялъ имъ, что половина моего тѣла исчезла. Нѣкоторые просили позволенія приблизиться и самимъ въ этомъ удостовѣриться. Я вспомнила, что это могло интересовать доктора Герцберга и попросила его подойти ближе. Онъ пересѣлъ на мѣсто господина Сейлинга и съ этой минуты я почти все время держала его руку. Потомъ меня спрашивали: можетъ ли тотъ, или другой подойти? Подходили, оцупывали меня, клали свои руки на стулъ и находили на немъ одно мое платье. Мое нервное возбужденіе и страхъ все возрастали, и я чувствовала себя ужасно дурно.

Капитанъ Топпелдусъ тоже меня оцупалъ и вскрикнулъ въ испугъ: «Здѣсь нѣтъ и половины ея тѣла, мнѣ дѣлается дурно при одной этой мысли». Полученное имъ потрясеніе отчасти передалось и мнѣ, и хотя другимъ очень хотѣлось точнѣе удостовѣриться въ происшедшемъ, но я чувствовала, что не въ силахъ болѣе выносить прикосновенія и попросила оставить меня нѣкоторое время въ покоѣ. Кто-то предложилъ прекратить сеансъ, но я боялась того, что въ такомъ случаѣ могло бы сдѣлаться со мною, и просила посидѣть еще немного, что они и исполнили. Кажется, г-нъ Сейлингъ сыгралъ на фортепіано какую-то нѣжную мелодію или же кто-то пропѣлъ ее. Я плохо сознавала, было ли это пѣніе или музыка; во всякомъ случаѣ оно меня успокоивало, и черезъ нѣсколько времени я стала чувствовать, что мои

члены постепенно возвращаются, или иначе сказать, наполняют пустую одежду. Нервный страх мой стал понемногу проходить и приблизительно через полчаса послѣ послѣдняго оцупыванія меня присутствующими, я, насколько была способна судить объ этомъ, находилась уже въ нормальномъ состояніи, кромѣ, конечно, неизбѣжной реакціи послѣ испытаннаго мною нервнаго возбужденія.

Сеансъ окончился и я попробовала пойти въ сосѣднюю комнату, но была слишкомъ слаба, чтобы двигаться безъ посторонней помощи.

Я выпила чашку чаю и, кажется, поѣла чего-то, но въ послѣднемъ я не увѣрена. Вскорѣ, однако, я нѣсколько оправилась и приблизительно черезъ полчаса была въ состояніи вернуться домой съ г-жей Тонпеліусъ, у которой я остановилась.

Съ тѣхъ поръ прошло ровно три мѣсяца, но только двѣ недѣли тому назадъ нервы мои оправились отъ возбужденія, испытаннаго ими во время сеанса.

Весьма вѣроятно, что въ каждомъ сеансѣ происходитъ болѣе или менѣе сильная дематеріализація тѣла медиума; въ данномъ же случаѣ она должно быть произошла неравномѣрно, т. е. одна часть моего тѣла оставалась безъ измѣненія, тогда какъ другая, насколько я могу судить, совсѣмъ дематеріализовалась. Если оно и происходило ранѣе подобнымъ же образомъ, то я этого не знала, да и въ этотъ разъ обязана открытіемъ простой случайности.

Мои главные ощущенія состояли въ физическомъ утомленіи и особенной слабости: мнѣ не хотѣлось ни двигаться, ни говорить, однако въ то же самое время я живо сознавала чувства и мысли обо мнѣ каждого изъ присутствующихъ. И это на меня сильно дѣйствовало. Таковы, впрочемъ, чувства, которыя я обыкновенно испы-

тываю на сеансахъ. Но въ настоящемъ случаѣ меня потрясло открытіе частичной дематеріализаціи, когда я вспомнила, что я нахожусь среди чужихъ людей, совершенно незнакомыхъ съ подобными явленіями. И такъ какъ при этомъ необходимо сохранить полное спокойствіе, то мною овладѣлъ, быть можетъ, и неразумный нервный страхъ, тѣмъ болѣе, что дематеріализація продолжалась, какъ казалось мнѣ, дѣлѣй часъ, хотя, въ сущности, я не имѣю понятія, сколько именно времени она дѣйствительно продолжалась. Я чувствовала, что волненіе присутствующихъ замедляло и затрудняло мое возвращеніе въ нормальное состояніе; хотя эта своеобразная полу-дематеріализація и была для меня новостью, однако же вопросъ о томъ, насколько я дематеріализуюсь или же прихожу въ флюидическое или полу-флюидическое состояніе во время сеансовъ, не разъ возникалъ дома, но мы не могли прийти къ окончательному рѣшенію въ виду того, что я сильно страдаю, если до меня дотрогиваются въ то время, когда матеріализованныя фигуры показываются внѣ кабинета. Когда меня держали или до меня дотрогивались во время явленій, я испытывала такіа страданія, что всегда бывала послѣ этого въ продолженіе нѣсколькихъ дней больна.

Когда я въ первый разъ начала сидѣть внѣ кабинета, то случилось нѣчто, послужившее присутствующимъ доказательствомъ того, что мнѣ было доказано инымъ способомъ. Мы всё видѣли, какъ изъ груди моей сталъ выходить какъ бы туманъ, похожій на облако или на паръ. Послѣ нѣкотораго колебательнаго движенія онъ принялъ форму и образъ ребенка, и когда его трогали за лицо, пальцы какъ бы проникали въ него; я же въ это время чувствовала на своемъ лицѣ давленія этихъ пальцевъ. Ребенокъ этотъ былъ чрезвычайно подвижной и

весело барахтался ножками у меня на колѣняхъ совершенно какъ живой. Это заинтересовало Гудсона, сына м-ра Фидлера; ему захотѣлось ощупать ножки. Для этого онъ положилъ свою руку ко мнѣ на колѣни, но она преникла черезъ мои колѣни до самаго стула. Испугавшись, онъ поспѣшно отдернулъ ее, частью вслѣдствіе своего страха, главнымъ же образомъ оттого, что я, не будучи въ состояніи вынести прикосновенія, попросила его тотчасъ же отнять руку. Въ этомъ случаѣ все мое тѣло было, повидимому, въ полу-флюидическомъ состояніи. Я могла говорить и двигаться, но не могла стоять на ногахъ; ноги у меня были какъ будто размяченныя и отказывались держать меня.

Въ другой разъ я, можетъ быть, попробую дать вамъ дальнѣйшее доказательство этого явленія, теперь же я еще не составила плана, какъ это сдѣлать такъ, чтобы избѣгнуть всякихъ серьезныхъ послѣдствій, а также непріятнаго и болѣзненнаго ощущенія во время подобнаго опыта.

Е. д'Эсперансъ.

Готенбургъ, марта 14-го 1894 ¹⁾.

Вопросы, сдѣланные А. Н. Аксаковымъ медиуму, м-съ Эсперансъ, по поводу предшествующаго письма.

1) Главный недостатокъ вашего показанія касается того пункта, что вы сами держали руки изслѣдовавшихъ стулъ и направляли ихъ. Поэтому прошу васъ объяснить: а) зачѣмъ вы это дѣлали? и б) какимъ образомъ стулъ

¹⁾ Я не могъ получить раньше этого показанія, ибо на мою просьбу прислать мнѣ его м-съ Э. отвѣтила, что она слишкомъ еще слаба, и что даже мысль объ этомъ сеансѣ въ связи съ воспоминаніемъ объ ужасныхъ ощущеніяхъ, ею тогда вынесенныхъ, невыносима для нея.

А. А.

былъ изслѣдованъ; ощупывали ли его всего до самой спинки? И что вы тогда чувствовали? Все это чрезвычайно важно.

2) Ваше состояніе было такъ необычайно, что вы, по всей вѣроятности, сами старались насколько возможно опредѣлить всѣ его особенности; такъ, на примѣръ, скажите, проводили ли вы руками подъ верхней частью вашего туловища — было ли пустое пространство между вашимъ тѣломъ и стуломъ? Если было (какъ это увѣряютъ нѣкоторые изъ присутствовавшихъ), то ваше тѣло значить висѣло, такъ сказать, въ воздухъ безъ всякой видимой поддержки.

3) Прошу опредѣлить, насколько точно господа Сейлингъ и Герцбергъ изслѣдовали стулъ; Вольдъ и Шульцъ говорятъ, что они трогали только часть стула.

4) Прошу объяснить, насколько подробно производилъ это изслѣдованіе капитанъ Топпеліусъ: онъ пишетъ, что вы положили его руки или, вѣрнѣе, провели ими вдоль обоихъ своихъ боковъ, пока онъ не прикоснулся къ стулу; итакъ онъ былъ единственный, который удостоившись въ дѣйствительномъ присутствіи верхней части вашего тѣла. Прошу васъ дать ваше показаніе объ этомъ важномъ пунктѣ. Вы говорите объ этомъ очень кратко: «Капитанъ Топпеліусъ тоже ощупывалъ меня». Одной рукой или двумя? Здѣсь всѣ малѣйшія подробности имѣютъ большую цѣну.

5) Въ вашемъ показаніи есть одно выраженіе: «у меня тотчасъ же показалась сильная испарина», именно послѣ того, какъ вы выпили воды. Объясните подробнѣе то, что вы ощущали, когда пили воду въ такомъ необыкновенномъ состояніи?

6) Зачѣмъ недостаетъ еще весьма важнаго пункта, именно сообщенія о состояніи вашего здоровья *послѣ*

гельсингфорскаго случая со всѣми возможными подробностями и, конечно, объ исчезновеніи вашей мелѹмичности. Какимъ образомъ вы замѣтили это исчезновеніе? Когда и какъ появились первые признаки ея возвращенія.

Отвѣты м-съ Эсперансъ на вопросы А. Н. Аксакова.

1) Я направляла руку перваго лица, изслѣдовавшаго стулъ и меня, потому что мнѣ было трудно говорить и потому еще, что не вѣрилось, чтобы это происходило въ дѣйствительности, и я хотѣла, чтобы кто-нибудь другой подтвердилъ мое открытіе прежде, чѣмъ обращать общее на него вниманіе.

Мы быстро провели руками по сидѣнію стула и онѣ прикоснулись къ спинкѣ, причемъ я почувствовала легкое сотрясеніе.

До этого изслѣдованія я чувствовала себя дурно и ощущала въ ногахъ особенную усталость; боли же никакой не чувствовала, кромѣ боли въ шеѣ, до тѣхъ поръ, пока не стали ощупывать стулъ и то, что должно было быть частью моего тѣла, тогда боль сдѣлалась такъ ужасна, будто нервы мои были обнажены и къ нимъ грубо прикасались.

Докторъ Герцбергъ подошелъ по моей просьбѣ и тоже провелъ руками по сидѣнію стула и по тому мѣсту, гдѣ должны были быть мои колѣни. Кажется я не направляла его рукъ, но я въ этомъ не увѣрена. Затѣмъ онъ сѣлъ рядомъ со мною на мѣстѣ, занимаемомъ раньше г-номъ Сейлингомъ. Потомъ подошли господа Шульцъ и Больдъ, чтобы тоже произвести изслѣдованіе; они до нѣкоторой степени заслонили свѣтъ. Двигали они руками какъ-то нерѣшительно и причиняли мнѣ такую

страшную боль, что я схватила ихъ за руки скорѣе для того, чтобы оградить себя, чѣмъ ради чего другого. Кажется, я не очень ясно сознавала, что я въ это время дѣлала.

Движенія ихъ были поспѣшны, нервны и нерѣшительны. Стоя спиной къ свѣту, они затемняли меня, такъ что, можетъ быть, они не могли видѣть такъ хорошо, какъ другіе. Они сдѣлали ошибку, подойдя оба одновременно, ибо мѣшали другъ другу въ своихъ движеніяхъ.

2) Я не знаю, какъ велико было пространство между мовмъ тѣломъ и стуломъ, кажется, оно не всегда было одинаково. Кромѣ моей одежды, не было другой видимой поддержки для моего тѣла.

3) Послѣ того, какъ г-да Шульцъ и Больдъ меня изслѣдовали, я почувствовала себя такой усталой и мнѣ такъ было дурно, что я боялась упасть въ обморокъ. Волненіе между сидящими дѣйствовало на меня очень странно: я страшно боялась чего-то, но чего — сама не знала. Я схватила правую руку д-ра Герцберга въ свою лѣвую и держала ее на сидѣніи своего стула, чтобы удержаться въ прямомъ положеніи, иначе мнѣ казалось, что я упаду впередъ. Нѣкоторое время я сидѣла такъ, продолжая держать руку д-ра Герцберга на стулѣ, что казалось, придавало мнѣ силы. Не могу сказать, какъ долго это продолжалось.

4) Капитанъ Топпеліусъ попросилъ позволенія подойти и какъ только я оправилась отъ страха и дурноты, онъ подошелъ ко мнѣ. Тогда я вынула свою руку изъ руки д-ра Герцберга и взяла руки капитана; боясь боли, осторожно провела его руками отъ мышекъ внизъ до сидѣнія на стулѣ, гдѣ должны были быть мои колѣни, и дальше внизъ вдоль мовхъ ногъ. Тутъ я чуть было

опять не потеряла равновѣсія. Въ ту же минуту она почувствовала какое-то потрясеніе, которое тотчасъ же передалось мнѣ. Она воскликнула: «Боже мой, половина ея тѣла исчезла, мнѣ дурно!» или что-то въ этомъ родѣ. Благодаря его прикосновенію и волненію, слабость моя вернулась, но я замѣтила, когда мы проводили руками внизъ вдоль моего тѣла, что оно оставалось въ цѣлости и ниже талии и не кончалось сразу, такъ какъ я не могу опредѣленно указать, гдѣ началось исчезновеніе. Мнѣ послѣ пришло въ голову, что дематериализація была болѣе общая, нежели казалось вначалѣ, такъ какъ я помню, что, трогая себя и направляя руки капитана, я чувствовала свое тѣло тоньше и мягче, чѣмъ обыкновенно. Но это все были мысли, прішедшія уже послѣ: въ то же время, отъ боли, страха и волненія, я не могла думать ни о чемъ, кромѣ совершившагося явленія.

5) Когда капитанъ снова сѣлъ на свое мѣсто, г-нъ Сейдингъ потребовалъ тишины и полного спокойствія. Она запѣла гимнъ, къ которому присоединились и прочіе, что и помогло водворенію тишины. Я попросила и выпила немного воды и интересовалась узнать, какимъ образомъ вода будетъ поглощена мною. Когда меня не трогали, я не чувствовала никакой боли, только слабость, поэтому могла думать и интересоваться тѣмъ, что меня ожидаетъ: буду ли я опять цѣлой и гдѣ была отсутствующая часть моего тѣла? Все это время я и ближе ко мнѣ сидѣвшіе сознавали и чувствовали, что въ кабинетѣ за мною находилась одна или нѣсколько фигуръ, но когда мною овладѣлъ страхъ, я о нихъ не думала.

Я чувствовала, какъ выпитая мною вода стала выходить черезъ поры на поверхность моей кожи: это меня нѣсколько заинтересовало; затѣмъ я увидала, что одежда

моя стала постепенно наполняться; я не чувствовала уже никакой боли, а только глухое, покалывающее ощущение, как будто «мурашки забѣгали», точно мои ноги «затекли».

Я слѣдила за наполненіемъ моей одежды съ большимъ интересомъ и замѣтила, что мало-по-малу въ кабинетѣ все стихло.

6) Послѣ сеанса я была очень слаба и утомлена, испытывала еще странное чувство, будто все кругомъ меня не было дѣйствительностью, будто все, что я говорила и дѣлала — говорилось и дѣлалось другимъ лицомъ, я же только присутствовала.

Черезъ день или два я вернулась домой, но это ощущение меня не покидало. Я не чувствовала влеченія ни къ развлечениямъ, ни къ работѣ, ничѣмъ не интересовалась, голова была пуста. Пробовала ли я работать, думать или даже писать письма, все это казалось превышало мои силы; если же я заставляла себя дѣлать что-нибудь, то начиналась сильная головная боль. Волосы мои совсѣмъ посѣдѣли и послѣ каждого припадка головной боли сильно падали. Такъ какъ я и всегда охотно спала, то теперь сдѣлалась постоянно сонливою и съ трудомъ бодрствовала впродолженіе дня.

Такое состояніе продолжалось три мѣсяца, по прошествіи которыхъ мнѣ стало лучше. По желанію моихъ друзей, мы втеченіе этого времени нѣсколько разъ пробовали получить спиритическія явленія, думая, что это принесетъ мнѣ пользу, однако же, всѣ наши усилія были напрасны приблизительно до половины марта, когда я присутствовала на одномъ сеансѣ у г-на Карла Нордмарка, гдѣ посредствомъ стуконъ было получено сообщеніе и сдѣлана попытка къ матеріализаціи.

Недѣлю спустя, мы снова попробовали, но безъ

успѣха, а затѣмъ вторично и съ успѣхомъ: материализовалась фигура, которая была узана однимъ или двумя изъ присутствующихъ; затѣмъ, во второй разъ материализовалась вполнѣ вторая фигура, ходила по комнатѣ и была признана многими за мать одного молодого человека, находившагося въ кружкѣ.

Послѣ этого сеанса я болѣе стала чувствовать себя самой собою. Здоровье мое гораздо лучше теперь, чѣмъ оно было все это время послѣ страннаго гельсингфорскаго явленія.

Е. д'Эсперансъ.

Партекирхенъ. Верхняя Баварія, 26-го апрѣля 1894 г.

III.

Разслѣдованіе, произведенное лично А. Н. Аксаковымъ въ Гельсингфорсѣ.

Послѣ всѣхъ вышеприведенныхъ показаній и подробностей, я могъ бы, пожалуй, довольствоваться ими и обойтись безъ поѣздки въ Гельсингфорсѣ. Но данный случай былъ такъ необычаенъ, такъ невѣроятенъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ важенъ, что я счелъ своимъ долгомъ не пренебречь никакимъ средствомъ для его возможно полнаго изслѣдованія. Съ этой точки зрѣнія я вскорѣ призналъ необходимымъ произвести личное разслѣдованіе въ самомъ Гельсингфорсѣ, и призналъ я это по слѣдующимъ причинамъ:

1) Прежде всего мнѣ нужно было лично познакомиться съ лицами, присутствовавшими при описываемомъ явленіи, на основаніи показаній которыхъ долженъ быть рѣшенъ главный вопросъ: *дѣйствительно-ли это явленіе произошло?* Значеніе каждаго показанія, конечно, много зависитъ отъ нравственной и умственной компетенціи свидѣтеля, въ которой мнѣ и требовалось получить несомнѣнную увѣренность. Въ спиритизмѣ особенно

надо быть въ этомъ отношеніи очень осторожнымъ, даже недовѣрчивымъ. Моя многолѣтняя опытность въ этой области, къ сожалѣнію, доказала мнѣ, что самые серьезные люди, даже посвятившіе себя положительнымъ наукамъ, могутъ, когда рѣчь идетъ о спиритизмѣ, видѣть вещи на выворотъ. Съ другой стороны, сильное желаніе добиться, во что бы то ни стало, нѣкоторыхъ явленій, лишаетъ иногда всякой критической способности и дѣлаетъ добывающихся ихъ слѣпыми ко всему, что служить къ отрицанію реальности ожидаемаго явленія... Для меня, слѣдовательно, было очень важно убѣдиться въ томъ, что мои гельсингфорскіе свидѣтели не нестоющіе довѣрія энтузіасты. Каждому изъ нихъ я имѣлъ предложить не мало вопросовъ, чтобы провѣрить и дополнить устно то, что они засвидѣтельствовали письменно.

2) Для меня было очень важно видѣть сеансовую комнату съ тѣмъ же кабинетомъ, съ тѣмъ же расположеніемъ стульевъ и проч., ибо часто самыя простыя вещи, ускользящія отъ описанія, но бросающіяся въ глаза при личномъ осмотрѣ, получаютъ большое значеніе для оцѣнки какого-нибудь факта.

3) Чтобы составить себѣ вполне ясное и точное понятіе о главныхъ моментахъ этого достопамятнаго сеанса, я собирался, когда пріѣду на мѣсто, сдѣлать ему, такъ сказать, репитицію, т. е. насколько возможно, повторить его съ помощью главныхъ свидѣтелей. Изъ напечатанной переписки читатели уже знаютъ, что г. Сейлингъ, въ чьемъ домѣ происходилъ сеансъ, обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе, а г-жа Ельтъ была настолько любезна, что предложила сыграть роль медиума, одѣвшись въ платье такого же цвѣта, какое было въ томъ сеансѣ на медиумѣ. Я же, пользуясь этимъ любезнымъ предложе-

ніемъ, просилъ ее заказать себѣ (конечно на мой счетъ) платье и того же самаго фасона, въ виду того, что въ данномъ случаѣ фасонъ, какъ мы увидимъ, играетъ большую роль.

4) Наконецъ, для меня еще болѣе важно было составить себѣ точное понятіе о количествѣ допущеннаго на этомъ сеансѣ свѣта и о способѣ освѣщенія. Что касается обоихъ въ сеансовой комнатѣ оконъ, то мы знаемъ, что на одномъ изъ нихъ бѣлая стора была спущена, а на другомъ поднята. Отсюда новое осложненіе: такимъ образомъ приходилось принять еще къ свѣдѣнію количество и самый родъ свѣта, приходившаго извнѣ; малѣйшій лунный свѣтъ очень бы измѣнилъ вопросъ освѣщенія. Но, по сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ, сеансъ происходилъ при полномъ отсутствіи луны, стало быть требовалось сообразить мой пріѣздъ съ этимъ условіемъ, что я и сдѣлалъ, отправившись въ Гельсингфорсъ 18-го февраля (2-го марта) 1894 года; я пріѣхалъ туда на слѣдующій день, пробывъ въ дорогѣ 14 часовъ. Поездка неособенно трудная, еслибъ мое плохое здоровье не осложняло бы для меня всякое путешествіе.

Я тотчасъ отправился къ г. Сейлингу, который тутъ же представилъ меня своей женѣ. Приняли они меня самымъ радушнымъ образомъ. Послѣ нашей продолжительной переписки мы встрѣтились какъ старые знакомые и тотчасъ же перешли въ сеансовую комнату, гдѣ все ужъ было приготовлено точно такъ-же, какъ во время знаменитаго сеанса. Я нашелъ тамъ тотъ же кабинетъ, устроенный изъ ширмъ (займствованныхъ и теперь, какъ и тогда, у генерала Топеліуса), покрытыхъ пледами, составлявшими занавѣски, а передъ кабинетомъ тотъ же стулъ, на которомъ м-съ Эсперансъ сидѣла во время сеанса, возлѣ же него съ обѣихъ сто-

ронъ стояли стулья для членовъ кружка. Первое, что меня поразило, это очень небольшой размѣръ комнаты, гдѣ для пятнадцати стульевъ едва нашлось мѣсто. Такъ близко находились они одинъ возлѣ другого, что между медиумомъ и его ближайшими сосѣдами едва ли было какое-нибудь свободное пространство; все было занято ногами и колѣнами сосѣдей; это подтвердили мнѣ г-нъ и г-жа Сейлингъ, и тутъ же доказали фактически. Обстоятельство очень важное, ибо оно прямо исключаетъ возможность тѣхъ движеній медиума, какими генералъ Седергольмъ пробуетъ объяснить интересующій насъ фактъ.

Вскорѣ затѣмъ пріѣхали г-жи Ельтъ и Тавашерна. Г-жа Ельтъ, переодевшись въ то бѣлое платье фасона *princesse*, которое она заказала себѣ по моей просьбѣ, тотчасъ же посвятила меня въ тайны этого туалета, указавъ, почему объясненіе генерала Седергольма вполне неподходяще, т. е. почему, ставъ за стуломъ, невозможно покрыть его юбкой платья, такъ чтобы присутствующіе продолжали думать, что медиумъ сидитъ на своемъ мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что платье это не растягивается сполна ни спереди, ни сзади, а надѣвается сверху, растягиваясь спереди только до пояса; сверхъ того, фасонъ этотъ требуетъ какъ подкладку дѣлй чехолъ изъ колленкору, къ которому платье пришивается, иначе его очень тонкая матерія не могла бы держаться, а чехолъ этотъ дѣлается очень узкимъ, безъ всякихъ складокъ въ юбкѣ, такъ что предполагаемыя ухищренія медиума совершенно невозможны. Вотъ какъ придуманныя объясненія, безъ точной провѣрки легко приводятъ къ отрицанію факта, кажущагося невѣроятнымъ.

Послѣ этого небольшого и столь новаго для меня туалетнаго урока, мы приступили къ повторенію сеанса.

Г-жа Ельть заняла мѣсто медиума, а другіе свидѣтели свои тогдашнія мѣста: г. Сейлингъ по лѣвую ея руку, а г-жа Сейлингъ по правую, г-жа же Тавашерна налѣво отъ г-на С. (капитана Топеліуса въ Гельсингфорсѣ въ то время не было). Имѣя въ рукахъ подробное описаніе сеанса г-жею Ельть, я сталъ читать его, постепенно разспрашивая свидѣтелей обо всѣхъ малѣйшихъ обстоятельствахъ сеанса, дополняя описаніе личнымъ представленіемъ наиболѣе интересныхъ и замѣчательныхъ моментовъ. Г-жа Ельть давала мнѣ то словесно, то посредствомъ представленія всѣ подробности съ такою точностью, что не было возможности усумниться въ вѣрности ея наблюденій и въ остротѣ ея памяти. Отчетъ ея объ этомъ сеансѣ вѣренъ до послѣдней строчки; мнѣ пришлось прибавить къ нему лишь очень мелкія подробности, помѣщенные въ выноскахъ подъ отчетомъ. Такимъ образомъ, напр., ставъ за занавѣски и посадивъ на мѣсто медиума г-на Сейлинга, она повторила съ замѣчательной точностью появленіе руки, вырвавшей карандашъ и бумагу изъ рукъ медиума. Я же неоднократно прерывалъ ея представленіе вопросомъ: «А въ эту минуту вы ясно видѣли медиума сидящимъ на своемъ мѣстѣ, а также и руки его, держащія бумагу?» И всякій разъ г-жа Ельть давала мнѣ съ полной увѣренностью утвердительные отвѣты. Этотъ инцидентъ имѣетъ важное значеніе, какъ несомнѣнно устанавлиющій чудесный и невѣроятный фактъ матеріализаціи, заключающей въ себѣ возможность и другого не менѣе чудеснаго и невѣроятнаго факта — дематеріализаціи. Когда мы дошли до этого инцидента, г-жа Ельть перешла на мѣсто, занимавшееся ею во время сеанса, и показала мнѣ, какъ подъ вліяніемъ крайняго любопытства, она такъ приблизилась къ медиуму, что часто

не болѣе полуфута раздѣляло ихъ между собою, особенно когда она наклоняла голову, чтобы видѣть еще лучше. Я старался выяснитъ, могла ли г-жа Ельтъ замѣтить ту разницу въ складкахъ платья медіума во время исчезновенія его ногъ, какую видѣла въ немъ г-жа С. Такъ какъ г-жа Е. сидѣла подъ другимъ угломъ зрѣнія, чѣмъ г-жа С., она естественно не могла видѣть профиля этого платья, ясно вырисовывшагося передъ глазами г-жи С., при помощи свѣрхъ того и освѣщенія, падающаго со стороны подъ прямымъ угломъ, чѣмъ не пользовалась г-жа Ельтъ, имѣвшая передъ собою черный фонъ кабинета. Много и другихъ вопросовъ, предложенныхъ мною г-жѣ Е. письменно, были тутъ повторены и еще разъ выяснены.

Точно также были мною спрошены и остальные три свидѣтеля, каждый о томъ обстоятельстве, какое ему всего удобнѣе было наблюдать съ своего мѣста; такъ г-на С. и г-жу Е. о появленіи съ ихъ стороны руки — *правой*, хотя на лѣвой сторонѣ отъ медіума и на высотѣ, доказывавшей, что рука эта могла принадлежать лишь человѣку, *стоящему* за занавѣской. И, конечно, уже больше всего о самомъ явленіи дематеріализаціи, которое г. С. могъ наблюдать лучше всѣхъ: я просилъ его показать мнѣ на томъ же стулѣ, какимъ образомъ онъ изслѣдовалъ его по просьбѣ м-съ Э., что онъ и исполнилъ.

— «Одного не достааетъ вашему свидѣтельству—сказалъ я г-ну С.— почему вы не провели рукой за стуломъ, чтобы убѣдиться, что медіума тамъ не было?» — «Мысль эта не могла придти мнѣ въ голову—отвѣтилъ С.— зачѣмъ пойду я искать м-съ Э. за стуломъ, когда я вижу ее передъ собою сидящей на своемъ стулѣ. Не забудьте, что въ продолженіе этого времени, я разъ, по

ея просьбѣ, подалъ м-съ Э. пистъ, что дозволило мнѣ видѣть еще съ большей увѣренностью, что она находится на своемъ мѣстѣ». На это объясненіе мнѣ нечего было возразить ему.

Г-жа С., съ своей стороны была тщательно распрошена мною о подробностяхъ ея очень важнаго показанія, подтвержденнаго ею по всѣмъ пунктамъ, въ особенности на счетъ подробности, касавшейся платья, т. е. юбки медиума, которая прежде висѣла вертикально на стулѣ, а потомъ стала постепенно наполняться и принимать очертанія, соответствующія появленію вновь колѣней и ногъ медиума.

Однимъ словомъ, въ продолженіе цѣлыхъ четырехъ часовъ я утомлялъ своимъ чтеніемъ, разпросами и возраженіями этихъ четырехъ лицъ и получилъ глубочайшее убѣжденіе, что все происходило именно такъ, какъ они свидѣтельствовали въ самомъ началѣ.

Послѣ утренней репетиціи сеанса мнѣ оставалось еще сдѣлать репетицію освѣщенія сеансовой комнаты въ данный вечеръ, чтобы убѣдиться, что упомянутые свидѣтели могли дѣйствительно видѣть то, что они описывали. Съ этой цѣлью мы опять собрались у г-на Сейлинга въ 8 часовъ вечера, и я имѣлъ удовольствіе встрѣтить у него еще двухъ свидѣтелей сеанса: генерала Тонеліуса и инженера г. Шульца. Задача устроить точно такое же освѣщеніе была далеко не такъ легка, какъ наше утреннее дѣло. Конечно, та же маленькая лампа была поставлена въ ту же печную нишу, какъ и тогда, но, къ сожалѣнію, г. Сейлингу не удалось найти ту же красную бумагу, какую употребляли въ тотъ вечеръ для уменьшенія свѣта. Вслѣдствіе этого мнѣнія раздѣлялись: то взятая теперь бумага давала слишкомъ много свѣта, то слишкомъ мало. Наконецъ, удалось найти освѣщеніе, признанное

всѣми наиболѣе подходящимъ къ тогдашнему. Но г-нъ Сейлингъ утверждалъ, что тогда было свѣтлѣе, ибо на крышахъ лежалъ снѣгъ и отблескъ его проникалъ въ комнату сквозь окно съ поднятой сторой; въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ сказалъ, что тогда онъ видѣлъ на своихъ карманныхъ часахъ положеніе стрѣлокъ — освѣщеніе дѣйствительно совершенно достаточное; во всякомъ случаѣ я удостовѣрился, что и при устроенномъ нами освѣщеніи г-нъ Сейлингъ несомнѣнно могъ видѣть медиума сидѣвшаго передъ нимъ на разстояніи всего одного фута, что я провѣрилъ, сѣвши на его мѣсто, а перейдя на другую сторону, на мѣсто, занимаемое тогда г-жею Ельтъ, я убѣдился, что и она могла на бѣломъ фонѣ сторы ясно видѣть очертанія и бюстъ медиума, сидѣвшаго между сторой и ею, и слѣдить за его движеніями.

Слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію, что способность видѣть въ темнотѣ не у всѣхъ одинакова, и у иныхъ лицъ достигаетъ замѣчательной степени. Я зналъ одну особу, видѣвшую въ темнотѣ на полу булавку. Что же касается г-жѣ Ельтъ и Тавашерна, то, по ихъ словамъ, онѣ пользуются отличнымъ зрѣніемъ.

Я сказалъ уже выше, что цѣнность всякаго свидѣтельства много зависитъ отъ личныхъ качествъ свидѣтеля. Съ удовольствіемъ могу теперь прибавить, что я вынесъ наилучшее впечатлѣніе о четырехъ свидѣтеляхъ, подтверждающихъ необыкновенный фактъ, о которомъ идетъ рѣчь. Я нашелъ въ г-нѣ Сейлингѣ человѣка точной науки, готоваго безпристрастно изучать всякое явленіе природы. Я уже сказалъ въ выноскѣ, что г-нъ Сейлингъ профессоръ механической технологіи, общаго машиновѣдѣнія и кинематики въ Гельсингфорскомъ политехникумѣ, стало быть человѣкъ, привыкшій къ математи-

ческой точности, къ наблюденію и изслѣдованію явленій природы съ технической точки зрѣнія. Я очень удивился, увидавъ у него въ кабинетѣ портретъ философа Майнлэндера, на что онъ сообщилъ мнѣ, что ученіе этого философа ему особенно симпатично, что онъ серьезно изучалъ его и даже издалъ брошюру подъ заглавіемъ: «Майнлэндеръ — новый мессія». Такъ что и въ отношеніи философскаго направленія мыслей г. Сейлингъ никакъ не можетъ считаться склоннымъ къ спиритизму, ибо Майнлэндеръ, какъ пантеистъ и ученикъ Шопенгаура, противникъ всякаго ученія, признающаго личное безсмертіе. Слѣдовательно, участіе г-на Сейлинга въ первый разъ въ жизни въ спиритическихъ сеансахъ никакъ не могло быть вызвано предрасположеніемъ какъ къ ученію спиритовъ, такъ и къ спиритическимъ явленіямъ, и свидѣтельство его никакъ не можетъ быть заподозрѣно въ пристрастіи.

Г-жи Сейлингъ и Тавашерна несомнѣнно должны быть признаны отличными свидѣтельницами: многосторонне образованныя, съ умомъ свѣтлымъ и положительнымъ, спокойнаго и серьезнаго характера, каждое слово ихъ внушало полное довѣріе. Рассказывали онѣ объ такъ хладнокровно и послѣдовательно то, что видѣли и наблюдали, что слушателю становилось ясно, насколько въ словахъ ихъ не было ни преувеличенія, ни фантазій, ни чего либо предвзятаго.

Что же касается г-жи Ельтъ, то я уже сказалъ выше, что меня поразила замѣчательная точность въ ея отчетѣ о данномъ сеансѣ. Личное знакомство съ нею только усилило это впечатлѣніе: я нашелъ въ ней наилучшее олицетвореніе здороваго, практически дѣятельнаго ума. Впечатлѣніе мое было вполне подтверждено всѣмъ, что я о ней слышалъ отъ лицъ, хорошо ее знавшихъ.

Кстати, мнѣ попался въ руки номеръ отъ 18-го марта 1892 года шведскаго женскаго журнала «Идунъ» съ ея краткимъ биографическимъ очеркомъ и портретомъ, гдѣ г-жу Ельтъ называютъ одной изъ наиболѣе выдающихся и замѣчательныхъ женщинъ въ Финляндіи. Какъ оказывается, она ввела совершенно новую отрасль труда для финскихъ женщинъ, а именно — рѣзбу по дереву; и въ 1885 году учредила въ Гельсингфорсѣ школу для обученія преподавательницъ этого издѣлія. Позднѣе она открыла въ окрестностяхъ Гельсингфорса паровую фабрику разныхъ столярныхъ издѣлій, имѣющую, также какъ и школа, большой успѣхъ. Изъ этихъ указаній ясно, что г-жа Ельтъ ни по своему характеру, ни по своимъ занятіямъ не могла быть расположена къ увлеченію спиритизмомъ, прежде чѣмъ не убѣдилась въ реальности его фактовъ неопровержимыми доказательствами.

Я придаю большое значеніе тому, что эти четыре свидѣтеля имѣли уже предварительно нѣсколько сеансовъ съ миссисъ Эсперансъ. Ибо когда наблюдатель знакомъ ранѣе съ явленіями, при которыхъ присутствуетъ, для него выясняются тѣ слабыя и болѣе подозрительныя стороны, на которыхъ слѣдуетъ сосредоточивать вниманіе для окончательнаго вывода и заключенія.

На слѣдующее утро я направился къ генералу Топеліусу, чтобы выразить ему мою благодарность за доставленіе мнѣ въ самомъ началѣ отчетовъ о сеансѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, предложить ему нѣсколько вопросовъ о м-сѣ Эсперансъ, жившей въ его домѣ. Я очень сожалѣлъ, что супруга его и дочь, также какъ и сынъ его, капитанъ Топеліусъ, отсутствовали; особенно досадно было, что мнѣ не удалось видѣть капитана, одного изъ болѣе важныхъ свидѣтелей явленія дематериализаціи, какъ это видно изъ его выше напечатаннаго показанія.

Затѣмъ я поѣхалъ къ генералу Седергольму, съ которымъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться раньше въ Петербургѣ, гдѣ онъ навѣстилъ меня, желая выразить мнѣ свою благодарность, какъ издателю на нѣмецкомъ языкѣ заинтересовавшихъ его сочиненій Дэвиса. Что же касается настоящаго случая, въ немъ то интересно, что м-съ Эсперансъ пріѣхала въ Гельсингфорсъ только по настоятельной просьбѣ генерала. Онъ самъ ѣздилъ въ Готенбургъ приглашать ее, но перспектива давать сеансы въ неизвѣстной ей, весьма разнородной средѣ, очень мало знакомой съ спиритизмомъ, нисколько ей не улыбалась, не говоря уже о томъ, что отсутствіе изъ Готенбурга въ октябрѣ и ноябрѣ, не менѣе какъ на цѣлый мѣсяцъ, совсѣмъ не согласовалось съ интересами коммерческаго дѣла, при которомъ она служила. Однимъ словомъ, м-съ Эсперансъ не могла еще рѣшиться принять приглашеніе генерала, когда одно обстоятельство измѣнило ея воззрѣнія. Вотъ что она писала мнѣ 23-го августа:

«Недавно мы были обрадованы посѣщеніемъ генераль-маіора Седергольма. Онъ намъ всѣмъ понравился, — и пребываніе его среди насъ, хотя очень непродолжительное, доставило намъ удовольствіе. Онъ желалъ присутствовать на моихъ сеансахъ, но тогда ихъ невозможно было устроить, такъ какъ никого не было дома, а я чувствовала себя не совсѣмъ здоровой. Онъ прислалъ намъ нѣсколько изданныхъ имъ на шведскомъ языкѣ книгъ о спиритуализмѣ. Намъ очень удивило его серьезное продолжительное изученіе предмета, мнѣ же было и досадно и совѣстно, что въ бытность его здѣсь я отказала ему въ моей помощи для дальнѣйшаго изслѣдованія. Очень объ этомъ сожалею и постараюсь исправить мою ошибку, когда будетъ можно».

Нѣсколько позднѣе отъ 27-го сентября м-съ Эсперансъ писала мнѣ:

«До сихъ поръ ничего еще не рѣшено на счетъ моей поѣздки въ Гельсингфорсъ; отлучиться мнѣ очень трудно, но я сознаю себя не въ правѣ отказываться отъ случая поработать на пользу спиритизма, не зная сколько мнѣ еще остается времени для этого дѣла; я почувствовала бы себя очень несчастной, когда-бы пришлось упрекнуть себя въ томъ, что не сдѣлала всего, что могла бы сдѣлать».

И наконецъ, отъ 11-го октября м-съ Эсперансъ писала мнѣ:

«Дня два тому назадъ я написала генералу Седергольму, какъ я сожалѣю, что отказалась помочь ему тогда, какъ онъ былъ здѣсь, но что теперь я охотно это сдѣлаю, иначе совѣсть совсѣмъ бы меня измучила».

Вотъ какимъ образомъ случилось, что м-съ Эсперансъ пріѣхала въ Гельсингфорсъ, за что генераль Седергольмъ вознаградила ее оскорбительнѣйшей статьей, помѣщенной имъ въ самой распространенной гельсингфорской газетѣ, въ которой онъ даетъ ясно понять, что сама м-съ Эсперансъ, своей особой исполняетъ роль духовъ. Любовь къ истинѣ на столько ослѣпляетъ генерала, что онъ ставитъ ни во что общепринятая приличія, не обращаетъ вниманія на то, что м-съ Эсперансъ не дѣлаетъ изъ своей медиумической способности профессіи, что она пріѣхала въ Гельсингфорсъ по его же просьбѣ, съ цѣлью дать нѣсколько частныхъ сеансовъ кружку, заинтересованному вопросомъ,— и бросаетъ ей въ лицо свое оскорбленіе съ ея полнымъ именемъ!.. Дѣло въ томъ, что генераль ожидалъ отъ этихъ сеансовъ нѣчто совершенно иное. Вѣроятно, пораженный дошедшими изъ Швеціи извѣстіями объ истинно чудесныхъ сеансахъ,

бывшихъ въ Христiанiи, онъ надѣялся на подобныя же результаты, но прiнявъ въ расчетъ того, какъ много потрудился кружокъ, собравшiйся въ Христiанiи для достиженiя этихъ результатовъ.

Нѣтъ ничего болѣе сложнаго, болѣе темнаго и болѣе обманчиваго, какъ эти матеріализаціонныя явленiя. Только продолжительныя наблюденiя, и въ исключительныхъ условiяхъ, заставляютъ насъ признать ихъ реальность. Но существованiе факта еще очень далеко отъ его философи. Необходимы еще болѣе продолжительное изученiе и въ особенности многолѣтнiй опытъ въ области спиритизма, чтобы проникнуться тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что мистификація преслѣдуетъ насъ въ ней на каждомъ шагу, начиная съ простыхъ ступоковъ до поражающаго явленiя матеріализаціи. Если въ изученiи физическихъ явленiй природы заблужденiя и разочарованiя нерѣдко были и продолжаютъ быть удѣломъ человѣческой науки, тѣмъ неизбѣжнѣе они въ области психическихъ изслѣдованiй. Цѣлыя тысячелѣтiя вѣрили мы въ восходъ и заходженiе солнца, а давно ли мы ихъ поняли? Точно также и въ спиритизмѣ: цѣлое полстолѣтiе наблюдаемъ мы его явленiя, будемъ наблюдать ихъ еще нѣсколько вѣковъ, но скоро-ли мы поймемъ ихъ?

Опытные спириты становятся все болѣе и болѣе осторожными во всемъ, что касается спиритической теорiи, а тѣмъ болѣе еще относительно спиритическаго ученiя, но неопиты, простые сердцемъ, разочарованные въ жизни, много потерпѣвшiе отъ ея испытанiй, принимаютъ ихъ съ восторгомъ. Точно также и въ данномъ случаѣ, потребность сердца была главной побудительной причиной, привлекавшей генерала Седергольма къ этимъ сеансамъ. Онъ искалъ утѣшенiя, а нисколько не стремился изслѣдовать интересное явленiе. Велико же было его разоча-

рованіе! Почтенный генераль ожидалъ видѣть тотчасъ же появленіе недавно скончавшейся дочери, а вмѣсто того увидалъ двойника медиума, принявшаго имя его дорогой отшедшей. Увы! это такъ часто бываетъ въ спиритизмѣ. Письменныя сообщенія наполнены такими персонификаціями. Вѣроятно и генераль имѣлъ не разъ случай получать такія сообщенія, но не счелъ нужнымъ изобличать написавшихъ ихъ медиумовъ въ поддѣлкѣ, ибо мистификація на письмѣ не такъ волнуетъ насъ, какъ мистификація въ человѣческомъ образѣ!

Повидимому, генераль совсѣмъ не былъ знакомъ съ извѣстными въ литературѣ наблюденіями спиритовъ касательно философіи матеріализацій, представляющихъ въ большей части случаевъ двойниковъ медиума. Матеріализованная фигура можетъ быть совершенно тождественна съ формой медиума, и эта все-таки не можетъ служить доказательствомъ обмана съ его стороны. Вотъ, что не было извѣстной генералу. Въ своемъ негодованіи, вопль извинительномъ съ точки зрѣнія чувства, но неизвинительномъ съ точки зрѣнія разумнаго и серьезнаго изслѣдованія, онъ поспѣшилъ напечатать статью, оскорбительную для чести м-съ Эсперансъ. Статья эта, правда, вызвала въ Гельсингфорсѣ самыя горячія опроверженія со стороны лицъ, имѣвшихъ случай видѣть факты, прямо противорѣчащіе обвиненіямъ генерала, но опроверженія остались въ Гельсингфорсѣ, а клевета обошла весь свѣтъ, безъ всякаго возраженія.

Во время моего свиданія съ генераломъ я могъ убѣдиться въ его полномъ невѣдѣніи предмета. Когда я изложилъ ему въ нѣсколькихъ словахъ вопросъ матеріализаціи, какъ я изложилъ его выше въ I-й главѣ, и рассказалъ ему о моемъ свиданіи съ Кэти Кингъ, это видимо было для него цѣлымъ откровеніемъ, а между

тъмъ онъ говорилъ, что прочиталъ мою книгу «Анимизмъ и Спиритизмъ»!

Затѣмъ я отправился къ генералу Галиндо, давнишнему моему знакомому. Онъ былъ моимъ спутникомъ во время поѣздки въ Готенбургъ въ 1890 году. И его привлекала къ спиритизму также сердечная потребность утѣшенія и поддержки въ тяжелыхъ испытаніяхъ этой жизни. Онъ присутствовалъ на нѣкоторыхъ изъ моихъ тогдашнихъ сеансахъ съ м-съ Э., но не нашелъ въ нихъ того, чего искалъ. Продолжая интересоваться этимъ вопросомъ, онъ, конечно, принималъ участіе въ гельсингфорскихъ сеансахъ. Зная его за хорошаго наблюдателя, хотя и скептика, но скептика вполне честнаго, я просилъ его извѣщать меня обо всемъ, у нихъ происходившемъ, что онъ и исполнилъ; но онъ не увидѣлъ на этихъ сеансахъ ничего удовлетворительнаго, благодаря слабому освѣщенію, а иногда и полной темнотѣ, къ сожалѣнію допущенной м-съ Э., снисходя на убѣдительныя просьбы присутствовавшихъ, стремившихся помочь явленіямъ, которымъ мѣшала дисгармоническая среда новичковъ. Когда я сталъ спрашивать генерала Галиндо о занимавшемъ меня сеансѣ, онъ отвѣчалъ, что на немъ было такъ темно, что онъ ровно ничего не видалъ. А такъ какъ и онъ высказалъ мнѣ нѣкоторыя сомнѣнія, я попросилъ его дать мнѣ свое письменное показаніе совершенно откровенно, но онъ этого не сдѣлалъ.

Для завершенія моего изслѣдованія мнѣ оставалось повидаться еще съ нѣсколькими свидѣтелями; болѣе другихъ интересовали меня бывшіе въ числѣ пяти осматривавшихъ стулъ съ медіумомъ, а именно гг. Герцбергъ и Больдтъ. Благодаря любезному посредничеству г. Сейлинга, господа эти посѣтили меня въ моей гостиницѣ въ вечеръ этого же дня. Г. и г-жа Сейлингъ и г-жи

Ельтъ и Тавашерна присоединились къ нимъ. Такимъ образомъ мы еще разъ разсмотрѣли все за и противъ въ этомъ необычайномъ случаѣ. Г. Герцбергъ, по моей просьбѣ, показалъ мнѣ на стулѣ, какимъ образомъ онъ изслѣдовалъ тотъ стулъ, на которомъ сидѣла м-съ Э. во время матеріализаціи: онъ провелъ руками по всему сидѣнью вплоть до спинки. Когда же глубоко удивленный показаннымъ, я переспросилъ его:

— Какъ, вы совершенно увѣрены въ томъ, что провели руками до спинки?

— Конечно, отвѣтилъ онъ, совершенно такъ, какъ я вамъ сейчасъ показалъ.

— Вы давали пить м-съ Э. во время явленія?

— Да.

— Видѣли-ли вы ея голову, руки, бюстъ, какъ принадлежавшіе лицу, сидѣвшему на стулѣ?

— Конечно видѣлъ, но, по правдѣ сказать, я не съ достаточно критическимъ вниманіемъ отнесся къ дѣлу. Вообразите, я находился тогда подъ впечатлѣніемъ — понятнымъ, полагаю—что все это не можетъ быть очень серьезно.

— А провели вы рукою за стуломъ, чтобы удостовѣриться, что тамъ никого не было?

— Я думалъ, что сдѣлать это нужно, но по вышесказанной сейчасъ мною причинѣ я не сдѣлалъ.

Въ своемъ продолжительномъ разговорѣ со мною г. Герцбергъ сообщилъ мнѣ много интересныхъ подробностей на счетъ видѣннаго имъ на сеансахъ м-съ Э. Многое, когда ему удавалось наблюдать явленіе и медиума одновременно, онъ нашелъ совершенно доказательнымъ, другое же представлялось ему нѣсколько сомнительнымъ; такъ, на примѣръ, когда онъ рукою удостовѣрился въ отсутствіи тѣла медиума на стулѣ, на ко-

торомъ онъ долженъ былъ сидѣть. «Но теперь, — прибавилъ онъ, — въкоторыя соображенія заставляютъ меня заключить, что отсутствіе это могло еще не быть доказательствомъ обмана со стороны медіума».

Г. Болдтъ не могъ сказать мнѣ ничего положительнаго, ибо онъ ошупалъ стулъ только частью, а не весь, и очень спѣшно; показаніе его ограничилось тѣмъ, что въ томъ, какъ медіумъ сидѣлъ на стулѣ, онъ не замѣтилъ ничего ненормальнаго.

На слѣдующій день я вернулся въ Петербургъ очень довольный результатомъ моего разслѣдованія и тѣмъ, что мое обычное болѣзненное состояніе не помѣшало мнѣ совершить эту поѣздку.

Какое же долженъ я вывести заключеніе изъ всего предыдущаго?

Въ отвѣтъ бросимъ бѣглый взглядъ на всѣ данныя *за* и *противъ* подлинности изслѣдуемаго явленія. Сперва займемся возраженіями *противъ*.

1) Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, что м-съ Э. сама направляла руки лицъ, изслѣдовавшихъ сидѣнье, стало бытъ изслѣдованіе было несвободно. Возраженіе это дѣйствительно вѣское. Но станемъ на минуту на мѣсто м-съ Э. и допустимъ, что явленіе было реальнымъ. Возможно-ли ей было въ это время оставаться въ нормальномъ состояніи? Неожиданность, странность явленія, страхъ, ею испытанный, не могли не повергнуть ее въ ужасъ и волненіе. Вѣдь это былъ вопросъ жизни и смерти. И мы легко поймемъ состояніе крайняго испуга и нервности, испытанное м-съ Э. «Въ эту минуту, говоритъ она, я плохо сознавала, что дѣлала». И если мы примемъ еще во вниманіе невыразимую боль, ощущавшуюся ею при малѣйшемъ прикосновеніи «къ тому, что

имѣло быть частью ея тѣла», боль, сравниваемую м-съ Э. съ грубымъ прикосновеніемъ къ обнаженному нерву, и сверхъ того вспомнимъ щеботливое и неловкое положеніе женщины, обращающейся къ мужчинамъ съ просьбою удостовѣриться въ исчезновеніи ея бедръ и ногъ, то найдемъ совершенно естественнымъ, что м-съ Э. схватывала руки, направляя ихъ сама во время изслѣдованія стула, на которомъ сидѣла. И то удивительно, что у нея достало присутствія духа понять все важное значеніе происходившаго и подумать о констатированіи явленія, насколько это было возможно. Какъ бы то ни было, возраженіе это падаетъ передъ положительнымъ утвержденіемъ двухъ свидѣтелей г. Сейлинга и г. Герцберга, которые, хотя руки ихъ и находились въ рукахъ м-съ Э., все-таки изслѣдовали все сидѣнье стула до самой спинки.

2) Второе возраженіе состоитъ въ томъ, что ни одинъ изъ свидѣтелей не удостовѣрился посредствомъ зрѣнія или осязанія, что во время исчезновенія ногъ никого не было за стуломъ медиума. Возраженіе вѣское, но вполне опровергнутое согласными показаніями шести лицъ, изъ которыхъ двое—гг. Сейлингъ и Герцбергъ—утверждаютъ, что видѣли м-съ Э. на ея стулѣ въ то время, какъ они его изслѣдовали, а одинъ—капитанъ Топеліусъ—свидѣтельствуетъ, что онъ не только видѣлъ на стулѣ весь бюстъ медиума, но и ощупалъ его обѣими руками отъ плечъ и до сидѣнья. Чего яснѣе? Сверхъ того, мы имѣемъ свидѣтельство еще трехъ лицъ—г-жи Сейлингъ, г-жи Ельтъ и г-жи Тавашерна, которыя утверждаютъ, что во все продолженіе сеанса, въ особенности же во время дематеріализаціи, видѣли медиума *на его стулѣ* и сверхъ того видѣли платье его отвѣсно висѣвшимъ на сидѣньи и потомъ наполнявшимся, а медиума все время сидѣвшимъ и не трогавшимся съ своего

мѣста. Показанія тѣхъ, кто ничего изъ этого не видѣлъ, конечно не могутъ уничтожить положительныхъ и ясныхъ показаній тѣхъ, кто видѣлъ.

3) Третье возраженіе состоитъ въ томъ, что подобное исчезновеніе половины живого тѣла невозможно, недопустимо, нелѣпо. Куда же исчезла на цѣлую четверть часа половина тѣла, и какъ могла другая половина его жить въ такомъ состояніи, говорить, пить воду? Я совершенно понимаю всю силу такого возраженія и всю фізіологическую невозможность допустить подобное явленіе. Но съ общей точки зрѣнія всѣ физическія явленія спиритизма невозможны и — какъ это любятъ повторять — прямо противорѣчатъ вѣчнымъ законамъ природы. Самопроизвольныя движенія неодушевленныхъ предметовъ, кратковременныя появленія совершенно пластическихъ рукъ — развѣ это не нелѣпость, не невозможность!! На это спиритизмъ можетъ только возразить: а между тѣмъ все это факты, видѣнные и удостовѣренные тысячами лицъ, и слѣдовательно, изучать ихъ обязательно. Въ настоящемъ случаѣ единственная, серьезная сторона возраженія та, что этотъ фактъ *единиченъ*. Въ виду этого, конечно, болѣе, чѣмъ желательно, чтобы явилась возможность наблюдать его еще много разъ.

Послѣ этихъ трехъ возраженій, по моему мнѣнію, достаточно опровергнутыхъ, я долженъ высказать слѣдующія соображенія, говорящія въ пользу явленія.

1) Очень важный, по моему, пунктъ — это согласіе этого явленія съ общей спиритической теоріей, относящейся къ явленіямъ подобнаго рода, и, въ особенности, съ фактами и гипотезами, изложенными мною въ началѣ этой статьи. Еслибъ это было шутка, фокусъ, подстроенный м-съ Э., онъ могъ бы оказаться въ прямомъ противорѣчій со всѣми предыдущими наблюденіями и

теоріями въ области спиритизма, и тогда придуманное ею чудо, оказавшись логически и исторически несостоятельнымъ, могло бы оказаться только смѣшнымъ.

2) Что въ этомъ случаѣ особенно доказываетъ полное чистосердечіе м-съ Э., это ея недовѣріе къ самой себѣ. Боясь возможнаго обмана чувствъ, она не спѣшитъ заявлять о чудѣ; не она сама восклицаетъ: «у меня нѣтъ болѣе ногъ»; напротивъ, не сказавъ о томъ ни слова, она тотчасъ же подзываетъ г-на Сейлинга и проситъ его, хорошенько осмотрѣть ея стулъ, сказать, дѣйствительно ли она сидитъ на немъ. Такъ какъ она такимъ образомъ—что очень важно—тотчасъ же огласила фактъ, который для нея былъ явленіемъ, а другимъ кажется теперь ловкимъ фокусомъ и такъ какъ она дала тотчасъ же возможность изслѣдовать это явленіе, то этимъ самымъ она отдавала себя въ руки наблюдателей — сожгла свои корабли. Если бы это былъ дѣйствительно необдуманннй фарсъ съ ея стороны, еслибъ ей удалось посредствомъ какой-то ловкой продѣлки стать незамѣтно за стуломъ, пока ничье вниманіе не было обращено въ эту сторону, то разъ возбудивши его и когда всѣ глаза, въ особенности ея ближайшихъ сосѣдей, обратились на нее, *возвращеніе ея на стулъ, такъ чтобы никто этого не замѣтилъ, становилось полной невозможностью.* Желая удивить міръ этимъ чудомъ, этимъ ловкимъ фокусомъ, она сама бы себя выдала.

3) Въ-третьихъ, результаты моего разслѣдованія на мѣстѣ доставили мнѣ нѣмое, но очень краснорѣчивое доказательство противъ возможности подобнаго фокуса. Это именно чисто физическія условія мѣста, гдѣ будто бы происходилъ этотъ фокусъ. Дѣло въ томъ, что сосѣди медиума какъ слѣва, такъ и справа сидѣли такъ близко отъ его стула, что пройти за стулъ, не зацѣ-

нивъ ногъ сосѣдей, было *физическою невозможностью*. Сверхъ того, чтобы совершить это перемѣщеніе, медиумъ долженъ былъ встать съ своего мѣста, а упомянутые сосѣди единогласно утверждаютъ, что ни разу медиумъ не оставлялъ сидячаго положенія, принятаго имъ въ началѣ сеанса, — чего, благодаря его бѣлому платью, они проглядѣть не могли бы.

4) Я не могу умолчать здѣсь о моемъ личномъ наблюденіи, имѣющемъ для меня въ этомъ случаѣ очень важное значеніе: дѣло въ томъ, что м-съ Э., — хотя это можетъ показаться страннымъ — никогда не пьетъ воды, ни за обѣдомъ и завтракомъ, ни въ промежуткахъ, а пьетъ только во время матеріализаціонныхъ сеансовъ и пьетъ много. Я зналъ это по ея словамъ, знаю и по моему собственному наблюденію, когда она жила у меня. Многимъ извѣстно, что графинъ воды необходимъ на сеансахъ м-съ Э., многіе знаютъ еще, что она пьетъ много, именно когда сеансъ удаченъ и матеріализаціи происходятъ, въ особенности послѣ появленія вполне сформированной фигуры; но немногіе знаютъ, что въѣ сеансовъ она никогда не пьетъ воды. Для меня тотъ фактъ, что она два раза просила пить именно въ продолженіе четверти часа, когда заявляли о частичномъ исчезновеніи ея тѣла, служить доказательствомъ происхожденія процесса дематеріализаціи. Ибо ясно, что эта дематеріализація ея тѣла — явленіе обычно совершающееся во время происходящихъ на ея сеансахъ матеріализаціяхъ, но, обыкновенно, она не даетъ себѣ въ немъ отчета и что эта сильная жажда именно во время этихъ явленій возбуждается огромной потерей жизненнаго элемента, вѣроятно, совершающейся тогда въ ея тѣлѣ.

5) Наконецъ, развѣ мы не должны обратить вниманіе на крайне нервное состояніе, сопровождавшееся то-

ской и страданіями, въ какомъ м-сь Э. тогда находилась? Говорить она о немъ и сама, свидѣтельствуютъ и лица, вблизи его наблюдавшія. Также какъ и на чрезмѣрный упадокъ силъ тотчасъ послѣ сеанса, поразившій генерала Топпелюса? Было ли и все это тоже хорошо разыгранной комедіей; но зачѣмъ? съ какой цѣлью? — обыкновенно матеріализаціи не сопровождаются страданіемъ. Мнѣ кажется, что невозможно читать безыскусственное показаніе м-сь Э., не почувствовавъ его искренности. Она говоритъ: «Моя нервность и страхъ увеличивались съ каждой минутой, я чувствовала себя крайне нехорошо». Я ей вполне вѣрю. Впродолженіе моего долгаго пребыванія въ Готенбургѣ я успѣлъ узнать м-сь Э., какъ женщину глубоко правдивую и искреннюю и я не имѣю никакой причины сомнѣваться въ ея показаніи объ этомъ необыкновенномъ случаѣ. И теперь, когда я пишу это ровно годъ спустя, могу ли я не принять также во вниманіе болѣе чѣмъ непріятныя послѣдствія, вызванныя этимъ случаемъ, отразившіяся на ея здоровьи вообще, и на ея медиумической способности въ частности, совершенно у нея исчезнувшей, не исключая даже самаго легкаго ея проявленія въ автоматическомъ письмѣ. Впродолженіе трехъ мѣсяцевъ — ровно ничего; приходилось заключить, что медиумическая сила потеряна ею навсегда. Нервное потрясеніе было такъ сильно, что впродолженіе всего этого времени она не могла приняться за свои конторскія занятія, оставленныя ею на время ея пребыванія въ Гельсингфорсѣ. Всякая умственная работа была выше ея силъ. Лѣто, проведенное въ Баваріи, какъ будто возвратило ей силы, но едва она пріѣхала въ Готенбургъ, какъ тотъ же крайній упадокъ ихъ проявился снова. Для г-на Седергольма и К^о все это не существуетъ; м-сь Э. пріѣзжала и уѣхала и за-

нимающее насъ явленіе было ничто иное, какъ ловкій фокусъ, о которомъ вспоминають со смѣхомъ. Но для м-съ Э. тяжелыя послѣдствія этого такъ называемаго фокуса—продолжительная грустная реальность, и я, постоянно получавшій извѣстія о мученіяхъ, черезъ которыя она прошла, не могу не принять ихъ во вниманіе и не видѣть въ нихъ самаго положительнаго доказательства того, насколько совершившійся съ нею фактъ былъ далеко не шуткой.

И теперь, подводя итогъ всѣмъ даннымъ *за* и *противъ* явленія, я не могу не признать, что данныя *за* берутъ верхъ надъ данными *противъ* и что явленіе дѣйствительно произошло.

Я совершенно понимаю, насколько подобный фактъ сказоченъ и невѣроятенъ даже *для насъ*, спиритовъ, не говоря уже о постороннихъ, вѣроятно, считающихъ меня помѣшавшимся. Но разъ мы признаемъ явленіе матеріализаціи — которое *для насъ* неоспоримый фактъ — дематеріализація является его дополненіемъ, логически неопровержимымъ. Теоретическія умозрѣнія мои о явленіи Кэтъ Кингъ, изложенныя въ I главѣ, представляются мнѣ вполне логически допустимыми, дающими ключъ къ логической возможности занимающаго насъ явленія. Но почему же оно такъ поражаетъ насъ?—потому, что необычайное явленіе всегда легче допустимо, какъ логическій постулатъ, чѣмъ видимое нашими собственными глазами и осязаемое собственными руками.

Дополненіе.

Нахожу полезнымъ представить здѣсь въ подкрѣпленіе моихъ словъ слѣдующія извлеченія изъ писемъ ко мнѣ м-съ Э.; въ нихъ предстанетъ какъ въ зеркалѣ

точное отраженіе ея физическаго и нравственнаго состоянія въ продолженіе послѣдняго года.

Готенбургъ, 7-го января 1894 года.

... «О сеансахъ въ Христіаніи (новая серія которыхъ должна была начаться 12-го января, согласно прежнему приглашенію, принятому м-сь Э. — А. А.) еще нѣтъ и рѣчи, такъ какъ мой медиумизмъ, со времени моего послѣдняго сеанса въ Гельсингфорсѣ, еще не возвращался, и я думаю, что для многихъ будетъ и лучше, если онъ и вовсе мнѣ не возвратится, такъ какъ онъ многимъ, повидимому, причиняетъ безпокойство и непріятности. Лично мнѣ это безразлично — никто во мнѣ не нуждается; но вся эта газетная огласка и всѣ оскорбительныя статьи бросаютъ подозрѣніе на тѣхъ, кто меня защищаетъ, и на г-на Фидлера и его семью падаетъ значительная доля непріятностей и поношеній, которыя относятся ко мнѣ; и не только это, но даже причиняютъ не малый матеріальный ущербъ, потому что многіе отказываются имѣть дѣло съ лицами, столь близко прикосновенными къ такой «обманщицѣ», какъ я...»

«Съ тѣхъ поръ какъ я вернулась изъ Финляндіи, мнѣ постоянно нездоровилось. Меня безпокоитъ и угнетаетъ особенное ощущеніе утраты чего-то, и я не могу отъ этого отдѣлаться. Я не знаю, что я утратила, развѣ мой медиумизмъ; но это ощущеніе—угнетающее и весьма странное... Но я все-таки думаю, что медиумизмъ мой вернется, желаю ли я этого или не желаю...»

Готенбургъ, 30-го января 1894 года.

... «Нѣтъ! Мой медиумизмъ не вернулся! Я сдѣлала нѣсколько попытокъ, чтобы убѣдиться въ этомъ, больше изъ чувства долга, нежели по какому-либо другому побужденію, потому что, повидимому, добра отъ этого

нѣтъ никому, сравнительно съ тѣми громадными неприятностями, которыя онъ каждому причиняетъ. Если онъ вернется, я думаю, что я имъ буду вновь пользоваться, но я искренно надѣюсь, что этого не случится...»

«Пожалуй и жалко, что сеансы въ Христіаніи не состоялись! Если я когда-нибудь буду въ силахъ, я исполню данное имъ мною обѣщаніе, но если нѣтъ, то, можетъ быть, это и къ лучшему!»

... «Я думаю, что вамъ удастся получить полное и настоящее подтвержденіе того, что произошло на послѣднемъ сеансѣ въ Гельсингфорсѣ, ибо было бы слишкомъ горько, еслибъ оказалось, что я поплатилась и своимъ медіумизмомъ и своимъ здоровьемъ понапрасну. Утрата того и другого и разстройство всей моей нервной системы явились, я знаю, послѣдствіемъ того факта, что я допустила столь многихъ изъ присутствующихъ къ изслѣдованію явленія...»

... «Я не могу сказать, что я нездорова, но мнѣ крайне тяжело всякое занятіе, требующее малѣйшаго напряженія мысли. Еслибы это было мнѣ возможно, я готова была бы лежать цѣлые часы, ничего не дѣлая; но слишкомъ у меня много работы, чтобы позволить себѣ нѣчто подобное.»

Готенбургъ, 6-го февраля 1894 года.

... «Я надѣюсь, что вы добьетесь чего-нибудь положительнаго о послѣднемъ сеансѣ. Мнѣ кажется, что я никогда такъ не желала получить подтвержденія случившагося, какъ въ этотъ разъ; и зная, какъ трудно добиться обстоятельнаго подтвержденія явленія въ такихъ случаяхъ, когда не является сомнѣнія, я недоумѣваю, легко ли этого будетъ достигнуть на этотъ разъ.»

«Во всякомъ случаѣ я всегда буду жалѣть, что это

случилось среди таких новичковъ, какъ въ Гельсингфорсѣ.»

«До сихъ поръ нѣтъ никакого признака возвращенія моего медиумизма...»

Готенбургъ, 4-го марта 1894 года.

... «Вамъ интересно будетъ узнать, что недѣлю тому назадъ я была на сеансѣ у г-на Нордмарка, президента здѣшняго психо-физическаго общества, и получились достаточныя доказательства тому, что мои медиумическія способности до нѣкоторой степени возвратились; мы получили сообщеніе путемъ стуковъ, которое впослѣдствіи было провѣрено; это нѣчто похожее на случай Стромберга...»

Готенбургъ, марта 15-го 1894 года.

... «Мой медиумизмъ, повидимому, возвращается по мѣрѣ того, какъ поправляется мое здоровье; 10-го состоялся сеансъ у г-на Нордмарка и очень удачный...»

Партенкирхенъ въ Верхней Баваріи
6-го апрѣля 1894 года.

«Вы удивитесь, конечно, получивъ письмо изъ этого укромнаго уголка... Одинъ изъ хорошихъ моихъ друзей, баронесса фонъ Ц., приглашала меня уже давно пріѣхать къ ней, но я равнѣе все еще недостаточно была здорова, чтобы пуститься въ путь; какъ только я достаточно окрѣпла, она пріѣхала за мной и мы пріѣхали съ ней сюда... Я никому не сообщила моего адреса, потому что не желаю, чтобы меня приглашали на сеансы. Теперь я только художница, пока совсѣмъ не оправлюсь. Съ тѣхъ поръ какъ я знаю, что мой медиумизмъ не пропадетъ, я могу ждать терпѣливо и дать ему оправиться отъ испытаннаго потрясенія...»

Партенкирхенъ, 26-го апрѣля 1894 года.

... «Я почти совсѣмъ оправилась, хотя не думаю, чтобы воздухъ здѣшнихъ долинъ былъ для меня вполнѣ пригоденъ...»

Партенкирхенъ, 14-го мая 1894 года.

... «Я теперь совсѣмъ поправилась и силы мои снова вернулись; если я чувствовала себя вначалѣ нѣсколько слабой, то, можетъ быть, это было послѣдствіемъ стоявшей здѣсь сильной жары...»

Готенбургъ, 23-го іюня 1894 года.

... «Я вернулась домой съ мѣсяць тому назадъ, чтобы дать возможность кассиру нашей конторы уѣхать въ отпускъ... Я теперь совсѣмъ здорова, пребываніе въ Баваріи въ концѣ концовъ оказало благоприятное дѣйствіе, хотя вначалѣ казалось, что оно скорѣе разстраивало мои нервы...»

Готенбургъ, 20-го октября 1894 года.

... «Когда я писала, что я совсѣмъ здорова, то это было написано преждевременно, ибо, едва я вернулась домой, какъ почувствовала, что сдѣлала ошибку, уѣхавши изъ Альпъ такъ рано; когда я принялась за свое обычное дѣло, я убѣдилась, что я совсѣмъ не пригодна къ нему, и до сихъ поръ не могла имъ заняться. На самомъ дѣлѣ, я сегодня въ первый разъ сначала сентября встала съ постели. Нашъ докторъ сказалъ сегодня, что я не должна оставаться на зиму въ Швеціи, и совѣтовалъ какъ возможно скорѣе уѣхать сколь можно южнѣе... Это очень непріятно, такъ какъ я очень желала снова приняться за работу...»

Вилла Кларенція, Монтрё, Швейцарія,
20-го декабря 1894 года.

... «Вотъ я и въ Швейцаріи, пытаюсь поправить свое здоровье; не то, чтобы я была очень больна, но самые пустяки меня раздражаютъ и разстраиваютъ окончательно. Да, это послѣдствія этого сеанса, которыя даютъ себя помнить цѣлый годъ. Вся нервная система поражена; какъ только я простужусь, или не слѣдую совсѣмъ строго предписанной діетѣ, я осуждена лежать въ постели... Мнѣ казалось, что я настолько поправилась лѣтомъ послѣ моего продолжительнаго отпуска, что я вернулась къ моимъ занятіямъ, но уже, спустя нѣсколько дней, я убѣдилась, что здоровье мое настолько же плохо, какъ и раньше, что я совсѣмъ неспособна заниматься какимъ-либо умственнымъ трудомъ. Я вынуждена была также совсѣмъ покинуть занятіе живописью... Въ другихъ отношеніяхъ я здорова; я могу достаточно ѣсть, спать и гулять.»

«У меня все еще не вернулся прежній цвѣтъ волосъ (это въ отвѣтъ на мой вопросъ о состояніи волосъ м-сь Э. — А. А.); вся часть надъ лбомъ и теменемъ бѣлые, остальные волосы черные; мнѣ кажется, однако, что новые волосы, которые растутъ вмѣсто выпадающихъ сѣдыхъ — темные, но они дѣлаются тотчасъ же сѣдыми, когда появляется у меня нервная головная боль, что случается при самомъ ничтожномъ поводѣ.»

IV.

Личныя ощущенія медиума во время матеріалізаціоннаго сеанса по его собственнымъ показаніямъ ¹⁾).

Миссисъ Эсперансъ единственный мнѣ извѣстный медиумъ, не впадающій въ трансъ въ матеріалізаціонныхъ сеансахъ и это вслѣдствіе условія, заключеннаго ею съ невидимыми силами, когда ея медиумическія способности для матеріалізаціи обнаружались. Обнаруженіе это произошло случайно слѣдующимъ образомъ, какъ она сама мнѣ рассказывала. Пріѣхавъ однажды къ своей любимой подругѣ миссисъ Фэрлямъ (теперь миссисъ Меллонъ), уже извѣстной въ качествѣ медиума для матеріалізаціи, и не найдя кэба для возвращенія домой, она была вынуждена пробыть у нея долѣе обыкновеннаго. Миссисъ Эсперансъ, не сомнѣваясь, впрочемъ, въ честности своей подруги, все-таки не вѣрила матеріалізаціи. Чтобы провести время и позабавиться, миссисъ Фэрлямъ предложила своей гостѣ сѣсть одной въ кабинетѣ, устроенномъ въ ея комнатѣ для сеансовъ. Только что миссисъ Э. со смѣхомъ усѣлась тамъ, какъ появилась фигура... Послѣ этого ея, конечно, не оставили въ покоѣ, настаивая на продолженіи сеансовъ, но наслышавшись достаточно объ обвиненіяхъ противъ медиумовъ, разыгрывающихъ роль «духовъ», и о неприяностяхъ, которымъ они тѣмъ самымъ подвергались,—она согласилась садиться въ кабинетъ *только при одномъ условіи*: ни-

¹⁾ Эта глава составляетъ одну изъ главъ разслѣдованія моего о гельсингфорскомъ сеансѣ миссисъ Эсперансъ, напечатаннаго въ моемъ нѣмецкомъ журналѣ «Psychische Studien». Русскій переводъ былъ помѣщенъ въ «Ребусъ» въ 1895 году, подъ заглавіемъ «Выдающееся явленіе въ области матеріалізаціи».

когда не впадать въ трансъ, а оставаться все время въ полномъ сознаниі, если только «духи» могутъ дѣйствовать при такихъ условіяхъ. Они отвѣтили, что это возможно и обѣщали никогда не погружать ея въ трансъ.

Такимъ образомъ, миссисъ Э., находясь въ кабинетѣ, была вполне увѣрена, что ея не заставятъ безсознательно играть роль духа. Вотъ почему она такъ удивилась и пришла въ такое негодованіе, неожиданно признавъ себя, такъ сказать, жертвой иллюзіи, подъ влияніемъ которой, при полномъ сознаниі, что она сидитъ въ кабинетѣ, тѣло ея находилось внѣ его и разыгрывало роль, навязанную ей незримыми дѣятелями. Это было для нея цѣлымъ *откровеніемъ* ¹⁾ и *съ тѣхъ поръ она не иначе* соглашалась продолжать свои сеансы, какъ *сидя внѣ кабинета*.

Находясь въ Готенбургѣ въ 1890 году я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы предложить медиуму рядъ вопросовъ относительно его физическаго и умственнаго состоянія во время матеріализаціонныхъ сеансовъ. Миссисъ Эсперансъ самымъ любезнымъ образомъ согласилась исполнить мое желаніе. Я предлагалъ вопросы, а м-ръ Фидлеръ ²⁾ стенографировалъ отвѣты медиума. Затрудняясь въ то время согласовать это совершенное раздвоеніе тѣла медиума — эту, говоря языкомъ современнаго гипнотизма, полную экстеріоризацію съ яснымъ сознаниемъ медиума, что онъ сидитъ на своемъ мѣстѣ въ кабинетѣ, — я не рѣшился тогда опубликовать эти отвѣты. Теперь же, послѣ гельсингфорскаго явленія, служащаго нагляднымъ примѣромъ — «*demonstratio ad oculos*» того, что можетъ произойти на еще высшей

¹⁾ См. I-ю главу напечатанной въ «Ребусъ» въ 1895 году статьи: *Выдающееся явленіе въ области матеріализаціи*.

²⁾ Хозяинъ дома, гдѣ происходили Готенбургскіе сеансы.

ступени этой фазы медиумическихъ явленій, я считаю себя вправѣ предать гласности нижеслѣдующіе матеріалы, въ убѣжденіи, что придетъ время, когда они будутъ оцѣнены по достоинству.

Вотъ вопросы и ответы медиума.

1-й вопросъ. Что вы чувствуете тѣлесно и умственно, сидя въ темномъ кабинетѣ, когда явленіе начинается?

Ответъ. Въ самомъ началѣ, когда я усядусь и занавѣски задернутся, я чувствую потребность знать — сидятъ-ли члены кружка, какъ слѣдуетъ, по своимъ мѣстамъ. Пока я могу ихъ видѣть, я не чувствую никакой попытки со стороны «духовъ» воспользоваться мною; когда занавѣски задернуты, мое вниманіе обращено на присутствующихъ, и если среди нихъ беспорядокъ, то я чувствую себя возбужденной, и пока все не устроится, я не достаточно покойна для того, чтобы могли начаться явленія.

Когда же наступаетъ полная тишина и спокойствіе, я чувствую, что ни о чемъ болѣе не забочусь, даже о себѣ самой. И чѣмъ долѣе я сижу, тѣмъ менѣе забочусь о чемъ бы то ни было, заявляю же я, что кто-то находится въ кабинетѣ лишь потому, что считаю своимъ долгомъ извѣщать о томъ присутствующихъ, а совсѣмъ не отъ того, что это имѣетъ какой-либо интересъ для меня самой.

Когда въ кружкѣ кто-либо двигается или мѣняетъ мѣсто, то какъ будто разрываетъ этимъ какую-то связь и причиняетъ остановку въ явленіяхъ. Въ послѣднемъ сеансѣ я почувствовала, что кто-то ушибся, но кто это былъ и насколько силенъ ушибъ — этого я не знала.

Первое, что я чувствую, когда покойно усядусь въ кабинетѣ, это какъ-бы паутину на лицѣ и на рукахъ, и тру тогда лицо и руки. Чувство это проходитъ и я

начинаю ощущать, какъ воздухъ наполняется какимъ-то веществомъ, и мнѣ становится тяжело дышать. Когда же и это проходитъ, я знаю, что фигура сформировалась. Начинаются явленія ощущеніемъ паутины, которое впродолженіе всего сеанса уже не возвращается, и только въ одномъ случаѣ, если сеансъ прерывается, ощущеніе паутины является снова.

Когда сеансы не удаются, я замѣчаю, что паутина все время исчезаетъ, и, повидимому, не является ни фигуры, ни другихъ признаковъ матеріализаціи. Если черезъ занавѣску проходитъ ко мнѣ хотя небольшой свѣтъ, я могу видѣть бѣлую парообразную массу, движущуюся вокругъ, какъ паръ локомотива. Я часто вкладывала въ него руку, чтобы изслѣдовать, что это такое, такъ сказать, ощутить этотъ паръ, но ни разу не имѣла такого ощущенія, что рука моя до чего-нибудь дотрогивается. Вижу я это не такъ часто, да и въ очень рѣдкихъ случаяхъ проявляется у меня достаточно любопытства изслѣдовать, что такое этотъ движущійся паръ. Меня это до нѣкоторой степени интересуетъ лишь потому, что другіе могутъ быть этимъ заинтересованы, иначе я бы осталась вполне равнодушной.

Послѣ того, какъ этотъ паръ впродолженіе нѣсколькихъ минутъ, а, можетъ быть, и получаса, клубится и двигается во всѣ стороны, онъ вдругъ останавливается, и я знаю, что возлѣ меня уже стоитъ живое существо. Движеніе пара можетъ продолжаться не болѣе минуты, и живое существо уже появляется.

Одновременно съ ощущеніемъ паутины я начинаю испытывать чувство пустоты, но замѣчаю я его только въ самомъ началѣ, хотя и позднѣе, какъ мнѣ кажется, оно меня не покидаетъ. Когда пробую двинуться, то не сознаю разстоянія. Я не могу сказать, насколько да-

леко я подвинула палець; когда же онъ двинулся, я не могу сказать, гдѣ прекратится его движеніе. Это можно сравнить съ движеніемъ членовъ въ водѣ. Законы тяжести, какъ будто приостановлены. Я знаю, что становлюсь, такъ сказать, все болѣе и болѣе безчувственной, и хотя я знаю, что между мною и концомъ кабинета очень небольшое разстояніе, мнѣ представляется, что кабинетъ исчезъ и нѣтъ тутъ никакого предѣла. Когда приходитъ Иоланда, мнѣ кажется, что она пришла очень издалика ¹⁾.

2-й вопросъ. Замѣтили-ли вы что прежде матеріализуется: тѣло или одѣяніе? Имѣли-ли вы возможность наблюдать, какъ одѣвается Иоланда? Не замѣтили-ли вы, что для своего одѣянія она пользуется вашими вещами?

Отвѣтъ. Когда царь превращается въ живое существо, я никогда не могу опредѣлить, что сперва образуется: сама ли фигура или ея одѣяніе. Превращеніе происходитъ такъ быстро, можно сказать, мгновенно, что я не могу сказать, что появляется прежде — тѣло или одежды. Иоланда, большей частью, подходит ко мнѣ, какъ только матеріализовалась. Ея приближеніе всегда возбуждаетъ во мнѣ нѣкоторый къ ней интересъ, хотя я рѣдко имѣю случай ее видѣть. Появленіе ея всегда неожиданно, отъ того-ли, что я утрачиваю чувство своей предѣльности и всякое появленіе представляется мнѣ идущимъ издалика, что и возбуждаетъ мое любопытство.

Я клала на нее руку и трогала ея волосы, но никогда не было у меня желанья внимательно ихъ разслѣдовать. На послѣднемъ сеансѣ она положила голову ко мнѣ на колѣни и я чувствовала у себя на рукахъ ея волосы;

¹⁾ Постоянно являвшаяся въ то время фигура.

плечи ея, локти и руки были голые. Насколько я знаю, она никогда не брала ничего из моего туалета для своей одежды. Однажды г-жа Фидлеръ замѣтила, что отдѣлка ея юбки совершенно походила на мою; но тщательно осмотрѣвъ эту отдѣлку, мы убѣдились, что она была чиста, сплюснута и лежала въ комодѣ, не тронутая. Послѣ этого случая я во время сеансовъ всегда надѣвала юбки съ темной отдѣлкой, такъ какъ Йоланда всегда появлялась въ бѣломъ.

Когда Лейлу ¹⁾ фотографировали, я замѣтила при вспышкѣ магнія, что на ней была такая же шаль, какая есть у меня, подаренная моему отцу султаномъ Абдуль-Азисомъ за какую-то оказанную ему услугу во время Крымской кампаніи. Тотчасъ же послѣ сеанса я пошла отыскивать мою шаль, и нашла ее тщательно сложенною на ея обычномъ мѣстѣ, въ комодѣ, подъ замкомъ.

Во время пребыванія Йоланды внѣ кабинета, мнѣ случалось вліяніемъ моей воли заставлять ее приходиться ко мнѣ, что очень ее сердило; она хотѣла, чтобы я дозволила ей возвратиться къ кружку.

3-й вопросъ. Когда Йоланда появляется между занавѣсокъ, ясно-ли вы ее видите? Что вы тогда чувствуете, и почему не отвѣчаете на вопросы?

Отвѣтъ. Когда Йоланда стоитъ въ разрѣзѣ занавѣски, и я могу ее видѣть, я чувствую себя сонливой и равнодушной ко всему, что происходитъ; вѣроятно, причина тому моя слабость, полное безсиліе чѣмъ-нибудь заняться.—Когда ко мнѣ обращаются съ вопросомъ, мнѣ нужно, такъ сказать, собрать мои мысли и силы, чтобы быть въ состояніи отвѣтить. Я чувствую и думаю смутно,

¹⁾ Има одной изъ матеріализованныхъ фигуръ, появившихся на цѣлой серіи сеансовъ, данныхъ миссисъ Эсперансъ г. Хеллунду въ 1889 году въ Готенбургѣ.

какъ-бы во снѣ. Я могу думать и чувствовать, но не двигаться, будучи какъ-бы парализованной.

4-й вопросъ. Движенія тѣла рукъ и ногъ Иоланды производятъ-ли какое воздѣйствіе на ваше собственное тѣло.

Отвѣтъ. Всякое сколько-нибудь рѣзкое движеніе Иоланды производитъ во мнѣ испарину. Я не знаю, гдѣ она двигается, только чувствую, что двигается, потому что знаю по опыту, что всякое усиліе съ ея стороны болѣе истощаетъ меня, чѣмъ мое собственное.

Часто по окончаніи сеансовъ я нахожусь въ такой испаринѣ, что бываю вынуждена все на себѣ перемѣнить. Въ нормальномъ же состояніи у меня, можно сказать, никогда не бываетъ испарины. Когда я беру турецкія ванны, то необходимо сильно нагрѣть ихъ, чтобы вызвать испарину.

5-й вопросъ. Когда Иоланда находится совсѣмъ внѣ кабинета, знаете ли вы это? Что вы тогда чувствуете? Существуетъ-ли какое либо отношеніе, какая либо связь между ею и вами? Когда кто-нибудь изъ присутствующихъ до нея дотрагивается, или она сама кого-нибудь трогаетъ, чувствуете ли вы это?

Отвѣтъ. Когда Иоланда внѣ кабинета, я это знаю, но, можетъ быть, потому, что видѣла, какъ она вышла. Когда она дематериализуется внѣ, я чувствую, что становлюсь сильнѣе, и заключаю изъ этого, что она ушла, но не могу сказать, что знаю это какъ нѣчто несомнѣнное. Когда она дематериализуется внѣ моего помѣщенія, я не знаю, совсѣмъ ли она исчезла, или вошла въ кабинетъ, такъ какъ я этого не видала. Все, что я чувствую, когда она находится внѣ кабинета, это нервный страхъ за нее, за то, что она теперь дѣлаетъ, такъ какъ, ускользнувъ изъ подъ моего надзора, она можетъ сдѣлать то, чего не слѣдуетъ дѣлать. Я никогда не думаю

о себѣ, а только о ней, точно какъ бы она была ребенкомъ, ввѣренный моему попеченію. Этого никогда не бываетъ относительно другихъ матеріализованныхъ фигуръ, до тѣхъ мѣнѣ нѣтъ дѣла, онѣ для меня ничто; нѣсколько интересуютъ меня, пожалуй, но нисколько не беспокоятъ.

Можетъ быть, причиною этого безпокойства относительно Іоланды то, что ее не разъ раздражали. Такъ, напримѣръ, когда м-ръ Джоржъ Джексонъ былъ здѣсь во время нашихъ опытныхъ сеансовъ, онъ былъ причиною ея раздраженія. Когда Іоланда стала выбрасывать на полъ драпировавшую ее ткань, онъ подумалъ, что она отдаетъ ее ему, и попробовалъ положить ее въ карманъ, но какъ онъ ни старался ее упрятать, ткани все какъ будто прибавлялось и прибавлялось. Іоланда совсѣмъ не желала, чтобы онъ ею завладѣлъ, и стала выказывать признаки нетерпѣнія и досады. Присутствующіе сказали м-ру Джексону, чтобы онъ не трогалъ ткани, но не понимая по-шведски, онъ продолжалъ засовывать ее въ карманъ. Наконецъ, Іоланда окончательно разсердилась и начала топтать ногою. Тогда Джексонъ понялъ, что ошибся, и возвратилъ ей ея ткань. Я ясно видѣла ее на порогѣ кабинета, но не могла понять, что съ нею случилось. Я видѣла только, какъ она топала ногой и дергала свою вуаль.

Когда Іоланда, находясь внѣ кабинета, до когонибудь дотрагивается или кто до нея дотрагивается, я всегда это чувствую. Я не знаю, когда она просто прогаетъ какой-нибудь предметъ, напримѣръ, книгу, столъ, но если она что-нибудь схватить, я чувствую, какъ мои мускулы напрягаются, какъ будто схватила это я сама.

Когда она окунула руку въ растопленный парафинъ,

я почувствовала ощущение обжога¹⁾. Во время сеансовъ у м-ра Хедлунда я помню одинъ вечеръ, въ который онъ приподнял занавѣску по срединѣ кабинета; повидимому, въ эту минуту Иоланда попала ногой на гвоздь, я тотчасъ же почувствовала боль въ ногѣ, а она ничего не чувствовала. Позднѣе боль прошла; вернулась лишь въ концѣ сеанса.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Ньюкастлѣ она держала въ рукахъ розанъ и укололась шипомъ, я тотчасъ же почувствовала уколъ въ пальцѣ. Она сначала обратилась къ одному изъ присутствующихъ, чтобы вынулъ шипъ, но онъ ея не понялъ и она пришла за тѣмъ же ко мнѣ.

За исключеніемъ боли (когда Иоландѣ случалось ощущать ее) я не чувствую, чтобы между нею и мною существовала *какая нибудь связь*, что касается до моего личнаго я. Я отлично чувствую, что ничего не потеряла, кромѣ чувства тѣлесности; я знаю, что въ присутствіи Иоланды я не теряю ни способности мыслить, ни способности рассуждать; напротивъ, рассудокъ мой еще болѣе проясняется. Хотя она беретъ часть моего тѣла, но я однако знаю, что она не завладѣваетъ моими мыслями и способностями.

6-й вопросъ. Были ли вы когда въ состояніи видѣть Иоланду, когда она находится въ комнатѣ вдали отъ кабинета?

Отвѣтъ. Я видѣла ее играющей въ кабинетѣ на органчикѣ, когда она случайно нѣсколько приподняла занавѣску. И въ другіе разы я видала ее по ту сторону занавѣски. Во время сеансовъ у м-ра Хедлунда я часто

¹⁾ Это происходило на одномъ изъ моихъ сеансовъ; я приготовилъ парафинъ, растопленный въ горячей водѣ, чтобы попробовать получить форму руки Иоланды. А. А.

видала ее, когда она производила опыты со свѣтомъ, чтобы узнать, до какой степени я могу его переносить; она привязывала занавѣси кверху такъ, чтобы я могла ее видѣть. Я видѣла ее тоже, когда она осматривала комнату. Но когда я желаю ее видѣть, что со мной иногда случается, я не имѣю силы приподнять занавѣску.

Разъ шесть я совершенно ясно видѣла Иоланду внѣ кабинета; однажды въ Ньюкастлѣ она подошла ко мнѣ черезъ третье отдѣленіе кабинета, пройдя по всей комнатѣ. Я видѣла, какъ она вышла, и тогда потеряла ее изъ виду и ничего уже не знала о ней, пока она не приблизилась ко мнѣ на разстояніе нѣсколькихъ футовъ. *Я пошла съ нею*, она обняла меня за талію и помогла мнѣ дойти до органа. Иногда она матеріализовалась вонѣ меня внѣ кабинета, и тогда я могла ее видѣть такъ же, какъ и остальные присутствующіе.

7-й вопросъ. Замѣчаете ли вы во время сеансовъ какія-нибудь измѣненія въ вашемъ состояніи тѣлесномъ или умственномъ, которыя соотвѣтствовали бы явленіямъ?

Отвѣтъ. Соотвѣтственно образованію призраковъ, ихъ исчезновенію или движенію, я испытываю тѣлесныя впечатлѣнія, какъ, напр., ощущеніе пустоты или парализаціи; но ощущенія эти тотчасъ же проходятъ, какъ только призракъ исчезаетъ. Что касается моего умственного состоянія, то это совершенно напротивъ: живость въ моихъ впечатлѣніяхъ несравненно сильнѣе въ первой фазѣ явленія, чѣмъ въ нормальномъ состояніи, въ которомъ не бываетъ ни матеріализаціи, ни призраковъ.

Я знаю и чувствую все, что происходитъ внѣ кружка. Я видѣла, что вы отлучились ¹⁾; я знаю, когда кто-ни-

¹⁾ Это относится къ слѣдующему случаю: на одномъ изъ сеансовъ, когда все уже было готово—миссисъ Эсперансъ въ кабинетъ,

будь ходить въ какой бы то ни было части дома, и знаю это гораздо яснѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ въ обыкновенномъ состояніи. Я слыхала бой часовъ на церковной башнѣ; могу слышать свистки пароходовъ въ гавани, также и шумъ стѣ проходящихъ поѣздовъ, что невозможно въ нормальномъ состояніи.

8-й вопросъ. Слышите ли вы, что говорятъ между собою присутствующіе, въ особенности если рѣчь идетъ объ Іоландѣ?

Отвѣтъ. Я слышу разговоры присутствующихъ, и мнѣ кажется, что я даже знаю, что они думаютъ: когда кто-нибудь говоритъ съ Іоландой, на какомъ бы то ни было языкѣ, мнѣ кажется, что я какъ будто знаю, что они хотятъ сказать. Я узнаю не потому, что они дѣлаютъ, а потому, что они думаютъ.

9-й вопросъ. Дотрогивается ли до васъ когда либо Іоланда, и что вы въ такомъ случаѣ ощущаете?

Отвѣтъ. Когда я трогаю Іоланду, я чувствую, какъ будто я трогаю самое себя; но такъ какъ при этомъ я ощущаю четыре руки, то и заключаю, что руки эти не мои. Въ одномъ изъ сеансовъ, когда она взяла обѣ мои руки, одну, чтобы держать гитару, а другую для игры на струнахъ, у меня было такое ощущеніе, что я играю

занавѣси опущены, всё по своимъ мѣстамъ, освѣщеніе установлено—только дверь еще не была заперта на ключъ, чѣмъ я воспользовался, чтобы выйти на минуту изъ комнаты, не дѣлая ни малѣйшаго шума. Когда я вернулся, мнѣ сказали, что миссисъ Эсперансъ воскликнула: «нельзя начинать: г-нъ Аксаковъ вышелъ». Прибавляю, что медиумъ сидѣлъ въ кабинетѣ ко мнѣ спиною, благодаря тому, что такъ стояло его кресло. Насъ раздѣляла одна занавѣска, но мой стулъ находился около лѣваго угла кабинета немного позади кресла медиума, такъ что онъ не могъ меня видѣть, даже еслибы въ занавѣскѣ былъ просвѣтъ. А. А.

моими собственными руками. Единственная разница только въ томъ, что ея руки были холоднѣе моихъ.

10-й вопросъ. Дотрогиваетесь ли вы до Голанды всегда, когда желаете, и настолько, насколько желаете? Очень естественно вамъ желать убѣдиться, что передъ вами настоящее тѣло?

Отвѣтъ. Я никогда не ищу дотронуться до Голанды, если она не находится возлѣ меня и не проситъ меня что-нибудь для нея сдѣлать. Я чувствовала ее въ упомянутомъ мною сеансѣ, когда, испугавшись, она на меня бросилась. Я ощущала все ея тѣло, слышала бѣненіе ея сердца, чувствовала ея дыханіе, или, вѣрнѣе, сказать, мнѣ казалось, что я какъ будто слышу, какъ бьется ея сердце. Я не могла понять причину ея страха. Напугало ее такъ сильно не что иное, какъ только звуки гитары. Пальцы ея были влажны, и когда она дотронулась до моего лица, я почувствовала отъ нихъ запахъ земли ¹⁾, изъ чего заключила, что она имѣла дѣло съ растеніемъ; я чувствовала песокъ.

Я пробую дотрогиваться до Голанды только въ началѣ сеанса; позднѣе всякая къ тому охота, всякій интересъ пропадаетъ. *Когда я протягиваю руку, чтобы до нея дотронуться, я ровно ничего не ощущаю, точно какъ будто тутъ ничего нѣтъ.* Когда занавѣси раскрыты, я конечно вижу, что есть здѣсь что-то, или кто-то, но позднѣе, когда она матеріализуется поляѣе, я перестаю чѣмъ-либо интересоваться; однако, когда она меня трогаетъ, я могу ее чувствовать.

Я не помню, чтобъ когда-нибудь находила Голанду у себя на колѣняхъ; въ большей части случаевъ она са-

¹⁾ Сеансъ 28-го іюня 1890 г. въ продолженіе котораго Голанда матеріализовала растеніе. («Psychische Studien» 1891 года. Ноябрь и декабрь).

дится на полъ у моихъ ногъ и кладеть голову ко мнѣ на колѣни; тогда она находится впереди меня и какъ будто проходить между мной и занавѣсками; и хотя тутъ не болѣе пространства какъ три или четыре дюйма, но она проходить, и я при этомъ ничего не чувствую. Когда она становится на мои ноги или на мои колѣни, *я не чувствую никакой тяжести*. Однако, въ этомъ сеансѣ я чувствовала всю тяжесть ея тѣла; но обыкновенно, въ ней какъ будто нѣтъ никакого вѣса.

Я не помню, чтобъ Иоланда когда-нибудь проходила позади меня, но Нина ¹⁾ дѣлаеть это нерѣдко, и тогда какъ будто частью входитъ въ кабинетную стѣнку, что ее нисколько не стѣсняетъ; Иоланда никогда этого не дѣлаеть.

Живая личность ростомъ съ Иоланду никогда бы не могла двигаться, какъ она между занавѣсками и мною, безъ того, чтобы я этого не замѣтила.

Вопросъ 11-й. Видѣли ли вы когда, чтобы Иоланда матеріализовалась или дематеріализовалась въ разрѣзѣ занавѣсокъ, какъ мы однажды это видѣли? Что вы тогда чувствовали?

Отвѣтъ. Я никогда не видала, чтобы Иоланда дематеріализовалась, а только предполагала это по ощущенію возврата моихъ силъ. Я ясно помню, какъ во время пребыванія моего въ Христіаніи, у меня было такое ощущение, что въ комнатѣ недостаетъ воздуха и мнѣ трудно дышать; и вотъ раза два или три, когда я усиливалась глубже вдыхать въ себя воздухъ, то присутствующіе говорили: «Теперь она (фигура) опускается въ полъ». Однажды я нарочно съ этой цѣлью начала глубоко ды-

¹⁾ Маленькая дѣвочка, матеріализующаяся на сеансахъ миссисъ Эсперансъ.

шать и услышала, какъ г-жа Фидлеръ сказала: «вотъ она опять уходитъ въ полъ».

Вопросъ 12-й. Когда въ концѣ сеанса Іоланда готовится уходить, чувствуете ли вы что особенное въ своемъ тѣлѣ? — Что вы чувствуете до и послѣ сеанса?

Отвѣтъ. Въ концѣ сеанса я всегда думаю, какъ бы хорошо было взять ванну, такъ какъ обыкновенно я чувствую себя очень нехорошо по той, полагаю, причинѣ, что Іоланда для матеріализаціи заимствуетъ и у присутствующихъ нѣкоторое количество субстанцій, которыя отчасти возвращаются тоже мнѣ и производятъ это чувство недомоганія. Теперь я всегда беру ванну до сеанса, но тогда я брала ее послѣ, и не думаю, чтобы это мнѣ вредило, а, впрочемъ, навѣрно не знаю.

Всегда передъ сеансомъ, даже часовъ восемь—девять ранѣе, я чувствую, какъ у меня по всему тѣлу пробѣгаютъ мурашки; когда я знаю, что сеансъ готовится, то ощущаю въ пальцахъ особеннаго рода покальванія, какъ бы отъ прикосновенія къ электрической батарее; меня ничто уже не интересуетъ, думать о чемъ-либо только утомляетъ. Такъ что я предпочитаю не знать ранѣе о приготавливаемомъ сеансѣ.

Послѣ сеанса у меня обыкновенно бываетъ тошнота со рвотой; происходитъ это отъ того, что я поглощаю нѣкоторые изъ элементовъ присутствующихъ ¹⁾, заимствованные Іоландой для своей матеріализаціи. Въ продолженіе дня, передъ сеансомъ, я, насколько возможно, воздерживаюсь отъ пищи.

Вопросъ 13-й. Пробовали ли вы когда удержать ру-

¹⁾ Недавно миссисъ Эсперансъ рассказала мнѣ, что во время опытовъ въ Христианіи, въ 1893 году, она была очень удивлена тѣмъ, что не испытывала своихъ обычныхъ страданій: члены кружка воздерживались отъ вина и табаку. А. А.

ками саму Іоланду или ея вуаль? Очень естественно желать добыть кусочекъ ея одѣянiя.

Отвѣтъ. Вотъ именно, на этихъ дняхъ, когда я взяла ножницы, чтобы отрѣзать у нея прядь волосъ, мнѣ не удалось съ ней справиться; она сильнѣе меня. Впрочемъ, я никогда не пробовала ее удерживать, когда она сжимала мнѣ кисти рукъ такъ, что я не могла пошевельнуть ими, мнѣ было интереснѣе испытать ея силу, чѣмъ что другое.

14-й вопросъ. Видѣли-ли вы когда Іоланду лицомъ къ лицу?

Отвѣтъ. Когда она бывала со мною внѣ кабинета, лицо ее всегда было закрыто вуалью, такъ что я не могла ее видѣть; но въ Ньюкастлѣ я видѣла ее въ среднемъ отдѣленiи кабинета, когда занавѣска распахнулась и свѣтъ прямо упалъ на нее. Я видѣла тогда ея плечи и руки такъ же ясно, какъ руки и плечи всякаго другого лица. Было это во время одного изъ дневныхъ сеансовъ. Я видѣла французженку ¹⁾ и впечатлѣнiе у меня было такое, какъ будто я смотрѣла въ зеркало: такъ она была похожа на меня.

15-й вопросъ. Узнаете-ли вы себя въ Іоландѣ: по лицу, по рукамъ или по какимъ либо другимъ сходствамъ тѣлеснымъ или умственнымъ?

Отвѣтъ. Я никогда не замѣчала сходства со мною въ чертахъ лица Іоланды; или лучше сказать, я никогда не имѣла случая судить о немъ.

16-й вопросъ. Не чувствуете-ли вы иногда, что вы, какъ будто, находитесь въ Іоландѣ, что ваше сознание, какъ будто, переносится въ нее? Или вы постоянно знаете себя отдѣльно отъ нея, всегда самой собою, на

¹⁾ Такъ называли фигуру, являвшуюся на сеансахъ.

своемъ мѣстѣ въ кабинетѣ? Можете-ли думать и судить о томъ, что происходитъ вокругъ васъ?

Отвѣтъ. Когда она до меня дотрогивается, у меня такое же ощущеніе, какъ будто я сама себя трогаю. Я не чувствую себя частью Іоланды, напротивъ, чувствую, что она составляетъ какъ бы часть меня самой. Гдѣ-бы ни была Іоланда, я, однако, знаю, что я — я, и нахожусь на моемъ мѣстѣ, въ кабинетѣ. Это для меня ясный и непреложный фактъ, и никто въ мірѣ не можетъ колебать эту увѣренность, такъ она тверда во мнѣ; это болѣе, чѣмъ простая вѣра. Но хотя я это знаю и сознаю себя здѣсь, и что эта часть меня самой, дышащая и исходящая изъ меня, какъ будто освобождается изъ подъ моей власти, она все-таки сознается мною какъ нѣчто мнѣ принадлежавшее и перешедшее въ распоряженіе другого лица. Я не могу сказать вполне отчетливо, что потеряла; а знаю однако, что не лишилась никакой части моего существа, но что все-таки это новое существо принадлежитъ мнѣ.

Я считаю Іоланду отдѣльной отъ меня личностью и вполне увѣрена, что она имѣетъ собственную индивидуальность, собственные чувства, собственное сознаніе, отдѣльное отъ всего, мнѣ принадлежащаго.

17-й вопросъ. Если вы чувствуете, что Іоланда дѣйствительно отдѣльная, независящая отъ васъ личность, можете-ли вы указать на умственныя и нравственныя черты характера этой личности? Когда вы сидите въ кабинетѣ, думаете-ли вы о Іоландѣ? Желаете-ли вы, чтобъ она пришла?

Отвѣтъ. Она своевольна и капризна какъ ребенокъ; на мой взглядъ она находится въ степени развитія дѣвочки лѣтъ 13-ти—14-ти; безъ особенныхъ умственныхъ способностей, но очень любопытна. Она походитъ на

существо, перенесенное въ среду болѣе интеллигентную; она понимаетъ и учится легко; самая выдающаяся черта ея характера — любопытство.

Въ началѣ — когда она явилась среди насъ, она, по-видимому, не знала, что такое стулъ и пробовала употреблять его на разные лады; сѣла на спинку и упала; что же касается употребленія карандашей и бумаги, то она тотчасъ же поняла его.

Все, что ей приносили, возбуждало въ ней сильное любопытство; она отлично понимала употребленіе платьевъ и разныхъ украшеній и умѣла ими пользоваться.

Юланда никогда не выказывала ни мнѣ, и никому другому никакой привязанности; она свободно играетъ съ сыновьями м-ра Фидлеръ, потому что привыкла къ нимъ, а совѣмъ не изъ привязанности.

Полагаю, что она съ удовольствіемъ чѣмъ-нибудь занимается. Если мнѣ случалось попросить у нея что либо, напримѣръ, цвѣтовъ, она давала мнѣ ихъ, но съ капризной миной, какъ мнѣ тогда казалось. Если другіе просятъ, она даетъ охотнѣе; мою же просьбу она не только исполняетъ съ видимымъ нежеланіемъ, но смотритъ на меня подозрительно, точно я надзираю за ней.

Мнѣ кажется, что Юланда исполняетъ, что отъ нея требуется потому, что желаетъ, чтобы ее хвалили и считали умной. Вѣроятно, въ продолженіе этихъ десяти лѣтъ она сдѣлала нѣкоторые успѣхи, потому что Вальтеръ¹⁾ говоритъ, что она выучила первыя буквы азбуки но что ей остается учиться еще многому.

Я никогда не пробую думать о чемъ бы то ни было, когда сижу въ кабинетѣ, и никогда не желаю появленія Юланды. Я не знаю, *она* ли придетъ, а только то что

¹⁾ Духъ-руководитель, проявляющійся черезъ писаніе.

придетъ кто-нибудь. Еслибъ ничего не происходило, мнѣ было бы скучно; въ виду чего, полагаю, что я должна желать ея появленія.

18-й вопросъ. Когда появляются другія фигуры, ощущаете-ли вы, что онѣ составляютъ часть васъ самихъ, или напротивъ, что онѣ вамъ чужды и отъ васъ независимы?

Отвѣтъ. Съ другими фигурами я не ощущаю того, что съ Иоландой, и, не посмотрѣвъ, я знаю, она ли это, или другая фигура; отчего это происходитъ — объяснить не могу; только чувствую разницу.

Когда фигура воскликнула — «Карлъ», мнѣ было только любопытно взглянуть, кто это. Я чувствовала, что Иоланда ушла и что я нахожусь въ нормальномъ состояніи. Въ ту минуту, когда говорила съ вами, я почувствовала перемѣну въ себѣ и фигура, произносившая Карлъ, появилась.

19-й вопросъ. Проявлялась-ли когда Иоланда какимъ-нибудь другимъ способомъ, кромѣ сеансовъ съ кабинетомъ?

Отвѣтъ. Сколько я знаю, Иоланда никогда не проявлялась иначе какъ на моихъ сеансахъ съ кабинетомъ для матеріализаціи. Другіе проявляющіеся на сеансахъ «духи» давали доказательства своего присутствія и въ другихъ случаяхъ.

Помню, какъ однажды вечеромъ, когда я жила еще въ Англіи, у меня на колѣняхъ сидѣлъ одинъ изъ дѣтей г-на Фидлера и мы вмѣстѣ пѣли, и вдругъ услышали аккомпанирующій намъ голосъ. Мальчики спросили: «Ты ли это поешь, Нина?»—Она отвѣтила: «Да». Тогда они побѣжали по лѣстницѣ наверхъ, и не найдя ее тамъ, закричали: «Ты внизу?»—Голосъ отвѣчалъ: «Да». Они стали искать ее по всѣмъ комнатамъ, такъ что запыхались. И вездѣ, по всему дому слышали тотъ же голосъ

20-й вопрос. Скажите мнѣ, пожалуйста, ваши впечатлѣнія относительно Вальтерова отвѣта 16-го іюня 1890 г., который вы признали за нѣчто совершенно для васъ новое; такъ сказать за «откровеніе». Я говорю о вашемъ полномъ исчезновеніи, когда я вдругъ посмотрѣлъ въ кабинетъ ¹⁾.

Отвѣтъ. До сеанса 16-го іюня 1890 г. я была несомнѣнно убѣждена въ томъ, что въ моемъ тѣлѣ во время сеансовъ не происходитъ видимой перемѣны. Я, конечно, чувствовала, что нѣкоторая перемѣна во мнѣ происходитъ, но не думала, чтобы она могла быть замѣчена кѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ меня. Сколько мнѣ извѣстно, я всегда могла видѣть, чувствовать, слышать, или лучше сказать, когда я нахожусь въ кабинетѣ, слухъ мой становится гораздо тоньше, чѣмъ въ обыкновенное время: я слышу тогда тиканье часовъ въ сосѣдней комнатѣ, или даже въ нижнемъ этажѣ; могу слышать разные городскіе звуки, напр., бой башенныхъ часовъ, слышу тиканіе карманныхъ часовъ у присутствующихъ. Несомнѣнно, что чувства мои тогда обостряются. Я могу чувствовать чужія мысли, или вѣрнѣе мнѣ чувствуется какъ будто я слышу ихъ; недавно я попробовала удержать въ памяти такимъ образомъ почувствованныя или слышанныя мною мысли, чтобы повторить ихъ, но мнѣ это не удалось.

Еслибъ я знала, что я бываю иногда преобразуема, какъ это думаетъ Вальтеръ, я никогда бы не рѣшилась давать сеансы лицамъ, не имѣющимъ яснаго понятія объ этомъ состояніи.

Иногда я гуляла съ Іоландой внѣ кабинета, такъ что присутствующіе могли одновременно видѣть насъ вмѣстѣ.

¹⁾ См. «Psych. Studien». 1894 г., стр. 298—299.

Во многихъ случаяхъ я видѣла Голанду стоящую передо мною на колѣняхъ, ошупывающую мое платье, а иногда подававшую мнѣ стаканъ воды. Я говорила съ ней, трогала ее и могла всѣми способами убѣдиться, что мы двѣ отдѣльныя другъ отъ друга личности. Въ первый разъ, когда я замѣтила въ себѣ болѣе сильную переѣву и вполне поняла ее реальность, это было во время фотографическихъ сеансовъ Хедлунда, когда мужская фигура дотронулась до меня: я такъ испугалась, что попробовала вскочить и бѣжать изъ кабинета, но убѣдилась, что я не могу *двинуться съ мѣста*. Присутствующіе увидали фигуру, о которой я говорила, и какъ эта фигура потомъ постепенно испарилась. Въ то же время я почувствовала, какъ силы мои и способность двигаться стали возвращаться.

Дополнительное примѣчаніе.

Не могу лучше дополнить эти интересныя свѣдѣнія, какъ указавъ читателю на живое и вмѣстѣ съ тѣмъ такое простое описаніе самой миссисъ Эсперансъ всего того, что она видитъ, думаетъ и чувствуетъ во время матеріализаціоннаго сеанса, сидя внѣ кабинета передъ глазами присутствующихъ,—описаніе, сообщенное ею въ журналѣ «*Медіумъ*» (за 1892 и 1893 гг.) въ цѣломъ рядѣ статей подъ заглавіемъ: «*Что чувствуетъ медіумъ во время матеріализаціи духовъ*».

Здѣсь же считаю нужнымъ привести изъ нихъ одно мѣсто, имѣющее прямое отношеніе къ содержанію этой статьи и дающее вполне ясное представленіе о томъ состояніи раздвоенія, въ которомъ находится медіумъ, сохраняя при этомъ свое самосознаніе. Миссисъ Эсперансъ говоритъ здѣсь сама, и надо замѣтить, что написано это было ранѣ гельсингфорскаго событія.

«Теперь является другая фигура, маленькая и худенькая, съ распростертыми объятіями. Въ дальнемъ концѣ кружка кто-то встаетъ, подходитъ къ ней и она обнимается. Слышны неясныя возгласы: «Анна! О, Анна! Дитя мое! Мое милое дитя!» Встаетъ еще кто-то и обнимаетъ фигуру, слышатся рыданія, возгласы, благословенія. Я же чувствую, что шатаюсь изъ стороны въ сторону, въ глазахъ у меня темнѣетъ. Чувствую, какъ чьи-то руки обнимають меня, чье-то сердце бьется на моей груди. Я чувствую, что что-то совершается... Возлѣ меня никого нѣтъ, никто не обращаетъ на меня вниманія, глаза и мысли всѣхъ устремлены на эту стройную, бѣлую фигуру, которую обнимають двѣ женщины въ черномъ.

Вѣроятно, сердце, бѣненіе котораго я такъ ясно слышу, мое собственное, но, навѣрно, есть же какія-то руки, меня обнимающія; никогда еще никакое прикосновеніе не было для меня такъ ощутительно. Я начинаю спрашивать себя: кто же я? Эта ли бѣлая фигура или та, что сидитъ на стулѣ? Мои ли руки обнимать шею старой дамы, или мои руки тѣ, что лежатъ передо мной на моихъ колѣняхъ? Я ли призракъ, или я не знаю, какъ должна я называть ту, что сидитъ на стулѣ.

Вѣдь губы, которыя онѣ цѣлуютъ, навѣрно мои губы, мое лицо мокро отъ слезъ, обильно проливаемыхъ этими добрыми женщинами. Но какъ же это можетъ быть? Какое ужасное чувство — потеря собственной самоличности. Я жажду протянуть одну изъ бессильно лежащихъ рукъ, чтобы до кого-нибудь дотронуться и рѣшить, наконецъ, существую ли я, или я только призракъ. — Я ли Анна или моя личность слилась съ нею, исчезла въ ней?

Я чувствую дрожащія руки старушки, ея поцѣлуй, ея слезы, ласки и благословенія сестры, и мною овла-

дѣваетъ смертельный страхъ: сколько времени можетъ это продлиться? Долго ли насъ будетъ двѣ? Чѣмъ это кончится? Буду ли я Анной, или Анна будетъ мною?

Затѣмъ я чувствую какъ кто-то кладетъ двѣ маленькія ручки въ мои оцѣпенѣлыя руки, что даетъ мнѣ какъ бы новую точку опоры и я съ радостью начинаю сознавать, что я все еще я сама и что маленькая Джутта¹⁾, которой надоѣло оставаться за тремя большими фигурами никѣмъ незамѣченной, тяготится своимъ одиночествомъ и ищетъ общества.

Какъ меня успокаиваетъ прикосновеніе даже этой дѣтской руки! Всѣ мои сомнѣнія въ томъ, гдѣ я и кто я — разсыпались. Пока я все это думаю и чувствую, бѣлая фигура Анны исчезаетъ въ кабинетъ и обѣ дамы возвращаются на свои мѣста, взволнованныя, въ слезахъ, но очень счастливыя». («Медиумъ», 1893 года стр. 146).

V.

Дальнѣйшія теоретическія соображенія и выводы.

Я уже сказалъ въ началѣ этой статьи, что явленію, которому она специально посвящена, суждено бросить яркій свѣтъ на нѣкоторыя темныя и загадочныя стороны явленія матеріализація. Ограничусь здѣсь указаніемъ на нихъ въ нѣсколькихъ словахъ, не входя въ подробности.

1) Во-первыхъ, столь обычный фактъ сходства медиума съ матеріализованной фигурой находитъ теперь свое естественное объясненіе. Фигура эта, какъ раздвоеніе тѣла медиума, естественно имѣетъ всѣ его черты. Еще недавно, во время нашихъ миланскихъ сеансовъ съ

¹⁾ Ребенокъ, находящійся между присутствующими.

Евзапией ¹⁾, я имѣлъ случаи наблюдать это сходство *въ рукахъ*. Въ моемъ «Анимизмъ» я, между прочимъ, упомянулъ объ одномъ случаѣ сходства *въ ногахъ*, доказаннаго парафиновыми слѣпками. Что касается *лица*, у насъ есть фотографіи г. Крукса, на которыхъ нельзя не признать сходства Кэтъ Кингъ съ ея медиумомъ. Слѣдовательно (что очень важно для изслѣдованія и критики), ясно, что самое полное сходство не есть еще несомнѣнное доказательство обмана со стороны медиума. Такимъ образомъ генераль Седергольмъ могъ легко ошибиться въ своемъ заключеніи, что м-съ Эсперансъ разыгрывала сама роль духа.

2) Болѣе того, можно схватить матеріализованную фигуру, удержать ее и увѣриться, что она ничто иное — какъ самъ медиумъ съ плотью и костями, и это еще не будетъ доказательствомъ обмана съ его стороны. Ибо, согласно этой гипотезѣ, что должно случиться, если мы задержимъ силою двойника медиума, на столько матеріализованнаго, что отъ тѣла медиума, сидящаго за занавѣской, осталось только невидимое подобіе его? Очевидно, что это подобіе — минимальная, тончайшая, эфирная часть — тотчасъ же будетъ поглощено вполне матеріализованной формой, которой не доставало лишь этого невидимаго остатка. Уже двадцать лѣтъ тому назадъ, м-ръ Гаррисонъ выразился вполне опредѣленно объ этомъ предметѣ: «Очевидно, что обѣ формы должны слиться и меньшая часть поспѣшить къ большей». («Спиритуалистъ», 1876 г., т. II. стр. 256). Но я не знаю, что бы произошло, еслибы схватили матеріализованную форму въ то время, когда ноги и руки медиума крѣпко связаны? Согласно теоріи, завязки съ узлами,

¹⁾ См. «Ребусъ 1893 г., стр. 30.

печатами и проч. должны оказаться нетронутыми, висящими на стулѣ медиума. Интересный былъ бы опытъ! Но я не знаю ни одного такого случая, ибо въ спиритической практикѣ, разъ медиумъ поставленъ въ невозможность освободиться отъ связокъ, не считалось логичнымъ прибѣгать къ насилію.

3) Гипотеза эта объясняетъ намъ, всегда существовавшее затрудненіе наблюдать одновременно медиума и вполне матеріализованную фигуру; ибо, какъ я уже сказалъ, полная матеріализация требуетъ съ другой стороны такую же полную дематеріализацию, или другими словами, невидимаго подобія самаго медиума на томъ мѣстѣ, гдѣ его тѣло должно находиться. То же самое относится и къ фотографіямъ медиума вмѣстѣ съ матеріализованной фигурой, такъ рѣдко удающимся. Повидимому, эта трудность зависитъ отъ умѣнья или возможности сохранять нужное равновѣсіе въ распредѣленіи матеріальныхъ элементовъ между обоими.

4) Какъ это доказывается опытомъ, процессъ дематеріализации и обратной матеріализации распространяется не на одни только органическія тѣла, но и на неорганическія, такъ что связки и печати, которыми связываютъ медиума, не представляютъ никакой гарантіи; тутъ является гипотеза, объясняющая, какъ это можетъ совершаться: или связки дематеріализуются, или самъ медиумъ. Мы имѣемъ тому поразительный примѣръ въ случаѣ м-съ Комптонъ, сокращенно приведенномъ мною въ I главѣ. Имѣемъ и другой подобный же примѣръ въ опытѣ г. Крукса, сообщенномъ г-мъ Блэкбурномъ: шея, талія, руки и кисти рукъ м-съ Кукъ были въ четырехъ мѣстахъ привязаны Круксомъ тесемками къ переносной лѣстницѣ; узлы прошиты и припечатаны. Черезъ пять минутъ медиумъ вышелъ изъ кабинета, осво-

божденный отъ связокъ, оставшихся на полу. («Спиритуалистъ» 1874 г., т. II, стр. 285). Я могу указать читателю на мой собственный опытъ съ медиумомъ Монте, тщательно мною связаннымъ, и въ одну секунду освобожденнымъ отъ связокъ, при полномъ сохраненіи всѣхъ узловъ («Ps. Stud.», январскій выпускъ, 1882 г.).

5) Если признать несомнѣнность этихъ фактовъ, то та же гипотеза можетъ объяснить явленія проникновенія матеріи сквозь матерію и столь извѣстныхъ въ медиумизмѣ приносовъ. Они, очевидно, состоятъ въ связи съ явленіями, вышеупомянутымъ въ § 4. Безполезно представлять здѣсь новые примѣры, предлагаю читателю справиться въ моемъ «Анимизмѣ» (стр. 90), а также и о моемъ опытѣ съ желѣзнымъ кольцомъ, продѣтымъ на руку Уильямса, помѣщенномъ въ «Psych. Studien» (февральскій выпускъ 1876 г., стр. 52). Основываясь на этой же гипотезѣ, Гаррисонъ въ статьѣ своей «Соображенія, объясняющія нѣкоторыя спиритуалистическія явленія» («Спиритуалистъ» 1876 г., томъ I, стр. 205), вошелъ въ нѣкоторыя подробности для объясненія приносовъ и проникновенія матеріи, гдѣ ссылается и на мой опытъ съ Уильямсомъ.

6) Солидарность медиума съ матеріализованной формой становится очевидной и вполне понятной. Наблюдалось много разъ, какъ физическія впечатлѣнія, ощущаемыя матеріализованной фигурой, отражаются на медиумѣ. Мы имѣемъ на это первыя указанія въ опытахъ переноса краски на появляющіяся матеріализованныя руки, о которыхъ я говорилъ въ моемъ «Анимизмѣ» (стр. 137). Я привелъ тамъ еще интересный случай пораненія ножомъ матеріализованной руки, боль отъ котораго ощутилась медиумомъ. На сеансахъ м-съ Эсперансъ много разъ наблюдалось, какъ уколы матеріализованныхъ рукъ чувствовались медиумомъ. Я самъ при-

существовалъ на одномъ сеансѣ, когда фигура погрузила свою руку въ горячій парафинъ, а медиумъ воскликнулъ въ то же время, что его обожгло! Мы имѣемъ, наконецъ, единственный случай въ лѣтописяхъ спиритизма, сообщенный пятью свидѣтелями, замѣчательно поясняющій эту солидарность. На одномъ изъ сеансовъ съ Монкомъ образовалась мужская фигура на глазахъ присутствующихъ; выйдя изъ лѣваго бока медиума, она при хорошемъ освѣщеніи оставалась все время на виду; фигура была вполнѣ матеріализована, а лицо ея, руки и ноги при полномъ газовомъ освѣщеніи тщательно изслѣдованы, сверхъ того она дала образчикъ своей силы, поочередно поднимая присутствующихъ съ ихъ стульевъ. Это, замѣчу мимоходомъ, доказываетъ намъ, что гипотеза почти полной дематеріализаціи медиума, соответствующей полной матеріализаціи фигуры, изложенная мною въ этой статьѣ, вѣрна не безусловно, какъ я замѣтилъ уже это на своемъ мѣстѣ, ибо здѣсь медиумъ оставался тѣлесно видимъ и осязаемъ. Вотъ этотъ случай; привожу его буквально: «Тогда былъ предложенъ опытъ единственный въ своемъ родѣ, именно, чтобы фигура выпила стаканъ воды. Когда она исполнила это передъ вами, такъ что мы это видѣли и слышали, то это же самое количество воды тотчасъ же *вылилось изъ рта медиума*: — новое доказательство того, на сколько общаго бываетъ, иногда, если не всегда, между вкусомъ и ощущеніями психической фигуры и медиума, изъ котораго она образовалась». («Спиритуалистъ» 1877 г., II, стр. 287).

Существуетъ преданіе, что призраки боятся меча. Даже во времена, болѣе близкія къ намъ, встрѣчаются факты, подтверждающіе это повѣрье. Такъ въ XVII вѣкѣ у Главниля въ разсказѣ, озаглавленномъ: «Тедвортскій демонъ», мы читаемъ, что лакей г. Монпесона (въ чьемъ

домъ демонъ не давалъ никому покоя), будучи ночью преслѣдуемъ призракомъ, бралъ въ руки свою шпагу и призракъ исчезалъ. Въ другой разъ призракъ хотѣлъ отнять у него шпагу¹⁾ и между ними возникла борьба, но какъ только лакей овладѣвалъ шпагой, — призракъ исчезалъ. «Было замѣчено, что онъ всегда старался избѣгать ее». (Гланвилъ *Saducismus triumphatus*, изданіе 1688 г., стр. 345 и 346).

Маркизь де Мирвилъ въ своемъ сочиненіи «О духахъ и ихъ флюидическихъ проявленіяхъ» (стр. 331), сообщая о замѣчательномъ сидевильскомъ случаѣ, происходившемъ въ 1851 году, рассказываетъ между прочимъ, что призракъ, предполагавшійся въ томъ мѣстѣ, гдѣ слышались стукы, повидимому, всегда уклонялся отъ уколовъ, наносимыхъ шпагой, перенося стукъ въ другое мѣсто. Маркизь приводитъ нѣсколько мѣстъ изъ древнихъ авторовъ въ подтвержденіе упомянутого мною преданія.

Согласно современнымъ наблюденіямъ въ новой таинственной области гипнотизма, чувствительность кожи переносится съ ея поверхности на нѣкоторое отъ нея разстояніе, образуя какъ бы чувствительный слой вокругъ тѣла загипнотизированнаго; такъ, если прямо уколоть кожу, онъ ничего не чувствуетъ, а если уколоть воздушный слой въ нѣкоторомъ разстояніи отъ кожи, онъ чувствуетъ уколъ. Эти явленія носятъ теперь названіе *экстеріоризаціи чувствительности*. (См. «*Les états profonds de l'hypnose*» (Глубокія состоянія гипноза) par de Rochas d'Aiglun, Paris 1892, стр. 57 и «*La force vitale, notre corps vital fluidique*» (Жизненная сила, наше жизненное, флюидическое тѣло) par le d-r Baraduc. Ра-

¹⁾ Подобно тому какъ карандашъ былъ у меня вырванъ за спявою Евваліи. (См. Миланскій отчетъ. «Ребусъ» 1893 г.).

ris, 1893, глава IX: «Exteriorisation complète du corps vital psychique», стр. 117. (Полная экстеріоризація жизненнаго психическаго тѣла). Мы видѣли, что то же самое происходитъ въ явленіи матеріализаціи, которое и можетъ быть признано за самое полное развитіе экстеріоризаціи. Такимъ-то образомъ преданіе и современный опытъ подаютъ руку другъ другу.

7) Наконецъ, тайна матеріализаціи получаетъ если не полное разрѣшеніе, то все-таки нѣкотораго рода естественное объясненіе. Это уже не чудо, не моментальное созданіе матеріи, органическихъ, человѣческихъ формъ, такъ сказать, изъ ничего; это — превращеніе, измѣненіе одной существующей органической формы въ другую. Конечно, это чудесно, но не сверхъестественно. Спиритуалистическое ученіе чрезъ это выиграетъ, ибо тѣло является не результатомъ игры химическихъ силъ, а продуктомъ предсуществующей, организующей силы, способной дѣлать матерію по своему изволенію. Знакомое намъ тѣло является какъ бы временной матеріальной оболочкой. Господство духа надъ матеріей становится очевиднымъ. Въ случаѣ простого раздвоенія, когда медіумъ находится въ трансѣ, мы имѣемъ явленіе распределенія органической матеріи, принадлежащей одному тѣлу, между двумя тѣлами, съ сохраненіемъ тождества формы, созданной индивидуальнымъ организующимъ началомъ; когда то же явленіе происходитъ въ то время, когда медіумъ не въ трансѣ, мы имѣемъ въ немъ доказательство, что наше сознаніе не исчерпываетъ содержанія нашего психическаго существа, и что организующее я можетъ дѣйствовать и созидать тѣло внѣ сознательнаго я; когда раздвоеніе происходитъ при несходствѣ формъ въ нѣкоторыхъ органахъ, сохраняя, однако, общій типъ (какъ мы это видѣли въ случаѣ Кэти Кингъ,

у которой ногти, уши и цвѣтъ волосъ были совсѣмъ иные, чѣмъ у медиума), мы имѣемъ въ этомъ ясное доказательство трансцендентальной организующей силы, уже не придерживающейся образа извѣстнаго намъ земнаго тѣла, ею оживляемаго. Мы видимъ тутъ начало превращенія. Если же матеріализованная форма не представляетъ ничего общаго съ медиумомъ (какъ въ случаѣ Кэти Бринкъ у миссисъ Комптонъ, см. 1 главу), то передъ нами полное превращеніе. Кѣмъ произведено оно, — вотъ самый важный и затруднительный вопросъ. Трудно предположить, чтобы это было дѣло того же индивидуальнаго трансцендентальнаго *я*, когда съ критической точки зрѣнія форма эта отвѣчаетъ всѣмъ формулированнымъ требованіямъ для признанія индивидуальности (см. «Анимизмъ», часть II, стр. 759), мы имѣемъ очевидное доказательство, что индивидуальное трансцендентальное *я*, только уже не медиума, воспользовалось его органической матеріей для превращенія ея согласно своему желанію.

Но если это такъ, не легче ли бы было этому трансцендентальному *я* употребить то же тѣло или лицо медиума для превращенія его согласно предположенной цѣли, не прибѣгая къ чудесному созиданію совсѣмъ другаго тѣла, рядомъ съ тѣломъ медиума. Если бы такіе случаи существовали, они служили бы поразительнымъ нагляднымъ доказательствомъ того, что матеріализація не что иное, какъ превращеніе. Можемъ сказать, что такіе случаи существуютъ; правда, они рѣдки, разбросаны въ многочисленныхъ матеріалахъ спиритической литературы, но вотъ два случая, найденные мною въ статьѣ миссъ Кислимбури «Появленіе матеріализованныхъ фигуръ» («Спиритуалистъ» отъ 22-го декабря 1876 года), въ которой она подраздѣляетъ ихъ на раздвоенія,

трансфигураціи и превращенія, и приводитъ слѣдующій примѣръ трансфигураціи:

«Миссиясъ Крокеръ, почтенный медиумъ изъ Чикаго, на дняхъ рассказывала мнѣ такіе факты. При указаніи своихъ духовныхъ руководителей она начала нѣсколько мѣсяцевъ назадъ цѣлую серію сеансовъ для развитія новой формы медиумизма. Сеансы эти происходили въ ея собственной семьѣ. Въ одинъ изъ вечеровъ, когда комната была ярко освѣщена, и сверхъ того свѣтили мѣсяць — ее преобразили: лицо ея совсѣмъ измѣнило свою форму, объемъ и черты, появилась густая темная борода. Всѣ сидѣвшіе за столомъ видѣли это; зять ея, сидѣвшій съ ней рядомъ, когда она повернула къ нему лицо, воскликнулъ: «Да, это отецъ мой!» и послѣ увѣрялъ всѣхъ, что это было совершенно, лицо его отца. Вскорѣ послѣ того миссиясъ Крокеръ была превращена въ старую женщину съ серебристо сѣдыми волосами, а она женщина среднихъ лѣтъ, и волосы у нея черные. Перемѣна эта совершалась постепенно подъ наблюдениемъ присутствующихъ, не спускавшихъ глазъ съ ея лица... Она все время была въ полномъ сознаніи и испытывала очень опредѣленное ощущеніе покалыванія по всему тѣлу, точно она держала въ рукахъ оба полюса сильной гальванической батареи» (изъ письма м-ра Джой изъ Америки, напечатаннаго въ «Спиритуалистѣ» отъ 17-го сентября 1875 г.).

Другой примѣръ взятъ изъ «Книги медиумовъ» Аллана Кардека, стр. 133 англійскаго изданія. Фактъ этотъ происходилъ въ 1838 г. въ окрестностяхъ Сентъ-Етьена.

«Молодая дѣвушка лѣтъ пятнадцати имѣла странную способность превращенія, т. е. она могла по временамъ принимать образъ умершихъ. Иллюзія была на столько сильна, что представляемое лицо, казалось, дѣйстви-

тельно присутствующимъ, такъ вѣрно было сходство всѣхъ чертъ лица, выраженія, голоса и особенностей рѣчи. Явленіе происходило сотни разъ безъ всякаго участія воли молодой дѣвушки. Она часто принимала образъ своего давно умершаго брата, представляя поразительное съ нимъ сходство не только въ лицѣ, но и въ ростѣ и объемѣ тѣла. Мѣстный врачъ, много разъ наблюдавшій эти превращенія, сдѣлалъ слѣдующій опытъ для убѣжденія себя въ томъ, что онъ не находился подъ вліяніемъ иллюзіи. О фактѣ этомъ мы слышали отъ него самого, отъ отца дѣвочки и отъ многихъ другихъ свидѣтелей очевидцевъ, людей очень почтенныхъ и несомнѣнной правдивости. Врачу пришло въ голову свѣсить молодую дѣвушку сперва въ ея нормальномъ состояніи, а затѣмъ и въ состояніи превращенія, когда она принимала образъ брата, который былъ старше на двадцать лѣтъ и гораздо выше и плотнѣе сестры, и врачъ нашелъ, что вѣсъ ея удвоился. Опытъ этотъ былъ вполне убѣдителенъ, доказывая невозможность приписать принимаемый ею образъ оптическому обману».

Хотя эти оба случая приводятся миссъ Кислинбури какъ примѣры трансфигураціи, но появленіе бороды, сѣдыхъ волосъ и прибавленіе вѣса, явленія такого рода, что указываютъ уже на процессъ превращенія, конечно въ томъ случаѣ, если мы признаемъ точность рассказанныхъ фактовъ. Къ сожалѣнію, такъ какъ въ сообщенныхъ наблюденіяхъ не достаесть подробностей и прямыхъ свидѣтельствъ очевидцевъ, мы не можемъ вполне вѣрить этимъ фактамъ, значеніе которыхъ, въ случаѣ ихъ подлинности, очевидно. Въ ихъ пользу говорить, впрочемъ, то, что они не противорѣчатъ началу, на которомъ основывается всякая матеріализація и представляли бы такимъ образомъ переходную и начальную

ступень превращенія органическаго тѣла въ другое, дѣйствіемъ неизвѣстной организующей силы.

Здѣсь мѣсто упомянуть о другого рода явленіяхъ, которыя также свидѣтельствовали бы въ пользу теоріи превращенія, еслибы, къ сожалѣнію, не были такъ рѣдки и также неточно разсказаны, какъ и выше приведенныя.

Такъ, напр., мы имѣемъ слѣдующій случай, сообщенный м-ромъ Симонсомъ на одномъ изъ митинговъ національной ассоціаціи спиритуалистовъ, происходившемъ въ декабрѣ 1876 г. въ Лондонѣ.

«Д-ръ Ньюбрукъ разсказывалъ ему, какъ, связавъ миссисъ Комптонъ нарочно для того приготовленной навощенной веревкой, онъ прибилъ къ полу ея черное платье альпака. Тщательно связавъ ее, онъ присоединился къ кружку, сидѣвшему внѣ кабинета, изъ котораго вышла фигура въ бѣлой одеждѣ, ростомъ ниже миссисъ Комптонъ; на такое платье, какое было на ней, говорилъ онъ, понадобилось бы ярдовъ тридцать или сорокъ матеріи. Войдя, по приглашенію, въ кабинетъ, онъ не нашелъ тамъ ничего, кромѣ пустого стула медиума ¹⁾). Вернувшись къ кружку, онъ обратился къ фигурѣ съ просьбой дать ему кусочекъ отъ своего платья. «Если вы его вырѣжете, то на платьѣ у медиума окажется дыра», отвѣтила фигура. Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ, я подарю ему новое. И онъ вырѣзалъ изъ бѣлаго платья кусокъ, величиной въ человѣческую руку. Тогда фигура ушла въ кабинетъ. Черезъ нѣсколько времени его пригласили туда и онъ нашелъ медиума связаннмъ веревкой и платье его прибитымъ къ полу, какъ и прежде, *въ ея же черномъ платьѣ оказался вырѣзъ, къ которому совершенно точно подходилъ отръ-*

¹⁾ Въ первой главѣ, стр. 123 и слѣдующія, находятся болѣе подробныя свѣдѣнія о миссисъ Комптонъ и о подобномъ явленіи.

занный имъ кусокъ. Впослѣдствіи онъ отрѣзалъ большой кусокъ отъ этого чернаго платья, чтобы показывать другимъ, на сколько вырѣзь подходилъ къ отрѣзанному куску бѣлой матеріи. Съ тѣхъ поръ по желанію д-ра Ньюбука, обѣ матеріи были тщательно изслѣдованы и найдены совершенно однородными, хотя и разныхъ цвѣтовъ. («Спиритуалистъ» 1876 г., томъ II, стр. 257).

Точно также на сеансахъ м-съ Эсперансъ было много разъ замѣчено, что когда одному изъ присутствующихъ удавалось тайно отъ всѣхъ отрѣзать кусокъ отъ вуаля покрывавшаго голову матеріализованной фигуры, послѣ сеанса на платѣ или на юбкѣ миссисъ Эсперансъ оказывалась дыра. Я не могу указать мѣста, гдѣ объ этомъ упоминается, такъ какъ по слабости зрѣнія давно уже вынужденъ былъ прекратить свой указатель статей. Но я знаю, что въ случаяхъ съ м-съ Эсперансъ ни разу не было сдѣлано никакого опыта въ этомъ направленіи. Это всегда открывалось случайно и уже послѣ исполненія. Во время моихъ сеансовъ въ Готенбургѣ я желалъ сдѣлать такого рода опытъ, ради чего заказалъ даже для медиума особенное платье, но стремясь къ цѣли, для которой пріѣхалъ въ Готенбургъ, не имѣлъ къ тому удобнаго случая. Замѣтимъ, однако, что когда отрѣзывали кусокъ съ разрѣшенія фигуры, какъ это было на сеансѣ 11-го декабря, платье м-съ Эсперансъ оставалось нетронутымъ.

Еслибы мы могли получить фактъ такого рода, установленный несомнѣнно, мы имѣли бы въ немъ такое же *выдающееся явленіе*, какъ и то, которому посвящена эта статья, и даже съ тѣмъ преимуществомъ, что онъ представлялъ бы не временное и преходящее доказательство, какъ въ случаяхъ матеріализаціи живыхъ органическихъ тѣлъ, а доказательство пребывающее, какъ въ узлахъ на безконечной веревкѣ, полученныхъ Цѣлнеромъ.

Съ точки зрѣнія безпристрастной критики я не могу не согласиться, что явленіе частичной дематеріализаціи тѣла медиума, о которомъ я говорю, не можетъ считаться положительно установленнымъ; главный недостатокъ его (мною, конечно, признаваемый) — его *единичность* и *неожиданность*; свидѣтели, не готовясь ни къ чему подобному, естественно не могли отнестись къ явленію съ полнымъ вниманіемъ, необходимымъ для констатирования столь необыкновеннаго факта. Но таковъ, какъ онъ есть, по моему мнѣнію, онъ имѣетъ достаточно данныхъ въ свою пользу для посвященія ему этого изслѣдованія. Теперь, когда онъ сдѣлался извѣстенъ, остается только пожелать его повторенія въ возможно лучшихъ условіяхъ для безукоризненнаго наблюденія, въ средѣ, хорошо знакомой съ этимъ вопросомъ. Мы имѣемъ для этого прекраснаго помощника въ лицѣ самого медиума ничего такъ горячо не желающаго, какъ серьезнаго изслѣдованія, и представляющаго для этого совершенно исключительныя условія, такъ какъ онъ не впадаетъ въ трансъ, доступенъ наблюденію и самъ первый наблюдатель. Но чтобы это явленіе могло повториться у м-съ Эсперансъ, надо прежде всего, чтобы возстановилось ея здоровье и возвратился медиумизмъ ея, исчезнувшій отъ физическаго и нравственнаго потрясенія, испытаннаго ею вслѣдствіе этого случая. По послѣднимъ извѣстіямъ, мною отъ нея полученнымъ, въ здоровьи ея есть нѣкоторое улучшеніе и медиумическая способность начинаетъ возвращаться къ ней. Будемъ же надѣяться, что она не станетъ жертвою дѣла, не приносившаго ей до сихъ поръ, за все ея самоотверженіе, ничего, кромѣ горя, неприятностей и разочарованій.

Решевка, ^{11/22} іюля 1895 г.

О МАТЕРИАЛИЗАЦИИ.

РѢДКІЙ СЛУЧАЙ ПРИЗНАННОЙ МАТЕРИАЛИЗОВАННОЙ ФИГУРЫ.

(«Psychische Studien» 1897 года).

I.

Отчетъ г-жи Антоніи фонъ-Билле-Даль о сеансѣ съ м-сь д'Эсперансъ 25-го ноября 1895 г. въ Готенбургѣ.

(Изъ датскаго изданія Fra de-to Verdener отъ февраля 1896 г.).

Рѣдко случается, чтобы смерть одновременно уносила изъ этого міра двѣ любящія другъ друга души, и для той несчастной, которая остается на землѣ одинокой, жизнь навсегда теряетъ всякую цѣну.

Я цѣлые 21 годъ принадлежу къ этимъ несчастнымъ.

Евангелическая вѣра, которую я исповѣдывала съ дѣтства, должна была-бы утѣшить меня и дать мнѣ силу жить. Я старалась найти въ ней облегченіе моей скорби. Друзья мои и знакомые пасторы првходили утѣшать меня, но напрасно.

Въ дѣтствѣ, проведенномъ мною въ Христіаніа, я слышала о спиритизмѣ. Впослѣдствіи мы съ мужемъ, живя въ Веймарѣ (гдѣ онъ занимался живописью въ мѣстной академіи) имѣли случай наблюдать нѣкоторыя странныя явленія, убѣдившія меня, что дѣйствительно существуетъ

невѣдомая намъ таинственная сила, имѣющая какое-то отношеніе къ умершимъ.

Меня упорно преслѣдовала мысль, что, быть можетъ, существуетъ способъ, съ помощью котораго убѣжденные адепты спиритизма могутъ сообщаться съ живущими въ загробномъ мірѣ; но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ всѣ мои изслѣдованія по этому предмету ни къ чему не приводили. Лишь по прошествіи пятнадцати лѣтъ убѣдилась я въ возможности для моего мужа исполнить данное имъ передъ его кончиной обѣщаніе войти въ общеніе со мною, если только есть жизнь за гробомъ.

Было это въ Берлинѣ, гдѣ я познакомилась съ г-жей Топферъ, хорошимъ трансъ-медіумомъ. Я никогда не забуду моего перваго сеанса съ нею, когда она находилась подъ влияніемъ моего дорогого мужа. Его первыя слова были: «наконецъ, наконецъ», а затѣмъ онъ съ такой любовью говорилъ со мной, что я чувствовала себя невыразимо счастливой.

Годъ спустя, я присутствовала на сеансѣ г-жи Демлеръ въ Брауншвейгѣ. И здѣсь мой покойный мужъ говорилъ со мной и подарилъ мнѣ прекрасную розу. Впослѣдствіи я часто присутствовала на сеансахъ въ Дюссельдорфѣ, Римѣ и Кельнѣ, но самое сильное мое желаніе все-же было принять участіе въ матеріализаціонномъ сеансѣ. И, наконецъ, оно исполнилось — я получила любезное приглашеніе изъ Готенбурга. То, что я испытала тамъ въ домѣ г-на Фидлера во время сеанса съ миссисъ д'Эсперансъ, для меня такъ убѣдительно и незабвенно, что, въ благодарность за оказанную мнѣ великую милость, я считаю долгомъ огласить это.

Двадцать пятаго ноября 1895 г., вечеромъ собралось въ домѣ г-на Фидлера, въ ярко освѣщенной столовой, около двадцати человекъ. Между окнами былъ устроенъ

маленькій кабинетъ изъ темнаго сукна. Мы всѣ туда входили и тщательно его осматривали.

Одна изъ присутствующихъ дамъ, пріѣхавшая изъ Стокгольма, подарила м-съ д'Эперансъ вышитыя ширмочки и небольшой столикъ. Оба эти предмета поставили въ пустомъ кабинетѣ. М-съ д'Эперансъ сѣла внѣ кабинета и изрѣдка переговаривалась съ присутствующими. Она была въ бѣломъ и рѣзко выдѣлялась на темномъ фонѣ кабинета. Когда свѣтъ уменьшили, одна дама прочла намъ очень поэтическое стихотвореніе. Затѣмъ г-нъ Фидлеръ сыгралъ на фисгармоніи красивую мелодію. Я сидѣла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ медиума и онъ все время ярко выдѣлялся для меня отъ окружающихъ.

Потомъ мы услышали внутри кабинета шумъ и черезъ минуту увидали, какъ столикъ и ширмочки выдвигаются оттуда. Казалось, что предметы эти, ставъ, такъ сказать, поперекъ дороги духу, мѣшали ему. Вскорѣ затѣмъ около медиума показалась яркая полоса бѣлой ткани, имѣвшая вначалѣ форму конуса, но скоро форма эта стала расти вверхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и расширяться, постоянно покачиваясь взадъ и впередъ. Подъ конецъ она явилась въ человѣческомъ образѣ, вся закутанная въ ярко-бѣлое покрывало.

Фигура двинулась въ мою сторону, но, не дойдя до меня, тотчасъ же быстро отступила. Тутъ медиумъ спросилъ: «Есть-ли здѣсь кто-нибудь, кого зовутъ Тони». (Я узнала послѣ, что медиумъ и баронесса П. два раза слышали, какъ духъ съ трудомъ выговаривалъ это имя). Я назвала себя и г. Фидлеръ, взявъ меня за руку, повелъ къ кабинету, куда отступала фигура, и я слѣдовала за ней. Затѣмъ я почувствовала, что двѣ вполне матеріализованныя руки ласково коснулись моихъ щекъ. При жизни мой покойный мужъ часто ласкалъ меня такимъ

образомъ. Руки были длинныя и нѣжныя, совершенно какъ его руки. Невыразимое счастье наполнило мою душу, не оставивъ во мнѣ ни малѣйшаго страха. Я охватила его шею моими руками, и въ эту минуту цѣлая масса мягкаго крепа окутала меня густой вуалью, и я почувствовала слабый запахъ тлѣнія и фіалокъ. Но тутъ надо думать, что медіумическая сила изсякла, такъ какъ фигура вдругъ стала какъ бы таять въ моихъ объятіяхъ. Я протянула руки и, отыскивая ее въ кабинетѣ, встрѣтила тамъ одну пустоту.

Теперь мое желаніе вполне исполнилось, я самымъ нагляднымъ, осязательнымъ образомъ убѣдилась въ дѣйствительности духовнаго существованія. Я чувствовала себя совсѣмъ обезсиленной отъ охватившаго меня счастья и вернулась на свое мѣсто съ нетерпѣніемъ ожидая, что будетъ дальше.

Одинъ мѣстный житель видѣлъ своего брата, а одна дама изъ К. имѣла случай привѣтствовать близкаго родственника. Въ продолженіе сеанса показывалось нѣсколько фигуръ и между ними ребенокъ, игравшій на музыкальномъ инструментѣ. Послѣ сеанса миссисъ д'Эсперансъ говорила мнѣ, что она ясно слышала, какъ духъ звалъ «Тони» — уменьшительное имя, несомнѣнно никому изъ присутствующихъ неизвѣстное. Повторилъ онъ это имя съ замѣтной боязнью, точно не надѣялся, что я его услышу. Послѣ перваго его удаленія миссисъ д'Эсперансъ снова слышала, какъ онъ называлъ это имя. Баронесса П. изъ Стокгольма, сидѣвшая рядомъ съ медіумомъ, видѣла духа стоящимъ между ними обѣими, причѣмъ профиль его выдѣлялся на стеклѣ, позади котораго горѣлъ завернутый на половину газовый рождѣ. Она описывала его точно такимъ, какимъ я знала его на землѣ.

Маленькая дѣвочка, сидѣвшая на низенькомъ стульчикѣ около баронессы, ощущала одѣяніе моего мужа и сказала, что оно походить на шелковую матерію, затканную цвѣтами.

Я почла-бы себя особенно счастливой, если бы эти строки принесли кому-нибудь утѣшительное убѣжденіе, что наши дорогіе отшедшіе могутъ хотя на короткое время возвращаться къ намъ.

Съ глубокимъ почтеніемъ Антонія Билле-Даль.

II.

Письмо А. Н. Аксакова къ г-жѣ Билле-Даль.

Петербургъ, 28-го ноября 1896 г.

Милостивая государыня. Въ февральскомъ № за текущій годъ датскаго журнала «Fra de-to Verdener» напечатано ваше сообщеніе о происходившемъ въ вашемъ присутствіи 25-го ноября 1895 г. спиритическомъ сеансѣ въ городѣ Готтенбургѣ.

Вы имѣли счастье несомнѣнно узнать въ одной изъ матеріализованныхъ фигуръ дорогого вамъ отошедшаго. Подобные случаи до того рѣдки и необычны, что всѣ мельчайшія подробности такой матеріализаціи имѣютъ особенную цѣну, и только благодаря имъ, возможно ясно представить себѣ все происшедшее и удостовѣриться въ точности сообщенныхъ наблюденій. Видя, что вы, милостивая государыня, мужественно рѣшились печатно засвидѣтельствовать испытанное вами, позволяю себѣ беспокоить васъ нѣсколькими вопросами и покорнѣйше просить отвѣтить на нихъ по возможности подробно.

1) Вы говорите: «Я все также сильно желала присутствовать при матеріализаціонномъ сеансѣ. Наконецъ,

желаніе это исполнилось; я получила любезное приглашеніе изъ Готтенбурга». Это заявленіе ваше нѣсколько противорѣчитъ отчету г-жи Пейронъ о томъ-же сеансѣ, напечатанномъ въ № 57 шведской газеты «Ephterat»: г-жа Пейронъ пишетъ, что вы получили сообщеніе покойнаго супруга, общавшаго вамъ черезъ говорящаго медиума (въ Кёльнѣ) попробовать явиться вамъ въ Готтенбургъ на сеансѣ съ миссисъ д'Эсперансъ, единственномъ медиумѣ, черезъ силу котораго онъ можетъ материализоваться. Это обстоятельство чрезвычайно важно, почему я покорнѣйше прошу васъ объяснить мнѣ, гдѣ, когда и въ какихъ именно выраженіяхъ вы получили вышеупомянутое сообщеніе.

2) Было-ли ваше имя Антонія извѣстно кому-нибудь изъ принимавшихъ участіе въ сеансѣ? Потрудитесь вспомнить, подписались-ли вы этимъ именемъ подъ письмомъ, адресованнымъ еще до сеанса г-жѣ д'Эсперансъ.

3) Въ отчетѣ г. Крога о томъ-же сеансѣ говорится, что когда медиумъ сказалъ, что изъ кабинета зовутъ кого-то по имени «Тони», г. Фидлеръ спросилъ, не ваше-ли это имя? По вашему-же отчету выходитъ, что вы сами прямо отвѣтили на вопросъ медиума. Какъ-же происходило это въ дѣйствительности?

4) Весьма важно подробно выяснить каждый моментъ вашей встрѣчи съ материализованной фигурой, въ которой вы узнали вашего покойнаго супруга. Вы пишете, что когда вы заявили, что именно васъ зовутъ «Тони», г. Фидлеръ повелъ васъ къ кабинету, куда отступила и фигура, и вы за ней послѣдовали. Затѣмъ вы почувствовали, что двѣ вполне материализованныя руки дотронулись до вашихъ щекъ и т. д.* Изъ этихъ словъ можно заключить, что все это происходило внутри кабинета. Между тѣмъ г. Крогъ утверждаетъ въ своемъ

отчетъ, ссылаясь на ваши слова, что, когда вы подошли къ кабинету, фигура отступила въ него такъ, что лишь верхняя часть ея туловища была видна вамъ внѣ кабинета. Однимъ словомъ, гдѣ произошла ваша встрѣча: въ кабинетѣ или внѣ его?

5) Если внѣ кабинета, то я хотѣлъ-бы прежде всего спросить васъ: что-же вы собственно увидали? Было-ли лицо фигуры закрыто покрываломъ, или открыто? Если оно было открыто, то было-ли при этомъ достаточно свѣта, чтобы разсмотрѣть черты лица? Если да, то будьте добры, опишете мнѣ какъ можно точнѣе, что вы видѣли? Можно-ли было по этимъ чертамъ, какимъ-либо ихъ особенностямъ легко узнать вашего покойнаго супруга?

6) Что еще происходило внѣ кабинета? Внѣ-ли кабинета чувствовали вы, какъ до вашихъ щекъ дотронулись длинныя и нѣжныя руки, подобныя рукамъ вашего супруга? Узнали-ли вы эти руки лишь на ощупь, или вы могли ихъ разсмотрѣть также, какъ и черты лица. Какъ вы отвѣтили на эту ласку?

7) Что же произошло потомъ внутри кабинета, куда вы послѣдовали за фигурой? Я не знаю размѣровъ кабинета, но если это тотъ же, который я видѣлъ прежде въ домѣ г-на Фидлера, то, мнѣ кажется, онъ такъ малъ, что вдвоемъ трудно въ немъ помѣститься; итакъ, находились ли вы оба въ кабинетѣ, и стало быть, въ полной темнотѣ, или фигура была въ кабинетѣ, а вы стояли у входа, между занавѣсками? Если вы стояли въ среднемъ разрѣзѣ между занавѣсками, то свѣтъ, хотя бы и слабый, могъ проникать въ кабинетъ.

Если же вы вошли въ кабинетъ черезъ занавѣску направо отъ медіума (по описанію г-на Фидлера, фигура появилась направо отъ него), то свѣтъ изъ окна, освѣ-

щавшій комнату справа отъ васъ, не могъ проникнуть въ кабинетъ?

8) Вы пишете: «я обняла его шею руками и почувствовала массу мягкаго крена, покрывшую меня». Происходило ли это въ темнотѣ кабинета, видѣли ли вы крепъ, или только осязали, и не дотронулись ли при этомъ до волосъ? Въ отвѣтъ на его объятіе не обняли ли вы его голову и не ощупали ли его волосы? Были ли они длинны, мягки, похожи на обыкновенные? Короче говоря, узнали ли вы ихъ? Вообще о волосахъ вы ничего не говорите.

9) Другіе присутствующіе въ своихъ отчетахъ говорятъ о слышанныхъ поцѣлуяхъ. Какъ это понимать? вы ничего о томъ не упоминаете.

10) Чувствовали ли вы, обнимая его, прикосновеніе плечъ и плотность всего тѣла? Были ли его движенія свободны и непринужденны, какъ движенія живого человѣка?

11) Навѣрное, вы не молчали во все время этого свиданія. Сказали ли вамъ вашъ покойный супругъ хотя бы нѣсколько словъ? Разъ онъ звалъ васъ по имени, значить — онъ могъ говорить?

12) Конецъ вашего свиданія требуетъ особеннаго вниманія: «вы вдругъ почувствовали, что фигура какъ бы таетъ въ вашихъ объятіяхъ. Вы протянули руки и стали искать ее въ кабинетѣ, но кабинетъ оказался совершенно пустымъ». Будьте добры, опишите этотъ моментъ по возможности точно и подробно. Обнимали ли вы фигуру въ тотъ моментъ, когда она внезапно исчезла. Чувствовали ли вы ее въ вашихъ объятіяхъ? Неужели возможно, чтобы масса крена также бы мгновенно исчезла? Можетъ быть, крепъ лежалъ нѣкоторое время на полу? Убѣдились ли вы, и какимъ образомъ, что кабинетъ дѣйствительно пустъ?

13) Помните ли вы то, что не вы сами добровольно разстались съ фигурой, а васъ почти насильно увели изъ кабинета? Какъ согласовать это обстоятельство съ внезапнымъ исчезновеніемъ фигуры и вашими поисками въ кабинетѣ?

14) Не можете ли вы, хоть приблизительно опредѣлить, сколько времени вы были вмѣстѣ?

15) Помните ли вы до сихъ поръ сознательно, что вы при томъ слабомъ освѣщеніи дѣйствительно ясно видѣли одновременно медиума на своемъ мѣстѣ, а фигуру возлѣ него?

16) Послѣ этого сеанса прошелъ цѣлый годъ. Какъ вы теперь относитесь къ испытанному вами тогда? Не появились ли у васъ за это время какія нибудь сомнѣнія.

17) Когда вы пріѣхали изъ Кельна въ Готтенбургъ, вы, вѣроятно, видѣли миссисъ д'Эсперансъ до сеанса. Не сообщили ли вы ей въ разговорѣ какихъ-либо подробностей о вашемъ супругѣ? Не показывали вы ей его портрета? Въ теченіе этого года не имѣли ли вы черезъ посредство другихъ медиумовъ (не знавшихъ о вышеупомянутомъ сеансѣ) новыхъ сообщеній отъ вашего покойнаго супруга, подтверждающихъ его явленіе на сеансѣ 25-го ноября 1895?

19) Если въ датскомъ журналѣ напечатанъ переводъ вашего отчета, написаннаго по-нѣмецки, то я бы очень просилъ васъ прислать мнѣ копію съ нѣмецкаго оригинала.

20) Въ заключеніе, не будете ли вы такъ добры сообщить мнѣ нѣкоторыя подробности о себѣ самой и о вашихъ занятіяхъ: какого они рода, носятъ ли они чисто практической характеръ, или, быть можетъ, отчасти умственный и отвлеченный. Изъ вашего отчета видно,

что вы уже раньше занимались спиритизмомъ. Но освоились ли вы съ нимъ на столько, что можете относиться къ его явленіямъ вполнѣ безпристрастно, хладнокровно, даже критически?

Простите великодушно, милостивая государыня, всѣ мои разспросы, относящіеся къ предмету вамъ столь близкому и дорогому. Я надѣюсь, что вы поймете ихъ цѣль и основаніе. Мнѣ остается только повторить еще разъ мою покорнѣйшую просьбу по возможности точно отвѣтить на всѣ мои вопросы и тѣмъ самымъ дополнить описаніе этого замѣчательнаго явленія, пока произведенное имъ на васъ впечатлѣніе еще свѣжо и живо. Прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ уваженіи, съ которымъ имѣю честь быть искренно вамъ преданный.

А. Аксаковъ.

III.

Отвѣтъ А. Н. Аксакову Антоніи Билле-Даль.

Бельнъ, 28-го декабря 1896 г.

Милостивый государь!

Только въ эту ночь нахожу первую удобную минуту для отвѣта на ваше письмо.

Горячо любимая дочь моя тяжело больна. Я уже много ночей провела около ея постели и была слишкомъ утомлена, чтобы писать вамъ. Извините меня, уроженку Норвегіи, за нѣсколько неправильный нѣмецкій языкъ. Отвѣчаю на всѣ ваши вопросы.

1) Съ кончины горячо любимаго мною мужа, 21 годъ тому назадъ, мое самое сильное желаніе было узнать, увидамся-ли мы съ нимъ послѣ нашей земной жизни.

Много лѣтъ прошло, пока я удостовѣрилась, что спиритизмъ не обманъ, а истина. Я много перечитала спиритическихъ сочиненій. Съ дѣтства я часто слышала разговоры о сверхъестественномъ и сама испытала нѣкоторыя явленія. Несмотря на это, мнѣ было очень трудно придти къ твердой непоколебимой вѣрѣ. Въ Кельнѣ у насъ бывалъ одинъ молодой медиумъ, который однажды, когда, во время его транса, я разговаривала черезъ него съ моимъ мужемъ, сказала, что если мнѣ удастся принять участіе въ сеансѣ съ миссисъ д'Эсперансъ, мужъ мой постарается матеріализоваться. Послѣ чего я обратилась съ моей просьбой къ г-ну Фидлеру и миссисъ д'Эсперансъ въ Готтенбургъ.

2) Предполагаю, что г-нъ Фидлеръ и миссисъ д'Эсперансъ знали мое имя, Антонія, но не уменьшительное «Тони».

3) Во время сеанса миссисъ д'Эсперансъ спросила, не зовутъ-ли кого изъ присутствующихъ «Тони», говоря, что духъ повторяетъ это имя. Тогда я отозвалась.

4) Встрѣча моя съ мужемъ произошла внѣ кабинета. Я все время стояла у кабинета, а мой мужъ, обнимая меня, стоялъ въ разрѣзѣ между занавѣсками.

5) Сначала я увидала бѣлую закутанную покрываломъ фигуру. Лицо было совсѣмъ закрыто вуалью. Эта фигура взяла меня руками за обѣ щеки и сжала ихъ съ горячей любовью. Руки были совершенно какъ у живого человѣка, только холодноватыя и слегка влажныя. Отъ всей фигуры пахло фіалками и тлѣніемъ. Думаю, что однѣ только руки были вполнѣ матеріализованы; когда я дотронулась до лица, оно показалось мнѣ такимъ страннымъ, что я испуганно отдернула руку, причемъ, зацѣпила пальцами за одежду духа. Такъ растянулась какъ шелковый гофрированный крепъ. Лицо и вся фигура

были закрыты, только руки свободны. Лица я не видела, но руки опять узнала также, какъ и обычную его ласку. Въ комнатѣ было достаточно свѣтло, чтобы ясно видѣть.

6) Руки его и привычную ласку я узнала и не испугалась, но дотронувшись до лица, я ощутила невольный страхъ, оно показалось мнѣ не вполне матеріализованнымъ. Когда онъ ласкалъ меня, я не боялась, а только чувствовала себя неизмѣримо счастливой.

7) Когда миссисъ д'Эсперансъ воскликнула: «Уведите ее» и г-нъ Фидлеръ осторожно отстранилъ меня, фигура вдругъ исчезла. На прощаніе, она три раза прижала свою правую руку ладонью къ моимъ губамъ, какъ-бы для поцѣлуя. Я подумала, что, вѣроятно, онъ поцѣловалъ меня, такъ сказать, рукою, потому что лицо его и губы не были достаточно матеріализованы для поцѣлуя. Когда онъ исчезъ, я сдѣлала движеніе впередъ, чтобы удержать его. Мнѣ было такъ тяжело разстаться съ нимъ. Я вошла въ кабинетъ и стала его осматривать, изслѣдовать руками, но все, все исчезло. Кабинетъ былъ не великъ. Какъ уже сказано выше, я все время стояла передъ кабинетомъ, а мужъ въ разрѣзѣ между занавѣсками.

Свѣту было настолько, что я все различала. Мужъ стоялъ направо отъ г-жи д'Эсперансъ, позади ея, у правой занавѣски, г-жа Пейронъ, сидѣвшая возлѣ кабинета, могла лучше всѣхъ видѣть мужа; она разсмотрѣла черты его лица и волосы, и бороду. Сначала фигура появилась рядомъ съ миссисъ д'Эсперансъ отъ нея направо, и была очень мала, а потомъ стала расти кверху. Я же увидела ее, когда она протянула руки и направилась ко мнѣ, а потомъ отступила, точно у нея не доставало силы. Затѣмъ миссисъ д'Эсперансъ позвала:

«Тони» и я подошла къ кабинету. Г-жа Пейронъ и Лили Фидлеръ такъ подробно описали мнѣ моего мужа, что у меня не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія въ его личности.

8) Какъ выше сказано, у меня не хватило смѣлости обнять его за шею, потому что лицо его было не dokonчено.

9) Онъ не цѣловалъ меня, а только крѣпко прижималъ руку къ моимъ губамъ, и крѣпко сжималъ мои щеки. Въ одно время съ нимъ исчезъ и характерный запахъ тлѣнія. Въ кабинетѣ никакого запаха уже не было.

10) Я не чувствовала плотности его тѣла, а только плотныя руки, странное недодѣланное лицо и густое креповое покрывало, издававшее запахъ тлѣнія. Руками онъ двигалъ свободно. Ростъ фигуры вполне соответствовалъ росту мужа, и когда онъ держалъ пальцы врозь, я опять узнала въ нихъ его пальцы.

11) Мужъ не говорилъ со мной, я же сказала ему нѣсколько ласковыхъ словъ. Говорятъ, что онъ три раза повторилъ «Тони»; это слышали г-жи д'Эсперансъ и Пейронъ и нѣкоторые другіе, я же, къ несчастью, не слыхала.

12) Фигура исчезла внезапно, я напрасно искала ее въ кабинетѣ, кабинетъ былъ пустъ.

13) Г-нъ Фидлеръ отвелъ меня отъ кабинета, потому что г-жа д'Эсперансъ не могла долѣе выдерживать.

14) Г-нъ Фидлеръ вѣрнѣе меня можетъ сказать, сколько времени я пробыла съ мужемъ, я же не знаю. Время мнѣ показалось очень короткимъ.

15) Я и теперь все ясно помню, каждую мелочь. Знаю навѣрное, что я видѣла одновременно фигуру и г-жу д'Эсперансъ. Въ комнатѣ было достаточно свѣтло, чтобы ясно различать предметы.

16) Я ни одной минуты не сомнѣвалась въ томъ, что я видѣла и ощущала въ продолженіе чуждаго сеанса въ Готтенбургѣ.

17) Я пріѣхала въ Готтенбургъ въ пятницу, вечеромъ, приглашенная семьей Фидлеръ; я, конечно, заранѣе познакомилась съ г-жей д'Эсперансъ. До сеанса никто не видѣлъ портрета моего мужа. При посѣщеніи моею баронессой Пейронъ на слѣдующій за сеансомъ день я показала ей бывшій со мною маленькій портретъ мужа, и она узнала его. Но она еще ранѣе описала мнѣ фигуру духа и ея описаніе походило на моего мужа.

18) Медіумы, съ которыми я имѣла сеансы въ этомъ году, были всѣ близкіе мнѣ люди и знали про сеансы въ Готтенбургѣ.

19) Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ составленнаго отчета о сеансѣ ни на нѣмецкомъ, ни на датскомъ языкѣ. Существуетъ только напечатанный въ Fra-de-to-Verdeneg, который вы читали.

20) Всѣ мои занятія сводятся къ исполненію обязанностей хозяйки дома и матери. Я охотно читаю хорошія книги, особенно спиритическаго содержанія. Первая такая прочитанная мною книга была сочиненіе Фламариона «Обитаемые міры», въ норвежскомъ переводѣ. Я была-бы очень счастлива, если-бы могла постоянно читать о спиритизмѣ, изучая его явленія, но у меня недостаточно средствъ для пріобрѣтенія книгъ и періодическихъ изданій.

Всѣ мои дѣти медіумы, но сеансы вредно отзываются на ихъ здоровьѣ, и я предпочитаю, чтобы они въ нихъ не участвовали. Мать моя владѣла даромъ ясновидѣнія, какъ Сведенборгъ. Она была сильнымъ медіумомъ. Спиритизма она не любила, ее отталкивало его названіе. Мой мужъ и я были свидѣтелями нѣкоторыхъ сверхъ-

естественныхъ явленій. Еще будучи ребенкомъ, я видѣла однажды духа, а впоследствии видала ихъ не разъ. Думаю, что жизнь моя уже приближается къ концу, думаю это потому, что силы мои слабѣютъ. Я не боюсь оставить земную оболочку, которую всегда считала за бремя. Отъ моего мужа я узнала все, что люди могутъ узнать и понять о жизни, послѣ такъ называемой смерти. Я довольна всѣмъ, что мнѣ даетъ Тотъ, Кто управляетъ міромъ. Жизнь часто бываетъ тяжелой утомительной школой. Такой была она для меня съ ничтожными облегченіями. Убѣдить меня въ чемъ-нибудь совсѣмъ нелегко и много разъ я слишкомъ недоувѣрчиво относилась къ медіумамъ,—вѣдь не всѣ явленія подлинны.

Извините мой дурной почеркъ и другіе недостатки моего письма. Теперь, во время тяжелой болѣзни дочери, у меня нѣтъ ни времени, ни необходимаго спокойствія для того, чтобы написать вамъ, какъ слѣдуетъ. Къ тому же я переутомлена бессонными ночами.

Да хранить васъ Богъ!

Съ полнымъ уваженіемъ къ вамъ

Антонія Билле-Даль.

IV.

Отчетъ о томъ же сеансѣ наммергера Кругъ.

Изъ датской газеты Fra-de-to-Verdener (отъ февраля 1896 года).

25-го ноября 1895 г. состоялся въ Готтенбургѣ въ домѣ г. Фидлера сеансъ. Получивъ приглашеніе, мы съ женой не приминули, конечно, имъ воспользоваться. Кружокъ состоялъ также, какъ и въ прошлый разъ, приблизительно изъ двадцати человѣкъ; между ними находились

мы съ женой (пріѣхавъ изъ Копенгагена), затѣмъ г. Е. изъ Гефле, котораго г. Фидлеръ вылѣчилъ магнетизмомъ отъ болѣзни, признанной всѣми врачами неизлѣчимой, баронесса П. изъ Стокгольма, баронесса Z. изъ южной Германіи и г-жа Билле-Даль изъ Кельна. Сеансъ состоялся, главнымъ образомъ, для послѣдней, такъ какъ ея покойный мужъ, котораго она, повидимому, вѣжно любила, сказалъ ей черезъ одного медиума въ Берлинѣ, чтобы она обратилась къ Готтенбургскому кружку, гдѣ онъ надѣялся ей явиться.

Передъ сеансомъ былъ осмотрѣнъ кабинетъ, устроенный по прежнему между окнами столовой, посредствомъ все той же трехстворчатой ширмы. Но на этотъ разъ внутри кабинета была поставлена еще вторая трехстворчатая ширма, прелестно разрисованная по шелковой матеріи. Всѣ присутствующіе очень любовались этими рисунками. Въ одномъ изъ угловъ кабинета поставили небольшой столикъ съ положенными на него бумагой и карандашемъ, и задернули занавѣски.

Медиумъ занялъ мѣсто на стулѣ передъ кабинетомъ, а гости, какъ и въ послѣдній разъ, размѣстились въ заранѣе опредѣленномъ порядкѣ кругомъ справа налѣво. У кабинета на этотъ разъ сѣла баронесса П., рядомъ съ ней г-жа Фидлеръ, затѣмъ я, моя жена, г. Фидлеръ и г-жа Билле-Даль; между мною и г-жею Фидлеръ, нѣсколько выдвинувшись впередъ, сѣла, какъ и въ послѣдній разъ, дѣвочка. Было около 8¹/₂ ч. вечера, когда погасили лампу, висѣвшую подъ потолкомъ, и сеансъ начался.

Какъ и прежде свѣтъ проникалъ въ комнату черезъ большое красноватое стекло, находившееся на лѣвой отъ кабинета стѣнѣ, чрезъ которое и медиумъ, и кружокъ были ясно освѣщены. Когда же минуту спустя свѣтъ

уменьшили, то и тогда, хотя не такъ уже ясно, а все-таки можно было до нѣкоторой степени различать какъ все находящееся въ комнатѣ, такъ и медіума въ его бѣломъ платьѣ. Затѣмъ произошло нѣчто странное. Медіумъ вдругъ сказалъ: «столъ или что-то толкаетъ меня изнутри кабинета». А вслѣдъ затѣмъ прибавилъ: «Теперь самый столикъ выдвигаютъ изъ кабинета» — и дѣйствительно, въ ту же минуту столъ выдвинулся на середину комнаты. Поверхность столешницы его сіяла фосфорическимъ свѣтомъ. Послышался сильный шумъ и медіумъ воскликнулъ: «Теперь ширма выдвигается», что и случилось немедленно: разрисованныя ширмы выдвинулись такъ же, какъ передъ тѣмъ столикъ, и ихъ пришлось унести изъ круга.

Баронесса П., сама хорошій медіумъ, замѣтила, что она заранѣе знала, что ширмъ въ кабинетѣ не оставляютъ.

Послѣ этого кружокъ, наконецъ, усѣлся покойно; баронесса прочла молитву, потомъ продекламовала стихи. Въ ожиданіи, что будетъ дальше, мы стали то пѣть, то играть на фисгармоніи.

Первая свѣтлая искра показалась направо отъ медіума; разростаясь она приняла форму человѣческой фигуры, и вышла сперва на середину круга, а затѣмъ направилась въ нашу сторону. Спросили, для кого она пришла? Жена моя, вставъ, пошла къ ней на встрѣчу, но фигура отступила къ медіуму и точно расплылась въ воздухъ. Вскорѣ медіумъ сказалъ: въ кабинетѣ кто-то зоветъ «Тони». Г. Фидлеръ спросилъ г-жу Билле-Даль, не ея ли это имя?

«Да, отвѣтила она, мое имя Антонія, но мой мужъ всегда звалъ меня «Тони». Она тотчасъ же встала и быстро направилась къ кабинету, откуда мы вскорѣ услышали ея радостныя возгласы, нѣкоторыя нѣжныя

выраженія и звукъ поцѣлуевъ. Но съ нашихъ мѣстъ не было видно того, что такъ поразило баронессу П., ясно разсмотрѣвшую со своего мѣста явившуюся мужскую фигуру. Потомъ мы поняли, что именно г-жа Билле-Даль заслоняла ее отъ насъ.

Изъ рассказаннаго впоследствии г-жею Билле-Даль оказалось, что только верхняя часть матеріализованной фигуры выступала изъ кабинета, что различить черты ея лица она не могла, узнала въ ней мужа по тому, какъ онъ сжалъ лицо ея руками и поцѣловалъ ее въ губы. Такъ обыкновенно ласкалъ онъ ее при жизни. Она говорила еще, что руки у нея зацѣпились за газовую или креповую вуаль, окутывающую обыкновенно матеріализованныя фигуры.

Во время этихъ ласкъ фигура все болѣе и болѣе придвигалась къ медиуму, что вмѣстѣ съ охватившимъ г-жу Билле-Даль волненіемъ сильно подѣйствовало на не вполне здороваго въ этотъ день медиума. Г-жа д'Эсперансъ не смогла долѣе выдержать и слабо сказала: «уведите ее, уведите ее».

Матеріализованная фигура растаяла и исчезла, а г. Фидлеръ отвелъ г-жу Билле-Даль на ея прежнее мѣсто. Она едва могла говорить отъ счастья, доставленнаго ей встрѣчей.

Вскорѣ затѣмъ образовалось новое туманное свѣтовое пятно, превратившееся въ женскую фигуру, но неясную, не вполне сформированную. Она скользнула по кругу, останавливаясь нѣсколько разъ около баронессы П., выразившей твердую увѣренность, что это художница Берта Валеріусъ, умершая въ прошломъ февралѣ мѣсяцѣ и хорошо ей знакомая. Нѣсколько разъ повторила она ей: «Да благословитъ васъ Богъ! Берта!» —

Когда фигура эта исчезла, къ кабинету подозвали

одного господина, съ которымъ желалъ говорить его другъ. Вѣроятно, было недостаточно силы для того, чтобы фигура могла выйти изъ кабинета, ибо мы на этотъ разъ никакой фигуры не видали, но тотъ господинъ узналъ своего друга и назвалъ его по имени.

Вскорѣ потомъ начало образовываться новое свѣтовое пятно между медіумомъ и баронессой П. Я спросилъ г. Фидлера, нельзя ли узнать, для кого оно появилось? На вопросъ его, намъ отвѣтили, что явилось оно для меня, но я, видя, что оно превращается въ женскую фигуру, былъ убѣжденъ, что явленіе это для моей жены. Фигура дѣйствительно и направлялась къ ней, но силы, должно быть, вдругъ измѣнили, и она отстудила къ кабинету. Женѣ посовѣтовали слѣдовать за ней и баронесса Пейронъ уступила ей свое мѣсто. Занявъ его, жена протянула руку къ кабинету и тотчасъ же почувствовала прикосновеніе твердой руки. На вопросъ, то ли это лицо, имя котораго она передъ тѣмъ называла, ей отвѣтили горячимъ, крѣпкимъ рукопожатіемъ, и такимъ же образомъ отвѣчали и на всѣ ея дальнѣйшіе вопросы, послѣ чего рука исчезла. Протянувъ во второй разъ руку въ кабинетъ, жена убѣдилась, что онъ совершенно пустъ. Она ничего въ немъ не ощущала, пока не дотронулась до стула медіума. Тогда она уступила баронессѣ Пейронъ ея мѣсто и вернулась на свое.

Въ продолженіе сеанса баронессу П. нѣсколько разъ ласкала рука, которую она, по величинѣ и движеніямъ, признала за руку своего сына. Мы слышали, какъ она называла его по имени и говорила съ нимъ.

Наконецъ, опять пришла маленькая индіанка Нинія. Она большей частью стояла на противоположной сторонѣ кружка, такъ что съ нашего мѣста мы видѣли ее не совсѣмъ ясно, но зато слышали почти постоянно.

Отъ времени до времени изъ кабинета слышались громкіе стуки, а съ противоположной отъ нашей стороны звуки струннаго инструмента, указывавшіе на присутствіе Нипи.

Какъ и на прошедшемъ сеансѣ, появлялось еще не мало матеріализацій, но ни одной вполнѣ законченной, что зависѣло, быть можетъ, отъ ихъ количества, обусловливавшаго уменьшеніе силы. А не то причина просто въ нездоровьи медиума. Г-жа д'Эсперансъ уже нѣсколько дней страдала отъ простуды и чувствовала себя нехорошо.

Въ тотъ день она взяла турецкую ванну и послѣ недолго отдыхала, въ надеждѣ, что это ей поможетъ, однако ея обычная сила не вернулась. Могло служить помѣхой и присутствіе другого медиума, отвлекшаго къ себѣ часть силы, такъ какъ явилось нѣсколько фигуръ, матеріализующихся обыкновенно черезъ другихъ медиумовъ.

Несмотря на все это, сеансъ былъ очень интересенъ, и мы, во всякомъ случаѣ, не раскаиваемся, что предприняли длинное путешествіе въ Готтенбургъ.

С. В. Кругъ.

V.

Отчетъ о томъ же сеансѣ баронессы Анны Пейронъ.

Изъ шведской газеты «Exterat» отъ февраля 1896 года, переведенный по англійски г-жей д'Эсперансъ.

Пока въ половинѣ августа 1895 года миссисъ Эсперансъ изъ Готтенбурга гостила у меня въ Стокгольмѣ, получила она письмо изъ Германіи отъ незнакомой ей дотолѣ особы г-жи фонъ-Билле-Даль, въ которомъ та

писала, что она получила въ Кёльнѣ черезъ говорящаго медиума посланіе, отъ своего 23 года тому назадъ умершаго супруга, сообщавшее, что онъ попробуетъ явиться ей, если она будетъ участвовать въ сеансѣ у миссисъ д'Эсперансъ въ Готтенбургѣ, единственнаго медиума, какъ онъ думаетъ, черезъ котораго онъ можетъ или будетъ матеріализоваться.

По возвращеніи г-жи д'Эсперансъ въ Готтенбургъ, въ половинѣ ноября получила я отъ нея письмо съ извѣстіемъ, что она чувствуетъ себя достаточно крѣпкой и здоровой, чтобъ рискнуть на сеансъ, на который она пригласила меня и г-жу Билле-Даль.

Я поѣхала 25-го ноября въ Готтенбургъ и въ тотъ же вечеръ состоялся сеансъ въ помѣщеніи г. Матью Фидлера. Кромѣ медиума присутствовало 17-ть человекъ.

Медиумъ, по своему обыкновенію, сидѣлъ передъ кабинетомъ, внутри котораго находились: небольшой столикъ и низенькая испанская ширмочка.

Устроили мягкое, слабое освѣщеніе съ помощью газоваго рожка, установленнаго въ корридорѣ противъ окна съ матовымъ стекломъ. Мѣсто мое было напротивъ этого окна и я отлично видѣла на этомъ освѣщенномъ фонѣ матеріализованныя фигуры.

Миссисъ д'Эсперансъ просила меня прочитатъ молитву, что я и исполнила. Послѣ недолгаго сидѣнія, медиумъ сказалъ: «Кто-то или что-то толкаетъ меня въ спину». Вслѣдъ за этими словами столикъ былъ вытолкнутъ изъ кабинета, а потомъ и испанская ширмочка, и я услышала слабый голосъ, говорившій «возьмите ихъ, возьмите ихъ».

Вскорѣ послѣ того, какъ убрали ширмочку, изъ кабинета вышла мужская фигура въ бѣломъ одѣяніи. Она вышла съ распростертыми руками какъ бы для объятій.

Я ясно видѣла ее въ профиль. Ростомъ она была съ медіума, носъ прямой, небольшіе черные усы, темныя брови и темные волосы.

Одѣяніе ея было изъ бѣлой шелковой матеріи, съ широкими полосками, одна гладкая, а другая съ разводами.

Простоявъ тутъ минуты двѣ, фигура ушла въ кабинетъ, повернулась и опять съ распростертыми руками. Мы, сидѣвшіе ближе, слышали слабый, глухой голосъ, говорившій «*Тони! Тони! Тони!*». Но, какъ никто изъ насъ не зналъ, кто *Тони*, то миссисъ д'Эсперансъ сказала: «Здѣсь есть кто-то требующій *Тони*». Услыхавъ это, г-жа Билле-Даль поспѣшила впередъ къ кабинету и фигура заключила ее въ свои отверстія объятія, при чемъ было объяснено, что *Тони* ласкательное имя, какимъ, во время своей земной жизни, мужъ имѣлъ привычку называть ее.

Они долго стояли обнявшись, такъ долго, что медіумъ, наконецъ, попросилъ меня отвести г-жу Билле-Даль на ея мѣсто; тогда фигура исчезла.

За этвмъ послѣдовало то, что я считаю наиболѣе интереснымъ изъ всего сеанса.

Между медіумомъ и мною — мы сидѣли рядомъ — появились два большихъ шара, одинъ свѣтлый, другой темный. Они быстро росли къ верху, подымались и опускались какъ пламя, затѣмъ приняли форму двухъ большихъ стрѣлокъ, изъ которыхъ окончательно образовались двѣ женскія фигуры, одна въ свѣтломъ, другая въ темномъ одѣяніи. Одна схватила г-жу д'Эсперансъ за руку и стала тащить ее впередъ по полу, но та не захотѣла слѣдовать за нею, и фигура, оставивъ ея руку, двинулась одна черезъ всю комнату, гдѣ она простояла съ минуту съ вытянутыми руками, какъ мнѣ говорили другіе, и вернулась въ кабинетъ. Я же ничего изъ этого явленія не видала, ибо въ это время другая, свѣтлая

фигура подошла ко мнѣ, положила обѣ руки мнѣ на плечи и, поласкавъ меня въ нѣсколько пріемовъ, исчезла въ кабинетѣ. Минуты двѣ спустя возвратилась фигура въ темномъ одѣяніи, подошла ко мнѣ и положила мнѣ на колѣни вуаль, которую держала въ рукахъ погладила меня рукою по лицу и опять ушла въ кабинетъ.

Не болѣе какъ черезъ минуту изъ кабинета вышла мужская фигура, покрытая бѣлой вуалью, настолько прозрачной, что сквозь нея черты лица были ясно видны. Медіумъ сказалъ, что она требуетъ г-на Е. и тотъ вышелъ впередъ, но остановился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ фигуры. Мною овладѣло нетерпѣніе, я взяла его за руку и подвела къ фигурѣ, предлагая пожать протянутую ему руку. Г-нъ Е. спросилъ: «Ты-ли это, Альбертъ?» На что духъ отвѣтилъ тремя стуками ему въ плечо. Г-нъ Е. сказалъ еще нѣсколько словъ духу, но такъ какъ тому пришлось ждать довольно долго прежде чѣмъ г-нъ Е. подошелъ къ нему, то, повидимому, сила истощилась, и фигура вернулась въ кабинетъ.

Теперь появилась женская фигура, требовавшая г-жу К. Чтобы той было удобнѣе видѣть духа, я обмѣнялась съ ней мѣстами; онѣ поговорили минуты съ двѣ между собою, и мы вернулись на свои кресла.

Минутъ пять спустя занавѣсы были отдернуты въ сторону и появилась другая женская фигура, взяла меня за руку и втянула въ кабинетъ. По тому, какъ она это сдѣлала, я узнала мою незабвенную подругу Берту, но, чтобы окончательно въ этомъ увѣриться, я спросила: «Ты-ли это, Берта?» и получила отвѣтъ тремя стуками и тихимъ голосомъ выговоренное «Да». Я стала передъ ней на колѣни и сказала: «Если это ты, Берта, благослови меня» — тогда, сдвинувъ въ сторону мою шляпку, она положила мнѣ на голову руки, поцѣловала меня, про-

бормотала нѣсколько ласковыхъ словъ и дошла со мной до моего мѣста.

Я не просидѣла на немъ и двухъ минутъ, какъ занавѣску опять отодвинули въ сторону и появилась высокая, очень прямая мужская фигура; она тоже взяла меня за руку и увела въ кабинетъ. Я узнала моего сына, скончавшагося передъ новымъ годомъ. И передъ нимъ я стала на колѣни и просила благословить меня. Онъ положилъ мнѣ руку на голову и нѣжно проговорилъ тѣ же слова, которыя написалъ однажды на грифельной доскѣ въ моемъ собственномъ домѣ черезъ медиумическую силу миссисъ д'Эсперансъ: «Не бойся, Господь сказалъ, Я всегда съ тобою». Послѣ чего тихо вывелъ меня изъ кабинета.

Затѣмъ медиумъ спросилъ цитру, лежавшую на колѣняхъ у г-на Н. Ф. Духъ маленькой дѣвочки, называвшей себя Нинія, обыкновенно являлся на сеансы и игралъ на цитрѣ. Вскорѣ мы услышали звукъ цитры, но духа не видали: онъ былъ не достаточно матеріализованъ для того, чтобы видѣть его глазами, но во всякомъ случаѣ имѣлъ возможность ударять по струнамъ инструмента. Послѣ намъ стало казаться, что звуки сами собой раздаются въ воздухѣ. Когда кто-нибудь просилъ Нинию подойти къ нему, она отвѣчала сильнымъ стукомъ цитрой по полу. Она, видимо, была не въ духѣ; однако, когда я попросила ее подойти и сѣсть ко мнѣ на колѣни, увѣряя ее, что я очень люблю маленькихъ дѣтей, она положила цитру на одну изъ моихъ колѣнокъ и я почувствовала, какъ на другую пробовалъ влѣзть ребенокъ, но такъ какъ я никого не видала, то и не могла помочь ему. Послѣ второй неудачной попытки она пришла въ сильное нетерпѣніе, вырвала у меня цитру и ползшила ее на колѣни миссисъ Фидлеръ, сидѣвшей на скамеечкѣ у моихъ ногъ.

Тутъ медиумъ объявилъ сеансъ оконченнымъ, и мы встали съ благодарнымъ чувствомъ въ сердцѣ за всѣ чудеса, нами видѣнные. Считаю пріятнымъ долгомъ выразить миссисъ д'Эсперансъ мою глубокую признательность за полное убѣжденіе, мною здѣсь пріобрѣтенное, въ томъ, что смерти нѣтъ, а то, что мы такъ называемъ, есть только переходъ въ другое лучшее бытіе, гдѣ мы соединимся со всѣми насъ опередившими дорогими друзьями и пойдѣмъ все выше и выше, пока не достигнемъ дома Отца нашего Небеснаго.

Анна Пейронъ.

урожденная Веттерштедтъ.

Отчетъ г. Отто Е. Эриксона о томъ же сеансѣ.

(Съ англійской рукописи г-жи д'Эсперансъ, переведенной г. Виттхомъ на нѣмецкій языкъ).

Я имѣлъ удовольствіе получить приглашеніе на сеансъ, состоявшійся въ Готтенбургѣ 25-ноября 1895 г.

Насъ, сколько помню, было около двадцати человекъ. Кабинетъ устроили между двумя окнами столовой, въ квартирѣ г-на Фидлера. Внутри поставили художественно-разрисованныя баронессой Анной Пейронъ ширмочки и небольшой столикъ, на который положили бумагу и карандаши. Медиумъ, миссисъ д'Эсперансъ, сѣла на стулъ передъ кабинетомъ, а всѣ остальные гости помѣстились возлѣ нея полукругомъ. Лампу погасили и комната слабо освѣщалась черезъ окно, высоко пробитое въ стѣнѣ надъво отъ медиума, причемъ только одинъ медиумъ былъ ясно виденъ, благодаря его свѣтлому или бѣлому платью, другія же лица, сидѣвшія полукругомъ, различались съ трудомъ.

Баронесса Пейронъ прочла коротенькую молитву, а

г-нъ Фидлеръ, заигралъ мелодію, которой остальные слегка подиѣвали. Въ это время изнутри кабинета поднялся шумъ и миссисъ д'Эсперансъ сказала, что кто-то толкаетъ ее въ спину. Послѣ этихъ словъ столикъ выдвинулся изъ кабинета, а вслѣдъ за нимъ и разрисованная ширмочка.

Вскорѣ послѣ того какъ все успокоилось и пѣніе возобновилось, миссисъ д'Эсперансъ попросила замолчать, такъ какъ въ кабинетѣ слышится голосъ. Тогда и мы услышали голосъ, зовущій «Тони». Г-нъ Фидлеръ спросилъ, нѣтъ-ли между присутствующими кого-нибудь по имени «Тони». Г-жа Билле-Даль изъ Кёльна отвѣтила, что ее зовутъ Антонія, но что ея покойный мужъ всегда называлъ ее уменьшительнымъ «Тони».

Она встала съ своего мѣста и, сильно возбужденная, пошла къ кабинету, откуда до насъ долетѣли радостныя восклицанія безъ словъ, нѣжныя вздохи и звуки поцѣлуевъ. Она была въ высшей степени взволнована счастлива, увидавъ и узнавъ, какъ она сказала намъ послѣ, своего супруга, котораго, повидимому, глубоко любила.

Что касается меня, то я не видалъ его, потому что г-жа Билле-Даль своей особой закрывала фигуру отъ сидящихъ въ нашей сторонѣ. Она говорила, что только верхняя часть фигуры выступила изъ кабинета, нижняя же часть скрывалась въ занавѣскахъ.

Опять черезъ самое непродолжительное время миссисъ д'Эсперансъ обратила наше вниманіе на стоявшую возлѣ фигуру съ протянутой рукой, какъ бы собираясь кого-то привѣтствовать. Спросили, не желанный-ли онъ д-ръ Л., но фигура отдернула руку. Тогда повторили вопросъ, относя его ко мнѣ; получился отвѣтъ утвердительный. Я пошелъ впередъ и радостно схватилъ протянутыя мнѣ обѣ руки. Онѣ были большія, сильныя и крѣпко, сердечно пожали мои.

На мой вопросъ, не брать-ли это мой Альбертъ, — брѣвно сжали мои руки и вѣжно ихъ погладили, что, какъ мнѣ объяснили, означало утверженіе.

Когда окутывавшее фигуру покрывало упало мнѣ на руки, оно точно приклеилось къ моимъ пальцамъ, и на ощупь показалась мнѣ тонкой, мягкой шерстяной или шелковой тканью.

По исчезновеніи этой мужской фигуры, пригласили подойти къ кабинету супругу камергѣра Крога, изъ Копенгагена, которая послѣ рассказывала намъ, что по многимъ несомнѣннымъ признакамъ она узнала очень близкую ей особу.

Баронесса Пейронъ точно также объяснила, что появившаяся высокая фигура былъ ея сынъ, въ чемъ она никакъ ошибиться не могла, и что другая фигура, которая, выйдя изъ кабинета, положила ей руку на голову, была дѣвица В. Валеріусъ, известная художница и ея корошная пріятельница, умершая въ февралѣ текущаго года.

Къ сожалѣнію, мое положеніе въ кругу относительно освѣщенія мѣшало мнѣ видѣть многое изъ того, что происходило передъ нами. Я могъ судить о вѣкоторыхъ явленіяхъ лишь по отзывамъ лицъ, поставленныхъ въ болѣе благоприятныя условія относительно свѣта, чѣмъ я. Но одинъ разъ въ продолженіе вечера всѣ мы, безъ исключенія, ясно видѣли два свѣтовыхъ шара, изъ которыхъ что-то постепенно образовывалось; одинъ изъ нихъ былъ очень свѣтлый, другой темнѣе. Шары эти все росли и расширялись, пока достигли человѣческаго роста и объема, причѣмъ, все время колыхались и расплывались какъ дымъ, разносимый вѣтромъ, а потомъ, постепенно уменьшаясь, окончательно обратились въ ничто.

Затѣмъ мы услышали звуки цитры, лежавшей на столѣ; музыкантъ, какъ говорили, былъ духъ маленькой дѣвочки

по имени *Нинія*; цитру унесли въ кабинетъ и оттуда слышались нестройные звуки, напоминавшіе игру ребенка.

Вотъ насколько память мнѣ не измѣняетъ, вплоть вѣрный и точный отчетъ обо всемъ, что я видѣла и слышала, хотя, можетъ быть, какія-нибудь мелкія подробности и выпущены мною.

Отто Е. Эрикссонъ.

Стокгольмъ, Стирмансъ-гатавъ 8. 2-го декабря 1896 года.

Отчетъ самого медиума.

Съ англійской оригинальной рукописи.

Я не помню, что происходило въ началѣ сеанса. Чувствовала я, какъ сзади дотрагивались до моихъ плечъ, и слышала выходившій изъ кабинета голосъ, но баронесса Пейронъ заговорила въ то же самое время, и я не могла отдать себѣ въ этомъ голосѣ яснаго отчета.

Затѣмъ я почувствовала, какъ рука тяжело опустилась на мое плечо, точно ища опоры. Я обернулась и увидала мужчину въ свѣтящемся одѣяніи. Я ясно его видѣла, такъ какъ свѣтъ изъ окна, находившагося отъ меня влѣво, падалъ на его лицо. Я увидала блѣдное, нѣжное лицо съ тонкими классическими чертами, темными глазами и мягкими черными усами.

Во мнѣ было неопредѣленное желаніе узнать, кто бы могъ это быть, пока онъ, все еще продолжая налегать на мое правое плечо, не нагнулся впередъ и не сказалъ: «*Тони*». Никто не обратилъ вниманіе на этотъ голосъ и онъ опять воскликнулъ, въ этотъ разъ съ какимъ-то тоскливымъ выраженіемъ: «*Тони!*» Онъ возбуждалъ во мнѣ глубокое участіе; мнѣ такъ хотѣлось помочь ему, но я не знала, кто «*Тони*». Кажется, въ это время пѣли, что и мѣшало ей услышать его голосъ.

Я громко сказала: «Фигура говорит: «Тони, Тони!», кто-бы могъ это быть?». На это отвѣтила г-жа Билле-Даль: «Я Тони и быстро пошла впередъ. Духъ снялъ руку съ моего плеча и я видала, какъ онъ взялъ обѣими руками лицо г-жи Билле-Даль, а она обняла его за шею и, какъ показалось мнѣ, положила ему голову на грудь; онъ же какъ будто слегка отступилъ, и они оба очутились нѣсколько позади меня справа, наполовину закрытые кабинетными занавѣсками, откуда доходили до меня рыданія, недоговоренные слова и звуки поцѣлуевъ.

Тутъ я начала чувствовать какое-то странное, особенное недомоганіе, но я не хотѣла поддаться этому ощущенію, боясь помѣшать столь трогательному для меня и для всѣхъ насъ свиданію. Но, наконецъ, я смутно сознала, что состояніе это становится для меня невыносимымъ: ясно мыслить я не могла, могла только чувствовать и чувствовала я себя чѣмъ-то въ родѣ быстро-тающего свѣжнаго кома, чувствовала, какъ жизнь уходитъ отъ меня, чувствовала, что мнѣ необходимодохнуть свѣжимъ воздухомъ, а можетъ быть, необходимо и еще что-нибудь, дающее новую связь съ уходящей жизнью.

Потомъ на меня точно снизошло какое-то вдохновеніе, что надо удалить г-жу Билле-Даль, но какъ трудно было мнѣ выговорить: «Уведите ее».

Гдѣ-то, кто-то увелъ ее, она была въ полуобморокѣ, и много плакала; думаю, что и другіе рыдали вмѣстѣ съ нею. Знаю, что я сама плакала. Трогательная сцена эта такъ возбуждительно подѣйствовала на всѣхъ насъ, что потребовалось нѣкоторое время, прежде чѣмъ мы настолько успокоились, что явленія могли возобновиться.

Я немного помню изъ того, что произошло далѣе,

хотя сеансъ продолжался еще нѣкоторое время. Но помню, однако, лицо матеріализованнаго духа, его красивыя, тонкія черты, волнистыя, черныя волосы и мягкіе длинныя усы. Когда мы послѣ сеанса сравнивали съ баронессой Пейронъ (ближе всѣхъ его видѣвшей) наши наблюденія, они оказались вполне тождественными.

Г жа фонъ-Билле-Даль была несомнѣнно глубоко счастлива, и хотя она всѣмъ намъ чужая, не было никого, кто-бы ей не симпатизировалъ.

Мои же ощущенія послѣ сеанса были далеко не пріятны, что я приписываю морфину, употребляемому двумя, а можетъ, и нѣсколькими лицами изъ числа присутствующихъ, исключить которыхъ, какъ приглашенныхъ нами, казалось неловко, да мы и не были увѣрены, что они будутъ въ состояніи принять участіе въ нашемъ засѣданіи. По окончаніи сеанса между 11-ю и 12-ю часами, я тотчасъ же легла спать, а проснулась я на слѣдующій вечеръ въ восемь часовъ, проспавъ безъ малаго сутки. Затѣмъ часа два я пробыла на ногахъ, а потомъ легла спать и опять проспала до половины слѣдущаго дня; по пробужденіи меня нѣкоторое время мучило непріятное ощущеніе тошноты; такъ что этотъ опытъ не прошелъ даромъ и многому научилъ меня.

Замѣтки А. Н. Аксакова.

Прежде всего, я съ величайшимъ удовольствіемъ привѣтствую возвратившуюся въ полномъ ея объемѣ медиумическую силу миссисъ Эсперансъ, послѣ двухлѣтняго перерыва, причиненнаго случаемъ въ Гельсингфорсѣ (см. выше стр. 114—235 и особенно стр. 197—201). Потребовалось цѣлыхъ два года, чтобы испытанное ею первое потрясеніе улеглось и здоровье, — это первое и глав-

нѣйшее условіе ея медиумичности, — настолько возстановилось, чтобы явленія матеріализаціи могли вновь происходить во всей своей полнотѣ. Благодаря полному спокойствію и заботамъ одного преданнаго друга, миссисъ д'Эсперансъ возвращена тому дѣлу, посвятивъ себя которому она считаетъ своимъ долгомъ, не смотря на всѣ трудности и испытанія, такъ часто ее удручавшія.

Къ сожалѣнію, однако, мы должны прибавить, что изъ того необыкновеннаго сеанса, подробности котораго мы только что сообщили, нельзя вывести заключеніе о полномъ выздоровленіи миссисъ д'Эсперансъ. Какъ она мнѣ говорила при нашемъ свиданіи въ Парижѣ, лѣтомъ 1896 г. силы ея, послѣ того сеанса, окончательно надломившись и даже въ самомъ интимномъ кружкѣ ей удавались только нѣкоторые опыты безъ вполне удовлетворительныхъ результатовъ. Не смотря на это, я думаю, мы можемъ надѣяться на лучшее въ будущемъ, ожидать, что медиумическая карьера миссисъ д'Эсперансъ не кончится такъ, какъ кончилась карьера Юма, послѣ смерти котораго серьезные изслѣдователи психизма воскликнули: «Ахъ, если-бъ онъ теперь еще былъ живъ, мы сумѣли-бы его изучить; мы не потеряли-бы этого рѣдкаго случая!» и т. д.

Перехожу, однако, къ моему предмету. Сеансъ 25-го ноября 1895 года, только что нами изложенный въ четырехъ отчетахъ присутствовавшихъ лицъ, представляетъ собою замѣчательныя особенности, отмѣтить которыя очень важно. Я останавливаюсь лишь на случаѣ съ г-жею фонъ-Билле-Даль, хотя съ точки зрѣнія феноменализма и другія явленія, засвидѣтельствованныя присутствующими, могутъ считаться очень интересными фактами; но они не представляютъ собою тѣхъ особенностей, которыя мы находимъ нужнымъ отмѣтить.

1) Проявленіе, черезъ матеріалізацію, покойнаго мужа г-жи фонъ-Билле-Даль, можно назвать *настоящимъ свиданіемъ изъ того міра* по общаію, раньше данному г-жѣ Билле-Даль ея супругомъ на сеансѣ въ Кельнѣ, гдѣ онъ общалъ ей матеріализоваться черезъ миссисъ д'Эсперансъ. И сеансъ этотъ, спеціально устроенный для этой цѣли, увѣнчался полнымъ успѣхомъ, — что составляетъ весьма рѣдкое явленіе, ибо даваемыя на сеансахъ общанія исполняются далеко не всегда. Такъ мало ожидали успѣха, что г-жу Билле-Даль посадили вдали отъ медиума.

2) Что же, однако, при этомъ случилось? Согласно своему общанію, отшедшій тотчасъ же вполне матеріализуется и появляется съ открытымъ лицомъ, — явленіе очень рѣдкое! Самъ медиумъ и его сосѣди: баронесса Пейровъ, Лили Фидлеръ и г-жа Фидлеръ, хорошо видѣвшія черты его лица на освѣщенномъ фонѣ матоваго стекла, подробно ихъ описываютъ, но, конечно, не знаютъ кто это былъ.

3) Фигура идетъ съ протянутыми руками къ г-жѣ Билле-Даль, но вскорѣ силы покидаютъ ее и она возвращается въ кабинетъ, чтобы запереть новыми силами. Чувствуя свою слабость, фигура пытается приблизить къ себѣ г-жу Билле-Даль и два раза слабо произноситъ ея имя: «Тони, Тони!» Г-жа Билле-Даль слышитъ тогда къ фигурѣ, стоящей въ отверстіи кабинета, но у фигуры *не только нѣтъ больше силы двигаться впередъ, но даже удержатъ матеріализованными черты лица и она закрываетъ себѣ голову.*

Поэтому г-жа Билле-Даль не могла видѣть ясно лицо фигуры, закрытое, по ея словамъ, вуалью. Этимъ объясняется очевидное противорѣчіе между показаніемъ г-жи Билле-Даль и другихъ лицъ, увѣряющихъ, что они ясно

видѣли лицо фигуры, тогда открытое. Что голова не была уже достаточно материализована, видно еще изъ того, что фигура не могла больше говорить.

4) Здѣсь намъ представляется одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ случаевъ. Г-жа Билле-Даль чувствуетъ, какъ двѣ, вполнѣ материализованныя, руки берутъ ее за обѣ щеки,—одна изъ обычныхъ ласкъ ея покойнаго мужа,—длинные и тонкіе пальцы котораго она сейчасъ же узнаетъ. Она хочетъ отвѣтить той же лаской, но когда ея руки, проникая подъ покрывало, дотрагиваются до лица мужа, она ощущаетъ нѣчто «такое особенное», что испуганно отдергиваетъ руки и обвиваетъ ими шею фигуры. Фактъ таковъ, что лицо, какъ я говорилъ раньше, не было вполнѣ материализовано и что руки г-жи Билле-Даль встрѣчаютъ «лицо безъ бороды» и слишкомъ мало опредѣленное, чтобы узнать какія-либо черты.

Здѣсь, въ первый разъ въ лѣтописяхъ спиритизма, констатируется прикосновеніемъ голова, представляющая собою не что иное, какъ плохо материализованныя части мышцъ и костей, но сидящая на хорошо материализованномъ туловищѣ.

Въ параллель къ этому я могу привести только тѣ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ Кэти Княгъ забавлялась тѣмъ, что являлась плохо материализованная, иногда «безъ костей въ лучезапястномъ суставѣ», иногда «съ костяною трупобразною головою въ половину меньше тизмъ» или же «Psychische Studien», февраль 1890 г. стр. 744).

Со словъ материализовавшихся извѣстно, что трудъ всего материализовать лицо. Здѣсь мы видимъ тому казательство.

По всей вѣроятности, это же и служить причиной по которой матеріализованныя фигуры обыкновенно являются съ закрытой головой.

Еще одно соображеніе съ точки зрѣнія скептика, для котораго вся матеріализація есть не что иное, какъ самъ медиумъ или его помощникъ. Это внезапное исчезновеніе естественнаго лица при существованіи осталънаго тѣла и хорошо матеріализованныхъ рукъ, съ точки зрѣнія объективной реальности явленія, несравненно убѣдительнѣе для наблюдателей, чѣмъ присутствіе какого-нибудь лица, особенно если эта голова вмѣстѣ съ волосами и лицомъ за минуту передъ тѣмъ была ясно видима нѣсколькими особами.

5) Мы приближаемся къ неслыханному въ лѣтописяхъ спиритизма факту. Въ то время какъ передъ глазами близидящихъ происходитъ трогательная встрѣча г-жи Билле-Даль съ ея покойнымъ мужемъ, всѣ совершенно забываютъ о медиумѣ, который находится въ сторонѣ, и нисколько не заботятся о томъ, что съ нимъ происходитъ, и онъ долженъ самъ требовать помощи. Обезсиленная двукратной матеріализаціей, душевнымъ потрясеніемъ, сопровождавшимъ этотъ сеансъ, и страшнымъ усиліемъ фигуры удержаться все время на ногахъ, миссисъ д'Эсперансъ доходитъ до полного изнеможенія; она чувствуетъ какъ слабѣетъ, — «растворяется», по ея словамъ, — пугается и, собравши остатокъ силъ, вскрикиваетъ: «Уведите ее!»

Услыхавъ ея крикъ, г-жу Билле-Даль удаляютъ изъ объятій мужа и медиумъ оправляется. Никогда еще не было столь доказательнаго случая одновременнаго присутствія медиума и фигуры!

Много разъ я просилъ миссисъ д'Эсперансъ произнести хотя-бы одно слово во время появленія матеріа-

лизованной фигуры, но материализация такъ обезсиливаетъ и парализуетъ медиума, что онъ не въ состояніи говорить. Здѣсь же, въ ужасѣ, слова у миссисъ д'Эсперансъ вырываются какъ-бы сами собою.

6) Отъ чуда мы переходимъ къ чуду! Когда г-нъ Фидлеръ, по просьбѣ медиума, вырываетъ г-жу Билле-Даль изъ объятій мужа, тотъ даетъ ей на прощаніе три поцѣлуя въ губы ладонью и исчезаетъ. Г-жа Билле-Даль бросается за исчезающей фигурой, какъ-бы желая ее удержать, но ея уже нѣтъ, все исчезло! Тогда г-жа Билле-Даль спѣшитъ въ кабинетъ, въ надеждѣ увидать горячо любимаго человѣка, но и тамъ никого уже не находитъ!

Объ этомъ пунктѣ я разспрашивалъ г. Фидлера, какъ ближайшаго свидѣтеля, и онъ удостовѣрилъ меня, что дѣйствительно г-жа Билле-Даль проникла въ кабинетъ.

Замѣтимъ, что съ исчезновеніемъ фигуры исчезаетъ и тотъ странный запахъ *«тальнія и фіалок»*, который ощущался все время г-жею Билле-Даль.

Мнѣ знакомъ этотъ запахъ; во время сеансовъ въ Готтенбургѣ въ 1890 году я очень часто подвергалъ изслѣдованію покрывала Іоланды; они обладали совершенно особеннымъ острымъ запахомъ, который я могу сравнить съ запахомъ какого-нибудь тропическаго, душистаго дерева.

Въ лѣтописяхъ спиритизма никогда еще не констатировался фактъ внезапнаго исчезновенія материализованной фигуры вблизи, почти въ объятіяхъ рукъ живого человѣка и къ тому же не при полной темнотѣ. Намъ, дѣйствительно, извѣстны нѣсколько очень рѣдкихъ случаевъ материализованныхъ рукъ, таявшихъ въ схватившей ихъ рукѣ (см. свидѣтельство Крукса въ его

«Notizen» ¹⁾ и недавнее свидѣтельство г-на Монторгель во франц. журналѣ «La Chronique médicale» отъ 15-го марта 1897 г.). Во время моего пребыванія въ Парижѣ г-нъ Монторгель самъ мнѣ рассказывалъ описанный имъ случай. Но подобнаго, какъ съ миссисъ д'Эсперансъ, мы не знаемъ. Кэти Кингъ исчезала тоже внезапно, но всегда за занавѣской.

Все вышеизложенное относится къ объективному значенію явленія. Съ точки же зрѣнія *тождественности личности* мы можемъ отмѣтить слѣдующіе пункты:

1) *Ласкательное имя*, которымъ мужъ г-жи Билле-Даль имѣлъ привычку называть ее. Допустимъ даже, что въ письмѣ къ миссисъ д'Эсперансъ г-жа Билле-Даль подписалась своимъ именемъ «Антонія», но это еще не доказываетъ, что миссисъ д'Эсперансъ знала уменьшительное имя «Тони». Кромѣ того, какъ могла она знать, что фигура была именно господиномъ фонъ-Билле-Даль?

2) *Черты лица*. Г-жа Билле-Даль ихъ не видѣла, но мы имѣемъ вполне согласныя показанія нѣсколькихъ другихъ свидѣтелей, видѣвшихъ и описавшихъ ихъ вполне согласно съ дѣйствительностью.

3) *Сходство рукъ*, которыя г-жа Билле-Даль видѣла и чувствовала и узнала въ нихъ руки своего мужа.

4) *Замѣчательная индивидуальная черта*,—это манера, какъ были взяты щеки г-жи Билле-Даль обѣими руками фигуры, — ласка, по которой она тотчасъ же узнала своего мужа! Вѣдь это нѣчто очень интимное и разумно нельзя допустить такую ласку со стороны чужой фигуры, а еще меньше со стороны помощника.

5) Но высшую степенъ интимной фамиллярности мы

¹⁾ См. «Psych. Stud.» Апрель 1894 г., стр. 58.

находимъ въ томъ способѣ, которымъ фигура прости-
лась съ г-жею Билле-Даль. Табъ какъ она не могла по-
цѣловать ея въ губы, то она троекратно прижала свою
ладонь къ губамъ г-жи Билле-Даль.

Въ другомъ письмѣ своемъ г-жа Билле-Даль мнѣ пи-
шетъ: «Онъ (т. е., мой супругъ) хотѣлъ меня поцѣло-
вать; я поняла это намѣреніе, но его лицо не было до-
статочно материализовано, чтобы поцѣловать губами. Ла-
донной поверхностью своей руки онъ вполне исполнилъ
свое желаніе». Бросается въ глаза, что только очень
близкія отношенія могутъ дать право къ такому про-
щанію.

Изъ всего вышесказаннаго, на мой взглядъ, съ пора-
зительной ясностью слѣдуетъ, что случай материализаціи,
о которомъ я здѣсь собралъ свидѣтельства, — одинъ изъ
самыхъ рѣдкихъ и замѣчательныхъ.

Александръ Ансаковъ.

С.-Петербургъ. 12/24 марта 1897 г.

Письмо А. Н. Аксакова къ г-жѣ д'Эсперансъ

ПО ПОВОДУ ЕЯ КНИГИ: „МІРЪ ПРИЗРАЧНЫЙ“¹⁾,

НАПЕЧАТАННОЕ ПРИ ЭТОЙ КНИГѢ ВМѢСТО „ПРЕДИСЛОВІЯ“.

Дорогой другъ!

Вы были столь добры, прислали мнѣ оттиски вашей книги и спрашиваете мое мнѣніе о ней. Съ большимъ удовольствіемъ исполняю ваше желаніе. Трудъ, который вы предприняли былъ не легокъ, но вы успѣшно выполнили его и достигли желанной цѣли. Вамъ все время приходилось опасаться, что вы скажете или слишкомъ много, или слишкомъ мало. Если-бы вы захотѣли сообщить слишкомъ много, вы были-бы подавлены подробностями и потребовалось-бы десять томовъ и даже болѣе, чтобы дать полный, обстоятельный отчетъ о вашемъ медиумизмѣ и притомъ же, въ концѣ концовъ, это могло бы показаться самовосхваленіемъ. Сказавъ же слишкомъ мало, вы могли бы быть не поняты. Вы избрали средній путь, который привелъ къ тому, что получается полное и удовлетворительно впечатлѣніе. Я говорю о своемъ впечатлѣніи, потому что для другихъ, можетъ,

¹⁾ «Shadow Land or Light from the other side» by E. d'Espérance. London. Redway. 1898. («Миръ призрачный или свѣтъ изъ другого міра»). Французское изданіе «Au Pays de l'Ombre». Paris, Leumagie. 1899. — Книга эта представляетъ собой автобіографію автора.

быть даже и теперь вы остаетесь непонятной; но я слѣдилъ за вашей медиумической карьерой во всѣхъ ея подробностяхъ въ теченіи болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ и потому могу понимать васъ лучше чѣмъ многіе другіе.

Отъ рожденія одаренная роковымъ даромъ «сенситивности», вы вопреки вашему желанію, сдѣлались медиумомъ. Движимая исключительно чувствомъ долга по отношенію къ истинѣ, вы не отказывали въ вашей помощи тѣмъ, кто желалъ подвинуть впередъ изученіе дѣла, которымъ и вы сами все болѣе и болѣе интересовались. Вскорѣ вы стали получать весьма замѣчательныя явленія и увлеклись мыслью, что возможно имѣть столь осязательныя доказательства великой истины безсмертія! Какое утѣшеніе для бѣднаго, темнаго человечества! Какая новая область для науки! Васъ одушевлялъ духъ пропаганды и вы готовы были на всякую жертву ради торжества истины ученія объ общеніи съ духовнымъ міромъ.

Уже довольно давно, когда я только впервые ознакомился со спиритизмомъ, я часто думалъ, что если бы я былъ сильнымъ медиумомъ, я охотно посвятилъ бы всю мою жизнь, всѣ мои силы и средства для доказательства всѣмъ и каждому, что существуетъ духовный міръ и что общеніе съ нимъ возможно. По счастью являюсь медиумомъ не я, а вы, одушевленная тѣми же принципами, которые руководили бы и мною, если бы я обладалъ вашимъ даромъ. По вашей жизни я вижу каковы были бы результаты, если бы я находился на вашемъ мѣстѣ. Ваша жизнь является доказательствомъ того, что при самыхъ лучшихъ намереніяхъ, при полнѣйшей искренности, достигаемые результаты не соответствуютъ принесеннымъ нами жертвамъ и надеждамъ, которыя мы питали. Я могу поэтому утѣшаться мыслью, что моя

судьба была бы не лучше вашей. И что же тому причиной? Незнакомство съ явленіями, съ ихъ законами и условіями. Новыя истины не могутъ быть навязаны нашему уму. Піонеры идеи осуждены работать для нея въ одиночку, не находя помощи и совѣта у другихъ, которые, по правдѣ сказать, до сихъ поръ столь же невѣжественны какъ и они сами. Истину можно найти только мало-по-малу.

Вы стали разочаровываться съ той минуты, когда движимая духомъ пропаганды, вы попытались давать первому пришлому и всякому постороннему осязательное доказательство (см. стр. 188 ориг.) духовныхъ проявленій. Тогда-то вы открыли то, что «казалось должно было разбить всѣ ваши проекты перерожденія міра»; вы увидѣли, что явленія, такъ легко получавшіяся въ вашемъ частномъ кружкѣ, не получались при постороннихъ, такъ какъ явленія находились въ зависимости отъ той духовной среды, въ которой они должны были совершиться.

Но самое горькое разочарованіе явилось, когда вы вступили неизбежно на скользкій путь матеріализаціи, являвшихся тогда неразгаданной тайной. Опытамъ матеріализаціи вы отдались съ готовностью и преданностью, достойными васъ. Сидя неусыпленной въ трансѣ внутри кабинета, сохраняя полное сознаніе, казалось, чего бы могли вы опасаться? Какъ хорошо было, что Юланда, которую вы сами такъ часто видѣли и трогали, появлялась внѣ кабинета. Что могло быть болѣе убѣдительнаго и успокоительнаго для васъ? И, однако, неожиданное приключеніе повергло васъ съ неба на землю!

Вы были убѣждены, что остаетесь на мѣстѣ въ полномъ обладаніи вашихъ чувствъ, и, однако, ваше тѣло находилось во власти постороннихъ вліяній.

*

Вы пали жертвой тайны внушенія. Эта тайна была тогда совершенно неизвѣстна намъ и въ данномъ случаѣ дѣло усложнялось вопросомъ: «Отъ кого же исходило внушеніе?»

Всѣ обстоятельства, повидимому, складывались противъ васъ. Вы однѣ могли знать, что ваша воля была тутъ не причемъ, но вы были уничтожены этой тайной. Весьма естественно, что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ вы не хотѣли даже слышать самого слова «спиритуализмъ» ¹⁾.

Прошло десять лѣтъ. Я думалъ уже, что вы совсѣмъ погибли для нашего дѣла. Но время лучшей цѣлитель и нѣкоторые добрые друзья вновь уговорили васъ приняться за сеансы. Была устроена цѣлая серія новыхъ опытовъ фотографированія матеріализованныхъ фигуръ. Получились блестящіе результаты и новое горькое разочарованіе. Снова васъ обвинили, когда вы знали, что вы ни въ чемъ иномъ не виноваты, какъ въ томъ, что ради другихъ согласились участвовать въ сеансахъ.

Это было новтореніемъ той же тайны, которую вы не могли разрѣшить, опять по причинѣ полного невѣдѣнія въ чемъ тутъ дѣло.

Въ это-то время я пріѣхалъ въ Готенбургъ, чтобы возобновить опыты съ фотографированіемъ. Хотя вы никогда не подвергали себя мѣрамъ контроля, къ которымъ прибѣгали съ профессиональными медиумами, вы позволили мнѣ, однако, вести дѣло съ вами какъ бы съ

¹⁾ На сеансахъ, которые г-жа д'Эсперансъ давала въ Нью-Кастлѣ въ 1880 г. и на которыхъ матеріализовалась Голанда, эта фигура, вѣдѣтвѣ сходства съ медиумомъ, возбудила подозрѣнія и была схвачена. Въместо Голанды оказался самъ медиумъ. Иначе и быть не можетъ, см. выше мое разъясненіе на стр. 223: «Дальнѣйшія теоретическія соображенія и выводы» п. 2 (стр. 224).

обманщицей, подчиняясь всѣмъ мѣрамъ предосторожности, которыя я находилъ бы нужнымъ примѣнять. Никогда вы не дѣлали мнѣ ни малѣйшаго возраженія. Я могу удостовѣрить, что вы были столь же заинтересованы, какъ и я, добиться истины.

Послѣ длиннаго ряда опытовъ и немалаго труда, мы пришли къ двумъ заключеніямъ. Во-первыхъ, что не смотря на полное сознаніе вами, что вы остаетесь неподвижной въ кабинетѣ, тѣло ваше или подобіе вашего тѣла являлось послушнымъ таинственной силѣ, внѣ кабинета. Даже вашъ спиритическій другъ Вальтеръ заявилъ, написавъ это вашей же рукой, что могло бы случиться, что ничего видимаго отъ васъ не останется внутри кабинета. Это было для васъ возмутительнымъ откровеніемъ. Во-вторыхъ, установлено было, и это весьма важно, что сомнѣнія и подозрѣнія лицъ, сидящихъ внѣ кабинета, весьма извинительны и являются, повидимому, болѣе основательными, чѣмъ когда-либо вы могли это думать.

Все это было до крайности тяжело.

Это же привело васъ къ рѣшенію: «Если я въ какой-либо степени причастна къ воспроизведенію материализованной фигуры, я должна это знать» (см. стр. 353 оригинала) и вы рѣшили, что не будете впередъ сидѣть за занавѣской.

При этихъ новыхъ условіяхъ вы получили самые благоприятные результаты; и тогда-то произошелъ замѣчательный случай, описанный вами въ главѣ XXIV «Являюсь ли я Анной или Анна—это я?» Я опасался, что вы не упомянете объ этомъ опытѣ и очень радъ, что вы рассказали о немъ подробно ¹⁾. Вы имѣли въ этомъ фактѣ осязательное доказательство раздвоенія человѣческаго организма. Это явленіе лежитъ въ основѣ всѣхъ мате-

¹⁾ См. выше стр. 221 «Дополнительное примѣчаніе».

реализаций и было причиной многих, такъ называемыхъ «поймокъ» медіумовъ.

Но въ какое новое смущеніе это васъ повергло!

Я помню самъ хорошо то время, когда, мучаясь сильными тяжелыми сомнѣніями, вы писали мнѣ: «Не ошибали вся моя жизнь? Не была-ли я введена въ заблужденіе? Не была-ли я обманута и не обманывала-ли я другихъ? Какъ могу я исправить то зло, которое я натворила?»

Изъ глубины того міра, который былъ такъ близокъ къ вамъ съ самаго дня вашего рожденія и ради котораго вы потрудились такъ серьезно и безкорыстно, пришелъ тотъ свѣтъ, о которомъ вы такъ горячо молились, и вы получили отвѣтъ на сомнѣнія, столь угнетавшія васъ. Я радъ, что вижу насъ вновь за плугомъ.

Въ вашихъ самыхъ послѣднихъ опытахъ фотографирования вамъ удалось развить новую сторону вашего медіумизма, которая, какъ я всегда предполагалъ, должна была быть присуща вамъ, но которая въ бытность мою въ Готенбургѣ не выяснилась болѣе того, какъ это описано въ случаѣ, приведенномъ на стр. 389. ориг. Послѣдніе достигнутые вами результаты дополняютъ прежніе опыты по матеріализации и согласуются съ чуднымъ видѣніемъ, которое пояснило вамъ эту тайну. Мы не можемъ видѣть духа, но мы хотимъ его видѣть. Мы не можемъ представить себѣ духа иначе, какъ въ человѣческомъ образѣ; поэтому такъ называемые «духи» дѣлаютъ все возможное для воспроизведенія этого образа. Таковы были человѣческія фигуры и головы, которыя вы видѣли и рисовали въ темнотѣ (см. стр. 151 оригинала); таковы же были, совсѣмъ недавно, невидимыя человѣческія фигуры, которыя вы фотографировали при дневномъ свѣтѣ или при магніи. Я расположенъ думать, что если бы вы сидѣли въ темнотѣ, вы также видѣли бы эти фи-

гуры. Наконецъ, таковы же были матеріализованныя видимыя фигуры, которыя были фотографированы въ Готтенбургѣ, и образецъ которыхъ вы даете подъ именемъ Лейлы на стр. 310 и 312. Всѣ они являются лишь попытками дать намъ нѣчто для воспріянія нашими чувствами; попытками, доказывающими то, что за этими фигурами дѣйствуютъ духовныя силы. Съ самаго начала намъ было сказано, что эти фигуры не должно принимать за образы «духовъ» ¹⁾.

¹⁾ Къ нѣмецкому переводу этого письма, помѣщенному въ февральскомъ выпускѣ журнала «Die Psychische Studien» за 1898 г. авторъ его присовокупилъ слѣдующее примѣчаніе:

Помянутыя три вида явленій человѣческихъ фигуръ, а именно:

1) трансцендентное явленіе — когда фигура невидима для всѣхъ,
 2) полутрансцендентное — когда фигура видима только медиуму и
 3) матеріализованное — когда фигура видима всѣмъ, представляются мнѣ какъ три типа основнаго феномена матеріализаціи. Въ видѣ исключенія въ данномъ случаѣ всѣ эти три типа наблюдаются у одного и того же медиума. Это дастъ намъ достаточно основанія для признанія всѣхъ этихъ трехъ типовъ родственными между собой. Въ книгѣ у г-жи д'Эперансъ приведены лишь нѣсколько такихъ фигуръ, у меня же ихъ имѣется множество; сравнивая и сопоставляя ихъ, я прихожу къ особой точкѣ зрѣнія на явленіе матеріализаціи и позволю себѣ дать о немъ слѣдующее опредѣленіе: мы можемъ допустить, что матеріализація какъ цѣльмъ человѣческихъ фигуръ, такъ и головъ и лицъ является только болѣе или менѣе искусно исполненной работой или произведеніемъ какого-либо дѣятеля или неизвѣстной силы — произведеніемъ болѣе или менѣе удавшимся по отношенію къ жизненности фигуры. Впрочемъ, эта мысль не новая, но здѣсь высказана она, какъ мнѣ кажется, точнѣе.

Нельзя также не обратить вниманія на то, что подтверждается и опытомъ и что съ этой точки зрѣнія объясняется легко, а именно, что эти «искусственныя произведенія» въ ихъ грубѣйшихъ проявленіяхъ, обращаются иногда, къ невыгодѣ медиума, въ настоящій маскарадъ, ослѣпляющій еще только неопытнаго наблюдателя, который воображаетъ, что имѣеть дѣло съ чудесной матеріализаціей, тогда какъ передъ нимъ проходятъ фигуры, сфа-

Если вы будете продолжать работать въ этомъ направленіи и достигнете господства надъ условіями, при которыхъ это происходитъ, то нельзя впередъ сказать, гдѣ вы остановитесь и къ какимъ прекраснымъ результатамъ вы можете придти.

Таковы были мои впечатлѣнія, дорогой другъ, при чтеніи вашей книги.—Она единственная въ своемъ родѣ. Это не исповѣдь, не отреченіе и не самооправданіе медиума, но это откровенная и печальная исторія разочарованной души, ищущей истину и преданной истинѣ, находящейся во власти неизвѣстныхъ, но много обѣщающихъ силъ.

Покидая нашъ міръ земной, этотъ міръ «призрачный», я говорю вамъ: «Продолжайте! Продолжайте! «Fais ce que dois advienne que pourra»—это хорошее правило, котораго вы держитесь. Я не увижу вашихъ будущихъ дѣяній, но ваша миссія далеко не исчерпана, я въ этомъ убѣжденъ. Придетъ день, когда вы найдете вашего Крукса, который постигнетъ тонкія свойства вашего медиумизма и пойметъ, какъ надо обращаться съ вашими разнообразными психическими способностями, и какъ развивать ихъ на пользу науки и человѣчества.

Преданный вамъ А. Аксаковъ.

Ревьска, Певзенской губ., ⁵/₁₇ сентября 1897 года.

брикованныя при помощи принося одежду, париковъ, бородъ и масокъ, исчезающихъ въ одно мгновеніе необъяснимымъ путемъ. Не надо забывать, что мистификація, доводимая съ «той стороны» до этой степени, является однимъ изъ существенѣйшихъ элементовъ спиритизма, какъ я уже это объяснилъ въ другихъ случаяхъ (см. «Psychische Studien» ноябрь 1895 г., стр. 481 и слѣд. и предисловіе къ 1-му въмецкому изданію моей книги «Анимизмъ и Спиритизмъ», стр. XXXIX и слѣд.). Настоящая и полная матеріализація человѣческой фигуры—явленіе необычайной рѣдкости.

⁹/₁₈ января 1898 г.

А. Аксаковъ.

РУССКІЯ ИЗДАНИЯ А. Н. АКСАКОВА:

Бруксъ. Опытныя изслѣдованія надъ психической силой съ 16 рисунками. Съ англійскаго. 1872. Цѣна 1 р. 25 к.

А. Аксаковъ. Разоблаченія. Исторія медиумической коммисіи. 1883. Ц. 2 р.

Гелленбахъ. Индивидуализмъ въ свѣтъ биологій и современной философіи. Съ нѣмецкаго, съ предисловіемъ Вл. С. Соловьева. 1884. Ц. 2 р.

Гелленбахъ. Человѣкъ, его сущность и назначеніе съ точки зрѣнія индивидуализма. Съ нѣмецкаго. 1885. Ц. 1 р. 50 к.

А. Аксаковъ. Позитивизмъ въ области спиритизма. По поводу книги Дассъ «О посмертномъ человечествѣ». 1884. Ц. 1 р.

Э. ф. Гартманъ. Спиритизмъ. Переводъ съ нѣмецкаго А. М. Бутлерова. 1887. Ц. 1 р.

А. М. Бутлеровъ. Статьи по медиумизму. Съ портретомъ автора. 1889. Ц. 2 р.

Геръ, Профессоръ Робертъ. Опытное изслѣдованіе спиритическихъ явленій. Съ англійскаго, съ 4 рисунками свародъ. 1889. Ц. 75 к.

А. Н. Аксаковъ. Анимизмъ и спиритизмъ. Критическое изслѣдованіе медиумическихъ явленій и ихъ объясненія гипотезами «нервной силы», «галлюцинаціи» и «безсознательнаго». Въ отвѣтъ Э. ф. Гартману. Съ 8 фототипіями. 1893. Цѣна за обѣ части 3 р. Готовится 2-е изданіе.

А. Н. Аксаковъ. Предвѣстники спиритизма за послѣдніе 250 лѣтъ. Выдающіеся случаи самопроизвольныхъ медиумическихъ явленій—съ 1661 года и переходъ къ экспериментальнымъ въ 1848 г. Отчетъ Миланской коммисіи о наблюденіяхъ произведенныхъ въ 1892 году надъ медиумическими явленіями вызываемыми Евзаніей Паладино. Тождество ихъ съ самопроизвольными. Ц. 2 р.

А. Н. Аксаковъ. Воспоминанія очевидца загадочныхъ явленій въ слободѣ Липцахъ въ 1852—1853 гг. Необходимое дополненіе къ «Предвѣстникамъ спиритизма». Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Гёрней, Майерсъ и Подморъ. Прижизненные призраки и другія телепатическія явленія. Сокращенный переводъ съ англійскаго, подъ редакцію Вл. Соловьева. 1893. Ц. 2 р.

Д-ръ Карль дю-Прель. Философія мистики или двойственность человеческого существа. Переводъ съ нѣмецкаго М. С. Аксенова. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

